

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

**Сохранение русского языка и культуры в контексте
национальной безопасности**

Материалы Международной
научно-практической конференции
28-29 ноября 2023 г.

научное электронное издание сетевого распространения

Брянск, 2023

УДК 808.1+81'38+821.161.1+81'42+81'1+81'373+351
ББК81.21(2Рос)+66.2+81.055+81.006.3+81.053.1+83.3Р5-8
С 68

Сохранение русского языка и культуры в контексте национальной безопасности: Материалы научно-практической конференции (г. Брянск, Брянская область, 28-29 ноября 2023 г.) / Под ред. Н.В. Трошиной, С.С. Фомина. – Брянск: РИСО БГУ, 2023. – 220 с. – Системные требования: ПК не ниже класса Pentium II; Windows 95/98/XP; мышь. – Загл.с экрана

В сборнике представлены доклады участников Международной научно-практической конференции «Сохранение русского языка и культуры в контексте национальной безопасности», которая состоялась в Брянском государственном университете имени академика И.Г. Петровского 28-29 ноября 2023 г.

Сборник издан в рамках Научно-образовательного проекта "#Студент#Наставник#Открытие" при поддержке Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ (соглашение от 15.06.2023 г. № 075-15-2023-557).

Материалы сборника будут полезны научным работникам, преподавателям, учителям, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется вопросами изучения русского языка и культуры.

Рецензенты:

Головачева О.А. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского;

Теркулов В.И. – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета.

Подготовлено на кафедре русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского».

Рекомендовано к печати на заседании кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (протокол № 5 от 14.12.2023 г.).

Авторы несут ответственность за достоверность публикуемых фактических материалов, корректность цитирования и приводимых источников.

© РИСО БГУ, 2023

© Коллектив авторов, 2023

Бессарабов О.В.

МБОУ «Школа № 150 города Донецка»,
г. Донецк, РФ

Бессарабова Ю.В.

МБОУ «Школа № 126 города Донецка»,
г. Донецк, РФ

ВАРВАРИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема варваризации русского языка, определяются пути её решения. Указываются негативные последствия варваризации. Раскрывается важность системной работы по созданию новых русских слов и выражений. Проводится параллель между нестабильностью языка и нестабильностью общества. Определяются пути сохранения русского языка в своей оригинальности и уникальности.

Ключевые слова: варваризация, уникальность, идентичность, культурное наследие, русская речь, национальное достояние, лексикон, компетенции, этические нормы, языковые нормы.

Bessarabov O.V.

MBEI «School № 150 of Donetsk», Donetsk, Russia

Bessarabova Yu.V.

MBEI «School № 126 of Donetsk», Donetsk, Russia

BARBARIZATION AND CULTURE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article discusses the problem of the barbarization of the russian language, identifies ways to solve the problem. The negative consequences of barbarization are indicated. The importance of systematic work on the creation of new russian words and expressions is revealed. A parallel is drawn between

the instability of language and the instability of society. The ways of preserving the Russian language in its originality and uniqueness are determined.

Keywords: barbarization, uniqueness, identity, cultural heritage, russian speech, national heritage, lexicon, competencies, ethical norms, language norms.

Проблема варваризации русского языка является актуальной и требует внимания. Каждый язык – важный элемент национальной культуры, и его сохранение и развитие имеют существенное значение. Варваризация русского языка представляет собой процесс проникновения иноязычных слов и выражений в русскую речь без необходимости. Это может создавать проблемы для понимания текстов, особенно для людей с недостаточным владением иностранными языками.

Кроме того, варваризация языка может привести к потере уникальности русской культуры и идентичности. Наш язык имеет богатую историю и культурное наследие, которые следует сохранять и развивать. Также варваризация языка может создавать проблемы для образования и научных исследований (на чем настаивают, например, Толмачев Н. А. [1], Хохонин Д.Е. и Овсянникова К.В. [2], Сажина Л. В. [3]). Вмешательство иноязычных элементов затрудняет понимание и изучение русской науки и литературы.

Решение проблемы варваризации русского языка требует совместных усилий от общества, образовательных учреждений и государственных органов. Необходимо осуществлять контроль и регулирование использования иноязычных слов и выражений в русской речи. Важно также поощрять изучение и развитие русского языка как национального достояния.

Наряду с этим важно уделять внимание и развитию русского словарного запаса и лексикона. Необходимо продолжать работу по созданию новых русских слов и выражений для описания современных явлений и технологий. В конечном счете решение проблемы варваризации русского языка позволит сохранять и развивать культурное наследие нации, обеспечивая легкое понимание и общение внутри общества.

Все исследователи языка сходятся во мнении, что мы переживаем время резкой активизации жаргона (арго, сленга). Жар-

гонизмы переполняют речь людей, СМИ, художественную литературу.

Примеры варваризации в русском языке можно найти в различных областях. Например, в сфере информационных технологий появилось множество новых слов и выражений: «интернет», «сайт», «социальные сети» и т.д. В эпоху Петра I имело место заимствование многих технологических терминов из западноевропейских языков. В советское же время произошло активное использование иностранных слов и выражений, пришедших из английского языка, а также «запознавание» (как когда-то сказал В.И. Даль) с идеями западной культуры.

Однако варваризация языка вызывает и споры, и критику. Некоторые считают, что массовое пополнение русского языка иностранными словами приводит к его обеднению и потере «национального характера». Другие приветствуют такое развитие, считая это нормальным процессом заимствования и обогащения языка новыми словами и понятиями.

Когда общество ощущает нестабильность и неопределенность, возникает потребность в создании новых слов и понятий, чтобы описать возникшие процессы и явления. Это может быть вызвано политическими, социальными или экономическими изменениями.

В такие периоды в языке и культуре происходит варваризация – процесс, когда заимствуются слова или понятия из других языков или культур, чтобы заполнить пробелы в лексиконе или описать новые явления. Это своего рода броуновское движение в языке, когда происходит интенсивный и неупорядоченный поиск средств выражения.

Нестабильность языка отражает нестабильность общества, так как язык является отражением культуры и способом коммуникации. Если общество находится в состоянии перемены и неопределенности, то его язык будет отражать это состояние. Нестабильность языка может быть временным явлением, которое преодолевается, когда общество стабилизируется и находит новый порядок и значимость.

Одной из основных причин варваризации русского языка является влияние иностранных культур, особенно англоязычной. В современном мире английский язык часто используется в качестве

международного языка коммуникации, и многие слова и выражения из него переходят в русский язык. Это особенно заметно в сфере информационных технологий, маркетинга, моды и музыки.

Однако варваризация русского языка может привести к следующим негативным последствиям:

1) потере национальной культурной и языковой идентичности; введение иностранных слов и конструкций может создать разрыв между старым и новым поколениями, а также привести к потере уникальности русского языка;

2) ухудшению языковых навыков; введение иностранных слов может привести к неправильному использованию русского языка и ухудшению грамматической и орфографической компетенции;

3) затруднению в коммуникации; использование иностранных слов и выражений может привести к непониманию и коммуникативным проблемам между людьми, особенно если они имеют разный уровень владения иностранными языками;

4) размыванию терминологии; введение иностранных слов и конструкций может привести к размыванию терминологии в различных областях знаний, что может затруднить их изучение и применение;

5) усложнению обучения русскому языку для иностранных студентов; введение иностранных слов и конструкций может создать сложности для иностранных студентов, изучающих русский язык, особенно если они привыкли к другой грамматике и лексике.

В целом варваризация русского языка является сложным явлением, которое требует баланса между сохранением национальной идентичности и открытостью к новым словам и выражениям.

Нарушение языковых правил в СМИ может быть «оправдано» тем, что они стараются привлечь внимание читателей или зрителей, создавая контент, который вызывает эмоции или шокирует. Такой подход основывается на использовании подсознания аудитории и может быть создан из коммерческих соображений. Однако отсутствие «правил игры» в языке может привести к недостатку информационной надежности и качества сообщений, а также к несоблюдению основных этических норм.

Сохранение нормы нормального поведения в речи – это гарантия эффективного и добросовестного общения в обществе. Поэтому важно акцентировать внимание на необходимости со-

блюдения «правил игры» в языке и обращать общественное внимание на эти вопросы. Обучение и пропаганда языковых норм могут помочь улучшить качество языка, использованного в СМИ, и обеспечить развитие более гармоничного общества.

Таким образом, варваризация в языке и культуре является постоянным процессом, отражающим изменения в обществе и жизни людей. Она может вызывать как положительные эмоции, так и негодование, но, в любом случае, она свидетельствует о развитии и живости языка. Варваризация является серьезной проблемой для русского языка и требует активного внимания и борьбы. Важно развивать грамотность русского языка, сохранять его нормы, нормы общения и культуру родного языка. Это позволит сохранить язык в своей оригинальности и уникальности.

Список литературы

1. Толмачев Н. А. К вопросу о варваризации в современном русском языке // Филологические науки в МГИМО. 2015. № 4 (4). С. 33-46.
2. Хохонин Д.Е., Овсянникова К.В. Специфика функционирования варваризмов в русской речи // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 2 (25). С. 10-16.
3. Сажина Л. В. Процессы вестернизации и варваризации русского языка как отражение диффузии в культурной сфере // Аналитика культурологии. 2008. № 11. С. 270-271.

Бурлакова К. Н.

Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь

**ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО
ЭФФЕКТА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИКОДОВОЙ РЕКЛАМЕ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИХ
РЕКЛАМНЫХ АГЕНТСТВ)**

Аннотация. Задача усиления воздействующего потенциала рекламы заставляет её создателей обращаться к лингвостилистическим приемам комического. Цель статьи – на примере русскоязычных рекламных кампаний, разработанных и реализованных белорусскими рекламными агентствами, рассматривается прагматический потенциал комического поликодового рекламного текста. С помощью контекстуального и лингвопрагматического методов, а также метода дискурс-анализа анализируются основные приемы создания комического эффекта и их функциональный потенциал в рекламном сообщении. Результаты могут быть использованы в деятельности рекламных агентств и практике обучения студентов по направлению «Реклама».

Ключевые слова: русский язык, реклама, рекламный текст, комическое, комический эффект, комические приемы.

Burlakova K. N.

Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Belarus

**TECHNIQUES FOR CREATING A COMIC EFFECT IN POLYCODE
COMIC ADVERTISING (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES
OF BELARUSIAN ADVERTISING AGENCIES)**

Abstract. The task of enhancing the influencing potential of advertising forces its creators to turn to the linguistic and stylistic techniques of the comic. The purpose of the article is to use

the example of Russian-language advertising campaigns developed and implemented by Belarusian advertising agencies to consider the pragmatic potential of a comic polycode advertising text. Using contextual and linguopragmatic methods, as well as the method of discourse analysis, the main techniques for creating a comic effect and their functional potential in an advertising message are analyzed. The results can be used in the activities of advertising agencies and the practice of teaching students in the direction of «Advertising».

Keywords: russian language, advertising, advertising text, comic, comic effect, comic techniques.

Понятие «комическое» (от греч. *komikos* – смешной, веселый) трактуется в словарях как «эстетическая категория, отражающая противоречия действительности и содержащая их критическую оценку» [1, с. 163]; «категория эстетики, означающее смешное» [3, с. 986]; «эстетическая категория, обозначающая все то, что является противоположностью серьезного и трагического в жизни и искусстве и что порождает у человека характерную психологическую реакцию в виде улыбки, смеха, хохота» [2, с. 124]. Для продвижения товаров и услуг в коммерческой рекламе используются разные креативные приемы, а в последние годы наблюдается интерес к использованию комических приемов, так как юмор отвлекает от коммерческой цели сообщения, вызывает эмоциональную разрядку, убеждает аудиторию самой легкостью восприятия информации.

В рекламных постах комическое содержание может реализовываться на уровне вербального, невербального (визуально-го, музыкального и др.), жанрового, культурного кодов, а также через их сочетание. В последнем случае «многоступенчатое комическое кодирование способствует увеличению эмоциональной вовлеченности реципиента комической рекламы, что повышает ее эффективность» [4, с. 107]. Важной предпосылкой для активного производства именно комических поликодовых рекламных текстов является тенденция к «эстетизации коммуникации, проявляющаяся в усиленной визуализации коммуникативного сообщения» [5, с. 90] и в «усиленном внимании к форме текстов» [5, с. 91]. К поликодовым текстам, как известно, относят «случаи

сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [5, с. 171]. Для коммерческой рекламы наиболее характерным явлением выступает мультимедийный поликодовый текст – целостный в функциональном, структурном, коммуникативном и смысловом плане продукт, нацеленный на комплексное прагматическое воздействие на адресата, а именно: его информирование о товаре или услуге, убеждение в конкурентных их преимуществах, воздействие на чувства и эмоции потенциального потребителя. Е.Ю. Дьякова в качестве главных текстообразующих характеристик современного рекламного текста называет гипертекстовость, полимодальность и мультимедийность [6, с. 9]. Поликодовость оформления текста имеет особое значение для комической рекламной коммуникации, так как открывает неисчерпаемые возможности для эмоционально-психологического воздействия на целевую аудиторию.

Комические приемы используются в разных компонентах рекламного текста (слогане, заголовке, основном тексте, концовке) и разных знаках фирменной индивидуализации (логотипах, товарных знаках, слоганах, эмблемах, бренд-персонажах), а также часто применяются для создания сюжетов с комическим эффектом. Обзор научной литературы показал, что в современных исследованиях к приемам комического относят разные лингвостилистические средства: прием обманутого ожидания, пародирование, ретардацию (замедление), комические транспозиции, умолчание, приемы исправления, предельной детализации или размытости, контраста, оживления внутренней формы слова, преувеличение, гиперболу, гротеск, карикатуру, пародию, насмешку, иронию, сравнение, комическую деталь, комическую интригу, комическую ситуацию, комический характер, контраст, каламбур, омонимию, двусмысленные афоризмы, а также так называемые «гэги» (показ реального факта в ряду абсурдных) и «благги» (издевку над всем святым), стиб («подколы»), нарушение правдоподобия (гротеск) и некоторые другие. Указанные приемы могут реализовываться в комическом рекламном тексте с помощью средств из разных семиотических систем. С целью выявления основных приемов создания комического эффекта в мо-

дульных рекламных текстах было проанализировано шесть рекламных продуктов.

В статье анализируются русскоязычные текстовые сообщения, созданные в рамках трех рекламных кампаний, разработанных и реализованных белорусскими рекламными агентствами. С помощью контекстуального и лингвопрагматического методов, а также метода дискурс-анализа устанавливаются и характеризуются основные приемы создания комического эффекта и их функциональный потенциал в рекламных сообщениях.

Рассмотрим рекламную телевизионную игру «Удача в придачу», которую проводит сеть магазинов «Евроопт» и в которой употребляются такие приемы создания комического эффекта, как каламбур, метафора и ассоциация. В слогане игры «Удача в придачу» используется каламбурное столкновение слов «удача» и «придачу». Первое слово имеет значение ‘счастливого, благоприятного стечения обстоятельств, способствовавшее желательному, нужному исходу дела’ [11], а второе – ‘то, что придано, прибавка’ [11]. Каламбурная рифма создает эффект неожиданности и привлекает внимание аудитории. Метафорическое обыгрывание слогана позволяет убедить потенциальных покупателей в том, что полученные ими дополнительные бонусы при покупке товаров в сети магазинов «Евроопт» позволят «поймать удачу» в телевизионном розыгрыше призов. В слогане используется ассоциация с удачей [10, с. 38], что вызывает положительные эмоции у аудитории и повышает привлекательность сети магазинов, так как есть возможность не только удачно «закупиться», но и что-то получить бесплатно. В языковом сознании носителей русского языка *удача* – это значимый концепт, который широко представлен в русской фразеологии (ср.: родиться в рубашке [сорочке], счастье улыбнулось кому-л. и др.) и в русской паремике, например: *Удача – кляча: садись да скачи; Удача – спутник смелого; Ученику – удача, учителю – радость; Удача – брага, а неудача – квас; Неудача ума прибавляет* и т. д. [10, с. 39].

Целью рекламной кампании сети магазинов «Соседи», проводимой под слоганом «ПОКУПАЕМ! ЛЕТИМ! ЕДЕМ! Французские каникулы», является привлечение внимания к акции, в которой участники могут выиграть автомобиль CITROEN C3 Aircross и туристические путевки во Францию, а также пода-

рочные сертификаты на покупку товаров в сети магазинов «Соседи». В рекламной кампании используются следующие языковые приемы с комическим эффектом: метафорическое обыгрывание слогана позволяет убедить потенциальных покупателей в том, что в названии акции «ПОКУПАЕМ! ЛЕТИМ! Французские каникулы. ЕДЕМ!» путешествие совсем рядом. Повторение слов «ПОКУПАЕМ! ЛЕТИМ! ЕДЕМ!» создает ритм и акцентирует внимание на действии, что придает слогану динамичность и энергию. Использование восклицательного знака после каждого слова усиливает эмоциональную составляющую слогана и придает ему игривость, которая вызывает заинтересованность у потенциального участника рекламной игры и призывает к действию – совершение покупок. Продолжая тему метафоризации, отметим, что: в первом случае слово «едем» означает ‘участвуем в акции’, а во втором – ‘летим во Францию’. Двусмысленность — один из наиболее часто используемых в рекламе способов привлечь внимание. Выявлена и аллюзия в словосочетании «Французские каникулы». Данное выражение служит отсылкой к фильму «Мистер Бин на отдыхе», автором которой является Стив Бенделэк. Главный герой фильма Бин отправляется на отдых на юг Франции, оставляя за собой повсюду яркие следы своих приключений. Так и потенциальным покупателям предлагают отправиться во Францию, чтобы насладиться каникулами и отличными покупками!

Общий эффект комического приема в рекламном слогане заключается в создании своеобразной игры слов и образов, которая привлекает внимание и вызывает положительные эмоции у аудитории, располагая к бренду. Рассмотрим рекламный слоган томатных соусов «Камако» торговой марки «Помидор»: *Помидор: вкусно как у повара*. В данном рекламном слогане используется стилистический прием персонализации. Образно-художественное или просто образное сравнение – это сопоставление двух явлений с целью пояснить одно из них с помощью другого [12, с. 84]. В рекламном слогане *Помидор: вкусно как у повара* образное сравнение применяется для достижения оригинального звучания. Сравнение *как у повара* создает чувство уверенности в том, что все технологические стандарты и санитарно-бытовые нормы при изготовлении продукта были соблюдены, и в том, что это по-настоящему вкусно. В приведенном примере ре-

кламного сообщения для продвижения томатных соусов марки «Помидюр» используется окказионализм «вкусно» с ударением на букву «о». Это слово образовано от слова «вкусный» путем изменения ударения. Такое изменение ударения создает эффект неожиданности и привлекает внимание аудитории.

Таким образом, в анализируемых рекламных текстах используются следующие приемы создания комического: многозначные слова, аллюзия, метафоризация, ритм и рифма, использование знаков пунктуации, как призыва к действию – покупке товара, игра слов. В исследуемой рекламе средствами создания комического эффекта могут послужить разные языковые единицы. Как было выявлено, большинство комических явлений в рекламе создаётся путем применения лексических средств. В зависимости от намерений автора рекламного сообщения комическое выполняет в нем различные функции. Несмотря на свой, казалось бы, изначально понятный любому посыл, комическое, как мы выяснили, имеет гораздо более глубокую структуру. Белорусские рекламные агентства успешно применяют приемы создания комического эффекта в поликодовой комической рекламе. Благодаря данным приемам рекламные агентства достигают большого успеха в привлечении внимания зрителей и создании положительного имиджа брендов.

Список литературы

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2007. 302 с.
2. Бачинин, В.А. Эстетика. Энциклопедический словарь. СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2005. 287 с.
3. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, Норинт, 2000. 1456 с.
4. Бачинин В.А. Эстетика. Энциклопедический словарь. СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2005. 287 с.
5. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009.
6. Дьякова Е.Ю. Поликодовый текст в британском рекламном дискурсе сферы образования. Дис... канд. филол. наук. Воронеж, 2011.
7. Тетерина Е.А., Чевтаева А.В. Юмор как способ социально-психологического воздействия в современной рекламе // Соци-

ально-гуманитарное знание: поиск новых перспектив. 2019. № 1.2. С. 173–176.

8. Боров Ю.Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. – М.: «Искусство», 1970. 269 с.

9. Вербицкая М.В. Филологические основы литературной пародии и литературного пародирования (на материале современного английского языка): автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1981. 23 с.

10. Янь Ши. Концепт «удача» в русских пословицах на фоне китайского языка // World Science. 2016. № 4 (8). С. 38–39.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2006.

12. Кромптон А. Мастерская рекламного текста. М.: Довгань, 1995.

Говоров Н.И.

Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ
Научный руководитель – **Головачева О.А.**
Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

**ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА КАК
СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ**

Аннотация. Текст рассматривает творчество Николая Лескова, чьи произведения всегда вызывали критику. Несмотря на неоднозначность в оценке, Лесков оставался верен вечным человеческим ценностям, что делает его творчество актуальным в XXI веке. Приводится пример театральной адаптации «Левша» в Брянском театре кукол, представляющей уникальное сочетание кукольного искусства, драмы и театра теней. Это является средством формирования объективного взгляда молодежи на российскую историю в контексте современных дискуссий.

Ключевые слова: Николай Лесков, царская Россия, Брянский театр кукол, историческая правда, театральная адаптация, кукольное искусство.

Govorov N.I.

Bryansk State University named after
academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia
Scientific supervisor – **Golovacheva O.A.**
Bryansk State University named after
academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

**POPULARIZATION OF THE WORKS OF NIKOLAI LESKOV AS A
MEANS OF PRESERVING
HISTORICAL TRUTH**

Abstract. The text explores the creative works of Nikolai Leskov, whose writings consistently faced criticism and censorship from both monarchical and socialist circles. Despite the ambivalence in evaluations, Leskov remained committed to timeless human values, rendering his works relevant in the 21st century. The text cites the theatrical adaptation of Leskov's "Lefty" by the Bryansk Puppet Theater as an example. This adaptation, under the direction of Yuri Utkin, combines puppetry, dramatic performance, and shadow theater, preserving the literary nuances of the original while introducing new syncretic elements on stage. The adaptation serves as a tool for shaping the younger generation's objective perspective on Russian history amid contemporary discussions.

Keywords: Nikolai Leskov, Tsarist Russia, Bryansk Puppet Theater, historical truth, theatrical adaptation, puppetry.

Творчество Николая Лескова всегда было плохо принимаемо критиками-цензорами. Монархические круги ругали его за слишком прогрессивные взгляды, социалистические круги – за недостаточно прогрессивные [1]. Николай Семенович так и не приобрел большой популярности, а его произведения всегда тщательно отбирались и сортировались – так, чтобы широкая публика увидела только те, которые были угодны нынешней политике: в царской России автора практически не печатали, в СССР успехом пользовались всего несколько выбранных произведений, которых цензура признала критикой царизма [2].

Подобная «неугодность» писателя вызвана его взглядами, которые базировались не на политической идеологии или веяниях времени, но на том, что можно назвать только вечными человеческими ценностями. Именно поэтому Николая Лескова читали с самого начала его литературной карьеры, читают сейчас и будут продолжать читать. Именно поэтому его произведения адаптируют для кино и для театра.

В нынешнем XXI веке творчество Николая Семеновича приобретает дополнительную актуальность. На фоне возрастающих голосов, идеализирующих царское время и отрицающих современную российскую демократию [3], произведения писателя

могут быть использованы в борьбе за сохранение исторической правды.

Так, Брянский театр кукол ввел в свой репертуар спектакль «Левша» (12+). На показы спектакля приглашают школьников среднего звена, уже знакомых с историческим периодом, описанным в оригинальном сказе, благодаря урокам истории. Постановка является прекрасным инструментом для создания у молодого поколения объективного взгляда на российскую историю.

Играют «Левшу» красиво, умело, а главное – верно. Несмотря на то, что для драматического жанра текст сказа был адаптирован, Николай Семенович на сцене узнается с первого взгляда.

«Левша», созданный под руководством режиссера Юрия Уткина, сохраняет литературные особенности оригинального сказа – со сцены звучат любимые писателем окказионализмы, а драматическое действие умело перемежается «авторскими ставками», во время которых актеры играют роль рассказчика, который в произведениях Николая Лескова всегда отдельный человек со своим характером и взглядами на жизнь.

Драматический жанр привносит и новое в «Левшу» – то, что возможно только на сцене. Спектакль получился очень синкретичным, в котором привычное кукольное искусство, классическая драматическая игра и театр теней соединены воедино, чтобы создать уникальную картину.

Особого внимания заслуживают куклы, используемые в постановке. Их, на удивление, всего три – император Александр, его казачий атаман и сам Левша. При этом к куклам традиционным можно условно отнести только самого Левшу. В этом видится прекрасная аллегория: кукла Левши переходит из рук в руки, от одного актера к другому, переодевается из одного костюма во второй – все для того, чтобы подчеркнуть отношение тогдашних властей к простому человеку. Левша для государственных деятелей и прочих «благородных» – это не более чем игрушка, которой можно распорядиться по своему усмотрению.

Подобным скрытым смыслом обладает и кукла императора Александра. Она представлена одним только лицом, которое выглядывает из-под арки, символизирующей тот или иной город. Император – не сколько человек с живой душой, сколько спу-

стившийся с Олимпа языческий бог, которого интересует не благосостояние его верующих-подданных, сколько собственные мелкие распри и тщеславные споры с другими божками.

Кукла атамана выполнена под стать императору – от человека у нее только условная голова с застывшим выражением праведного гнева и руки. Руки легко снимаются с тела куклы и живут своей жизнью, раздавая оплеухи простому люду и грозя иностранцам, то есть выполняя абсолютно все задачи царского воина.

Сюжет «Левши» с точностью повторяет оригинальный сказ с одним изменением – если в произведении Николая Семеновича Левша умирает не за что, еще одна жертва бездушной машины царской власти, то в постановке режиссер все же дает надежду на светлое будущее. Такое будущее, в котором Левши не только из Тулы, но и со всей России перестают умирать на улице.

Изменение финала для постановки приобретает новое значение и связь с современным демократическим обществом России, в котором труженики и таланты защищаются как законодательно, так и с помощью всевозможных проектов и грантов. Творчество Николая Лескова помогает современным школьникам сравнить царскую эпоху с нынешней Российской Федерацией, воспитывая в детях патриотизм и понимание необходимости поддержания конституционного строя.

Список литературы

1. Лесков Н. С. Вместо предисловия Б. Я. Бухштаб. Н. С. Лесков (1831-1895) // Собрание сочинений в шести томах / Под общей редакцией Б. Я. Бухштаба. М.: Правда, 1973. Т. 1. 432 с.

2. Клифф Тони. Сталинская Россия: марксист. анализ: пер. с англ. / Тони Клифф. М.: Изд-во Иностран. лит. (ИЛ), 1956. - 238, [2] с. 3.

3. Irwing Howe, Justice for Leskov, The New York Reviewer, April 23, 1987 issue, p 2.

Горбачева С.А.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

Научный руководитель – **Левичева Е.В.**

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

ОБРАЗ ДЕМОНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК ТИП МЯТЕЖНОГО ГЕРОЯ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом образа главного героя поэмы М.Ю. Лермонтова Демона. Описывается становление и развитие противоречивой личности персонажа.

Ключевые слова: романтизм, литература 19 века, М.Ю. Лермонтов, мятежный герой, образ Демона.

Gorbacheva S.A.

Bryansk State University named after
academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

Scientific supervisor – **Levicheva E.V.**

Bryansk State University named after
academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

THE IMAGE OF THE DEMON M.Y. LERMONTOV AS A TYPE OF REBELLIOUS HERO

Abstract. This article discusses issues related to the analysis of the image of the main character of the poem by M.Y. Lermontov Demon. The formation and development of the contradictory personality of the character is described.

Keywords: romanticism, literature of the 19th century, M.Y. Lermontov, rebellious hero, the image of a Demon.

Основным образом творчества М. Ю. Лермонтова стоит считать образ Демона - мятежного, несмиряющегося, негибает-

мого персонажа с его холодным критичным умом, одиночеством, разочарованием, ожесточенностью и одновременно с огромной жаждой любви, стремлением к добру.

В мировой литературе нет более сильного, более яркого отрицания трагизма одиночества, борьбы добра и зла, тоски и возмущения. Но, отражая с неповторимой силой страдания своего героя, М. Ю. Лермонтов подчеркивает, что эти страдания закономерны, они являются справедливым наказанием для того, кто думает только о себе, забывая о других, а для Демона главное - он сам.

Печальный Демон, дух изгнания...

Написанная рукой пятнадцатилетнего юноши (и, может быть, сложившаяся в сознании, в воображении мальчика еще раньше), эта строка без изменения прошла через все варианты лермонтовской поэмы.

Его зовут Демон. Но что, собственно значит это слово? В «Толковом словаре» В. И. Даля читаем: «Демон - злой дух, диавол, сатана, бес, черт, нечистый, лукавый. Сатана, кто во лжи, по кичливости духа; диавол, кто во зле, по самотности; демон, кто в похотях зла, по любви к мирскому» [1]. В «Толковом словаре» Ожегова: «Демон - В религии: сатана, злой дух» [3].

Заметим, что ни одно из объяснений не связано с тем определением, которое М. Ю. Лермонтов приписывает слову «Демон» и всей своей поэме, – указанием на печальность, которое сразу же ассоциируется у нас с миром человеческих отношений и настроений.

Но что за дух – Демон? Уже троп «печальный» не дает думать об уподоблении его образа с грозным Сатаной или с нечистой силой. И уж совсем отдален образ злого духа, дьявола, чёрта из русского фольклора. Поэтому «печальный Демон» - это человеческая сущность; «Демон, дух» - это внутренний мир особенный, знаковое выражение особенной природы; «дух изгнания» - это герой библейской легенды, подобный Сатане, но совершенно не соединяющийся с ними.

*... Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой... [2]*

Эти строки вносят в поэму новое измерение: к внутреннему миру печали героя и противостоящему ему образу «грешной» земли добавляются воспоминанья «лучших дней», которые говорят о том, что печаль Демона не изначально, что в прошлом он знал иные душевные состояния, память об этом прошлом не только жива, она неотступна, она рождает в его уме все новые образы.

*Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познания жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы! [2]*

Процитированная строфа, призванная, казалось бы, напомнить о Демоне как о духе зла, показывает среду не столько в духе истории из Библии, сколько в духе идеологического представления о мире равновесия и исходного единства человеческого существа, когда всё это живёт в союзе с природой – живой и очеловеченной («улыбающуюся комету», «кочующие светила»), в мире познания, в мире нежности и надежды, насыщающий его бытие значением, обеспечивающий ему настоящее счастье.

*Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья,
Нигде искусству своему*

*Он не встречал сопротивления —
И зло наскучило ему [2].*

Эта «пустыня мира» - мертвая, неприкаянная и вечная – представляет душевный мир самого Демона, не объединяющегося ни с небесами, которые находятся в полной гармонии, ни с «ничтожной» землей – двумя вселенными, между которыми осужден бродить Демон.

Пренебрегая землей, исполненный ненависти Демон пребывает в «пустыне мира», которая сопоставлена с «немой души его пустыней». Царственность этого мира делает еще большее мрачную необоснованность и бездумное существование героя. Это и подталкивает стремиться к прекрасному миру простого равновесия, это и находит другие состояния, оживающие в нем при виде очаровательности и целомудрия. И это становится действительно возможным на этой «грешной» земле.

Момент явления героя Тамаре четко определяет завязку поэмы, вводимую словами: «И Демон видел...».

Созерцание гармоничной красоты Тамары рождает в «изгнаннике рая» не только новые чувства и новые мечты, но и «новую грусть». Всю сложность обуревающих его настроений поэт вкладывает в ключевой вопрос:

То был ли признак возрожденья? [2]

И два «решения» доносятся вместе с верой и мрачным предсказанием:

*Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог... [2]*

и

*Забывать? — забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!.. [2]*

Упоминание о боге, глухой намек на его вражду с героем вновь выдвигают на первый план представление о Демоне как о персонаже библейской легенды: он изгнан с небес на землю, осужден на борьбу не только с богом, но и со священным, со всем чистым и благим. Он обязан сеять несчастье, испытание. Только герой Лермонтова – это не просто «злой дух», но и бывший павший ангел. Это свободный и одинокий дух, он тянется к добру, красоте, к правде, он готов променять все, чем он обладает, на эти сокровища. Из варианта к варианту подчеркивает поэт

эту борьбу зла и добродетели в своем герое. Образ Демона – некий символ стремлений в поисках жизни, а примириться с небом – это и есть разрушение сущности главного героя.

Обратим внимание на портрет Демона, который рисует героиня во сне:

*Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:*

Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!.. [2]

Демон, каким он мог рисоваться древним или язычникам – душа, получивший человеческий образ, награжденный неземной красотой, загадочный дух, в то же время обладающий возвышенным и меланхоличным внутренним миром. И в этом сравнении Тамара не способна выбрать: Демон кажется ей не гением зла, но и не ангелом-хранителем, а каким-то иным, тайным созданием – особенным, удивительным, посторонним и чуждым, пугающим и привлекающим...

Поэт вновь сосредоточивает наше внимание на переживаниях, мечтах и колебаниях Демона, который прилетает в обитель Тамары:

*Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой [2].*

Картина внутренних переживаний героя впервые дополняется здесь отдельными штрихами его портрета. Доступный теперь человеческому чувству, Демон приобретает, кажется, и

внешние черты земного существа. Совсем как человек: «Задумчив, у стены высокой Он бродит». Но в то же время: «...от его шагов Без ветра лист в тени трепещет». Демон обретает веру, чувствует зарождение в себе нового чувства:

*Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз [2].*

Следующие строки показывают всю искренность этого отношения, проникновенно вскрывая рождаемые и различные чувства: страх причинить боль девушке, невозможность отвернуться от своей любви, найденное понимание благополучия и пути к несчастью. Всё это раскрывается в четырех коротких строках:

*Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!
И, чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!.. [2]*

Образ слезы – еще один ключевой символ поэмы столь же сложный и внутренне противоречивый. Это символ рождения у героя человеческого чувства, «тяжелая слеза» в то же время напоминает и о его фантастической сущности: «жаркая, как пламень», она катится из «померкших глаз». Всё это говорит не только о сложности, но и противоречивости натуры героя.

Начало монолога Демона строится на нагнетании все более коротких фраз с анафорой, выносящей на первый план местоимение «я». Это и величественная мысль героя о себе, и горячее объяснение в любви.

*Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, — я у ног твоих! [2]*

У ног Тамары – величавый и властный «злой дух», самое признание которого в этом звучит необычайной мощью и гордостью.

*О! выслушай — из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю, —
Я раб твой, — я тебя люблю! [2]*

В своем стремлении к полному, глубокому чувству Демон готов даже предать свои принципы, расстаться со своей необыкновенным могуществом, ибо эта власть освобождает его от всего мира, а значит, и от Тамары. Любовь к Тамаре оказывается для него исполнением самого этого единства с миром, воплощением полноты и содержательности жизни, добра, красоты. Так, незаметно для самого себя лермонтовский герой заменяет традиционный идеал идеалом пылкой страсти, почти богохульственно ставя на место небесного божества земную возлюбленную.

Демон вновь говорит о своем одиночестве – и это одиночество предстает тем более полным и страшным, что оно сочетается с бессмысленностью самого существования героя в мире необходимости:

*О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видеть,
Стараться все возненавидеть
И все на свете презирать!.. [2]*

Уединение Демона, столь ярко раскрытое с помощью ряда развернутых сравнений, предстает в его рассказе о своем прошлом как полная отверженность не только от мира природы, от бога и от ангелов. Мятельный дух бунтует против Бога ради воли и знаний, герой находится в стороне и в мире изгоев – в мире носителей подлинной злобы.

Пытаясь воплотить мир своей мечты в реальные образы, Демон ищет его не на земле. Он обещает Тамаре унести ее в «надзвездные края» и сделать «царицей мира». Мир, о котором мечтает теперь герой, как бы сочетает в себе прекрасное небес – возвышенность, безучастность к пошлым и мелочным «снам» земли («Без сожаленья, без участия // Смотреть на землю станешь ты, // Где нет ни истинного счастья, // Ни долговечной красоты...» [2]) и прекрасное земной жизни: «Я дам тебе все, все земное» [2]. Но Демону недоступно ни то, ни другое. Небо навеки закрыто для него. Так же недоступно ему и земное счастье, он оторван от людей («Что люди? Что их жизнь и труд?...» [2]).

Истинные чувства Демона губят душу Тамары и убивают ее земную плоть. Предельная точка роста любви Демона оказывается причиной печальной развязки: «Увы! Злой дух торжествовал!...» [2].

Таким образом, поэма М. Ю. Лермонтова отражает высочайшее напряжение страстей и противоречий романтически настроенной личности, ставящее ее на грань реализма. Но поэт не переходит эту грань. В силу исторических условий и потребностей эпохи, М. Ю. Лермонтов не ограничивается изображением возвышенного и трагически обреченного героя, но и противопоставляет ему его искания новых норм жизни и поведения. Этим поэт и выражает свой идеал. И в этом ему помогает жанр романтической поэмы-мистерии. Борьба против Бога, так высоко поднимающая Демона, является именно романтическим, символически обобщенным выражением силы и красоты протеста личности против мрачных сил судьбы [4].

Список литературы:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 23.04.2023).

2. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / [Редкол.: В.А. Мануйлов (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979-1981.

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений. М.: Мир И образование, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 23.04.2023).

4. Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов: Худож. индивидуальность и творч. процессы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973.

Искандарова А.И.

Уфимский университет науки и технологий,
г. Бирск, РФ

Научный руководитель – **Карамова А.А.**
Уфимский университет науки и технологий,
г. Бирск, РФ

**КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ» В ЦЕННОСТНОЙ
КАРТИНЕ МИРА ШКОЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ (РЕЗУЛЬТАТЫ
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА И ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Аннотация. Цель статьи – определение места материальных ценностей (в частности, денег) в ценностной картине мира школьной молодежи, а также выявление содержания концепта «деньги» в их восприятии. В исследовании используются методы социолингвистического опроса и лексико-семантического эксперимента. Результаты статьи могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области лингвистической аксиологии, практической психолого-педагогической деятельности.

Ключевые слова: ценностная картина мира, ценность, антиценность, материальные ценности, деньги.

Iskandarova A.I.

Ufa University of Science and Technology,
Birsk, Russia

Scientific supervisor – **Karamova A.A.**
Ufa University of Science and Technology,
Birsk, Russia

**THE CONCEPT OF "MONEY" IN THE VALUE
PICTURE OF THE WORLD OF SCHOOL YOUTH (RESULTS OF A
SOCIOLINGUISTIC SURVEY AND LEXICO-SEMANTIC EXPERI-
MENT)**

Abstract. The purpose of the article is to determine the place of material values (in particular, money) in the value picture of the world of school youth, as well as to identify the content of the concept of "money" in their perception. The research uses methods of sociolinguistic survey and lexico-semantic experiment. The results of the article can be used in further research in the field of linguistic axiology, practical psychological and pedagogical activity.

Keywords: value picture of the world, value, anti-value, material values, money.

Цель статьи – определение экспериментальными методами места материальных ценностей (в частности, денег) в ценностной картине мира учащейся молодежи – школьников, а также выявление содержание концепта «деньги» в их восприятии.

Каждый человек живет в мире ценностей, богатство которого столь значительно и неизмеримо, что никакая эпоха или культура не могут раскрыть его возможностей [3, с. 172].

В аксиологии нет единого определения понятия «ценность». Многие из ученых подчеркивают, что в основе понятия ценности лежит интерес. О.Г. Дробницкий отмечает, что «под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т.д.» [2, с. 215].

Некоторые исследователи в определение ценности вкладывают такое понятие, как поведение. Отмечают, что ценности – это цели, которые направляют человека в его деятельности и определяют нормы его поведения.

В данной статье мы, вслед за С.Н. Виноградовым, понимаем ценность как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явления реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [1, с. 93-97].

В аксиологии, науке о ценностях, известно множество классификаций ценностей (М. Рокича, Г. Оллпорта, В.П. Тугаринов, О.Г. Дробницкого В.Ф. Сержантов, Б.С. Ерасова и др.). Во всех них, тем или иным образом, отведено место материальным ценностям. То есть материальные ценности являются неотъемлемой частью в общей системе ценностей. Если взять за основу по-

нимания материальных ценностей узкое понятие материального, согласно которому, материальный – это «относящийся к уровню жизни, к доходу, к заработку» [4, с. 400], то одной из главных материальных ценностей являются деньги.

С целью определения иерархии ценностей в ценностной картине мира молодежи, определения места денег в этой иерархии, мы провели социолингвистический опрос, в котором приняли участие обучающиеся 9-11 классов муниципального общеобразовательного бюджетного учреждения «Средняя общеобразовательная школа имени Героя Советского Союза Алымова Алексея Михайловича с. Михайловка муниципального района Уфимский район Республики Башкортостан» в количестве 92 человек. Респондентам было предложено расположить по степени значимости 11 понятий: *здоровье, деньги, семья, безопасность, учеба, закон, дружба, любовь, честь, Родина, вера*. При подсчете результатов каждому понятию присваивались баллы в соответствии с занимаемым местом – от 1 (за последнее место) до 11 (за первое место). Исследование показало следующую иерархию (по степени убывания): *семья* (889 баллов), *здоровье* (847 баллов), *дружба* (645 баллов), *безопасность* (619 баллов), *любовь* (578 баллов), *деньги* (525 баллов), *честь* (464 балла), *учеба* (417 баллов), *вера* (366 баллов), *Родина* (357 баллов), *закон* (345 баллов). При этом соотношение высшей (*семья*) и низшей (*закон*) позиций составляет 2,5:1. Понятие денег оказалось на шестом месте в иерархии ценностей (соотношение с высшей позицией –1:1,7).

Таким образом, деньги занимают в ценностной иерархии современной учащейся молодежи - школьников далеко не последнее место, превалируя над такими ценностями, как честь, учеба, вера, Родина, закон. При этом семья, здоровье, дружба, безопасность, любовь занимают более высокие позиции в ценностной шкале.

С целью определения содержания концепта «деньги» в языковом сознании школьников был проведен лексико-семантический эксперимент. Тем же обучающимся было предложено закончить фразу «*Деньги – это ...*». Результаты были систематизированы по семантике высказываний. Систематизация выявила восприятие денег по отношению к ценностной шкале. Выделены три основные группы: 1) деньги – это ценность (абсо-

лютная ценность; источник хорошей жизни; средство достижения целей; возможности реализации, развития; цель); 2) деньги – это неценность / антиценность (абсолютная неценность; то, что противопоставлено нематериальному; способ управления); 3) деньги – вне ценностной шкалы (средство приобретения, обмена; бумага, купюра; ответственность).

Ниже представлены примеры ответов.

I. Деньги – это ценность:

1. Абсолютная ценность: *Всё; Бумага, которая всё решает; Бумага; решает все; Сейчас всем нужны только деньги!; Всё, без них никак; Мировая валюта которая решает многое в мире (к счастью или сожалению); Счастье; Жизнь; Очень нужные и важные бумажки без которых нельзя в нашем мире прожить; Средство, без которого нельзя прожить в наше время; В наше время являются неотъемлемой частью жизни; Всеобщий эквивалент, без них никуда и т.д. (26 % ответов от общего числа).*

2. Источник хорошей жизни: *Источник хорошей жизни, дополнение к жизни; То, с помощью чего можно сделать хорошую жизнь; Средства, которые могут обеспечить хорошую жизнь; Необходимый ресурс для комфортной жизни; Возможность жить и не в чем не нуждаться, обеспечить себе хорошее будущее и будущее своим детям и т.д. (11% ответов от общего числа).*

3. Средство достижения целей: *Инструмент для достижения цели; Ресурс для достижения цели; Возможность, благодаря которой можно осуществить свои мечты, планы, желания; То, чем ты можешь осуществить свои мечты; Способ обеспечить свою семью, безопасность, учебу и помочь со здоровьем и т.д. (8 % ответов от общего числа).*

4. Возможности реализации, развития: *Возможности; Возможности в будущем для меня, в наше время всё решается деньгами Возможность, если они есть, то открывается много дверей; Возможности которые можно купить. Не в деньгах счастье, но можно купить за эти деньги счастье; То, без чего в современном мире сложнее реализоваться и иметь хороший статус; Возможность быть важным человеком в обществе, добиться успехов; Возможность развиваться, открывать мир, пробовать что-то новое Возможность делать то, что хочешь в рамках закона и т.д. (20% ответов от общего числа).*

5. Цель: *Главная мотивация работать* (1% ответов от общего числа).

II. Деньги – это неценность, антиценность:

1. Абсолютная неценность: *Деньги; Бумага; Бумажка; Просто бумажка; Выдумка; Своего рода “наркотик”, от которого зависят люди, думая, что деньги - весь мир в их жизни; Не-нужная вещь, ведь из-за них людей разделяют на 2 мира бедных и богатых* и т.д. (8% ответов от общего числа).

2. То, что противопоставлено нематериальному: *Деньги для меня ничто, я только верю в Аллаха, люблю семью, деньги только сделать свои дела и все; Всё, кроме дружбы и семьи, потому что в наше время можно купить много чего; Это то, что помогает и уничтожает людей; Возможность. На них можно купить всё, но не искренность; С одной стороны это всё. Это возможность получить всё что желаешь, с другой стороны ты можешь потерять все чем дорожишь* и т.д. (5 % ответов от общего числа).

3. Способ управления: *Инструмент; Способ манипулирования всем миром* (2% ответов от общего числа).

III. Деньги – вне ценностной шкалы:

1. Средство приобретения, обмена: *Предмет для покупки и обмена; Это бумажки, на которые мы можем приобрести что-либо; Бумажки, которые давным-давно пришли на смену шкурам, мясу и прочим товарам обмена; То, что можно обменять на вещь, и нужно подходить к затратам ответственно* и т.д. (14 % ответов от общего числа).

2. Купюра, бумага: *Бумага, определяющая ценник вещей; Бумага, определяющая ценность вещей; Бумага, которая имеет ценность после оплаты чужого труда* и т.д. (4 % ответов).

3. Ответственность: *Деньги это такая большая ответственность за ее использование* (1% ответов от общего числа).

В целом, эксперимент выявил, что большинство респондентов (81%) воспринимают деньги не безотносительно к ценностной шкале, то есть рассматривают их как нечто значимое/незначимое. При этом, существенно превалирует восприятие денег как ценности (80% от числа ответов, рассматривающих деньги как значимое/незначимое). Ценность видится по-разному: нередко это абсолютная ценность (36% от числа тех, кто считает

деньги ценностью), это также возможность добиться успеха в жизни, средство достижения целей (материальных или нематериальных), редко – сама цель. 19% опрошенных воспринимают деньги безотносительно к ценностной шкале, то есть не признают их значимости / незначимости, относятся к ним нейтрально.

Таким образом, социолингвистический опрос и лексико-семантический эксперимент позволили определить место денег в ценностной картине мира учащейся молодежи – школьников, а также выявить содержание данного концепта в их восприятии. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейшей научной работе в области лингвистической аксиологии, а также в практической психолого-педагогической деятельности, направленной на формирование, корректировку ценностной картины мира молодежи.

Список литературы

1. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород: Изд-ва Нижегородского ун-та, 2007. С. 93-97.
2. Дробницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблема ценности в философии / Под ред. А.Г. Харчева. Л.: Наука, 1966. С. 25-40
3. Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ, 2005. 216 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.

Карпенко А.В.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ

Научный руководитель – **Теркулов В.И.**
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ

**КАРТОЧНАЯ ИГРА В XIX ВЕКЕ
КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН,
ОТРАЖЁННЫЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
I-ОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Аннотация. Игра является универсальным явлением для множества мировых культур, и концепт «игра» обладает высокой общекультурной значимостью. В статье даётся представление о карточной игре как о лингвокультурном феномене дворянского общества XIX века, нашедшим отражение в творчестве (литераторов 1 половины XIX века). Цель работы – определить на основе анализа лингвокультуры «игра» и её слотов роль карточной игры в истории русского дворянского общества XIX века.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, слот, карточная игра, коммерческая игра, азартная игра, лексические репрезентанты, Случай.

Karpenko A.V.

Donetsk State University, Donetsk, Russia
Scientific supervisor – **Terkulov V.I.**
Donetsk State University, Donetsk, Russia

**CARD GAME IN THE 19th CENTURY
AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON
REFLECTED IN WORKS 1st HALF
OF THE 19th CENTURY**

Abstract. Formulation of the problem. Play is a universal phenomenon for many world cultures, and the concept of «game» has a certain general cultural significance. The article gives an idea of the card game as a linguocultural phenomenon of the noble society of the 19th century, which was reflected in the works of A.S. Pushkin, which is of active interest to researchers at the present time. The purpose of the work is to determine the role of card games in the history of Russian noble society of the 19th century.

Keywords: concept, linguoculture, slot, card game, commercial game, gambling, lexical representatives, Case.

Дискурсивное поле игры является одной из хорошо изученных областей эмпирического знания человека. Игру можно определить как самостоятельный вид деятельности. Именно посредством игры человек может реализовать себя в социуме, устанавливая контакт и являясь одновременно и субъектом, и послушным орудием игрового универсума. Однако существует не так много работ, в которых карточная игра была бы определена как лингвокультурный феномен.

С точки зрения В. А. Масловой, концепт – это «ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.)» [Маслова, 2008, с. 34]. По мнению Ю.С. Степанова, культура – это совокупность концептов и установленных между ними отношений [Степанов, 2004, с. 99]. Культурными объектами принято считать только в том случае, когда представления о них структурированы этноязыковым мышлением в виде определённых концептов.

В русской картине мира концепт «игра» является важной составляющей, которая отражает социальную, коммуникативную сферу жизни человека и социума.

Творчество русских писателей I-ой половины XIX века послужило основой для выявления контекстов употребления концепта «карточная игра» как лингвокультуры.

Лингвокультура «вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление («форму мысли»), так и тесно и неразрывно связанную с ним «внеязыковую культурную

среду» (ситуацию, реалию), – устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны» [Воробьёв 2006, с. 48]. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности.

Азартная игра в XIX веке как объект изучения вызывала интерес у социологов. Г. Зиммель, определяя значение игры, писал, что «все азартные игры и всевозможные пари являются символизацией борьбы и риска» [Зиммель, 1898 с. 124]. По мнению А. Шопенгауэра, «во всем свете карточная игра сделалась главным занятием любого общества; она – мерило его ценности, явное обнаружение умственного банкротства...» [Шопенгауэр, 1998, с. 27]. С точки зрения Й. Хейзинги, «азартные игры сами по себе суть примечательные культурные объекты, однако с точки зрения культуросозидания их надо признать непродуктивными. В них нет прока для духа или для жизни» [Хейзинга, 1992, с. 45].

В русской истории лингвокультурема «карточная игра» хорошо представлена. В разные исторические периоды она занимала ведущее место в формировании культуры русского дворянского быта. По свидетельству Ю.М. Лотмана, «карты – определённая культурная реалья» русского дворянского общества в 19 веке [Лотман 1975, с. 121].

Карточная игра наследует значения собственно феномена игры, она обладает рядом отличительных качеств в ряду настольных игр. По мнению О.М. Сомова, «карты, изобретение расчётливой праздности, своими пёстрыми, обманчивыми листочками заслоняют листы печатных книг» [Виноградов, 1936, с. 91].

Рассмотрим слоты, формирующие лингвокультурему «игра».

По мнению В.В. Виноградова, карточная игра в России «уже с XVIII в. изображалась как **характеристическая и символическая форма жизни дворянского общества** (Выделено нами – А.К.)» (слот 1) [Виноградов, 1936, с. 91]. Культурно-историческая форма досуга влияла на распространение той или иной игры, особенно это касалось карточной игры, популярность которой диктовала мода, пришедшая из-за границы: на смену одним играм в карты, приходили другие.

Расцвет карточной игры выпал на эпоху правления Екатерины II, хотя её предшественники всячески боролись с професси-

ональными картёжниками, применяя различные меры наказания. Карты стали **общепринятым времяпровождением для всех слоёв населения** (слот 2).

С чем же связана такая популярность карточных игр? Карточные игры стали своего рода **образцом, стилизацией европейской культуры** (слот 3). При дворе играли «на интерес», императрица периодически меняла партнёров, беседуя на разные темы во время игры. Функция карточных игр сводилась к **организации времени и средству общения, в ходе которых можно было выяснить своё положение среди собравшегося за зелёным столом общества на основе окружения** (слот 4). В.В. Шевцов так объясняет роль карточной игры в жизни дворянского общества: «Благодаря системе крепостного права и освобождению от обязательной службы дворянство смогло достичь самореализации путем создания субкультуры комфорта и развлечений, в которой карточные игры были занятием, бизнесом» [Шевцов, 2005]

Карточные игры могут быть расклассифицированы в зависимости от **социальной функции, которую выполняют, и от того, чем определяется выигрыш: расчётом или случаем** (слот 5). Если игра основана на расчёте, на знании сложных правил, и «задача партнёра состоит в разгадывании стратегии противника» [Лотман, 1975, с. 124], такая игра называется **коммерческой**, её приписывали «солидным людям».

Коммерческая игра выявляет интеллектуальное превосходство и владение большей информацией одним из партнёров, что и обеспечивает выигрыш. Как полагает А.В. Крушевский, «выигрыш – мера эффекта для игрока» [Крушевский, 1977, с. 8]. В. Майков определяет три составляющие успеха коммерческой игры: знание и строгое следование правилам, умеренность и расчёт.

В отличие от коммерческой игры, азартная игра выстраивается так, что игроки принимают решения о последующих действиях, не имея никакой прогнозирующей выигрыш информации. По мнению Дж. Рейхман, случай является синонимом неизвестных факторов, за которыми игрок понимает удачу. Стало быть, азартная игра – это «модель борьбы человека с Неизвестными Факторами» [Лотман, 1975, с. 125]. Т. Веблен полагает, что азартная игра – это возможность показать денежную платежеспособность. Можно не согласиться с его мнением, так как и ком-

мерческая игра изначально указывает на материальные возможности игрока. Различие же в коммерческих и азартных играх, скорее всего, в способе достижения цели: **если в одних играх выигрыш определяется знанием правил ведения игры, то азартной игрой управляет случай, стало быть, непостоянство, от чего ход игры непредсказуем** (слот б).

Азартные карточные игры называют банковыми, так как среди игроков есть банк, который держит банк, понтер, который делает ставки против банка. К таким играм относятся *фараон* [21, с. 330], *итосс* [11, с. 604], *макао* [20], *экарт* [14]. Никаких особых правил в азартных играх нет – всё зависит от материального достатка игрока, причём выигрыш равновероятен как для состоятельного игрока, так и для игрока, сделавшего ставку на последние деньги [Решетов]. Однако есть среди карточных игр такие, которые сочетают свойства и коммерческой, и азартной игры. К примеру, выигрыш в *покере* [2, с. 229] происходит произвольно за счёт полученной при раздаче комбинации карт, однако, чтоб увеличить доход от игры, необходимы знания психологии.

Карточная игра в литературе как отражение культурной реалии русского дворянского общества. Игра в карты ввиду своей популярности, овладела бытом дворянского общества в начале 19 века. Она становится не только формой досуга дворян, но прежде всего «универсальной моделью» [Лотман, 1975, с. 121], отражением их быта, что впоследствии стало литературной темой, «областью для развития художественных идей». Карты и карточная игра выполняют сюжетобразующую функцию в произведении или композиционной завязки, а главным героем порой является его величество Случай. Будучи включен в повествование в силу необходимости назвать тот или иной предмет, семантический пласт проникает в сюжетные построения, не связанные с основным и образующие с ним сложные конфликтные ситуации».

Первым произведением, посвящённым карточной игре екатерининской эпохи, была поэма В.И. Майкова «Игрок ломбе-ра» (1763). Для дворянского общества того времени поэма была актуальна, потому что сюжет и поднимаемый круг вопросов были связаны с игрой.

Карты напрямую связаны с мошенничеством, когда речь идёт об азартных видах карточной игры. Игру со Случаем, от которого зависел успех, пытались перехитрить с помощью «работающих» шулерских приёмов и карточного арга, выполняющего функции засекреченного языка.

В произведении И.Н. Новикова «Живописец» (1775) автор изобразил дворянское шулерство: *«Игроки собирались ко вседневному бдению за карточными столами и там, теряя честь, совесть и любовь к ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатых простачков всякими непозволенными способами»* [Засосов, Пызин, 2003, с. 62-63]. Однако были среди тех игроков и такие, которые были готовы спустить накопленное в течение года, чтобы сделать ставку.

Как уже было отмечено, первоначальный стимул азартного игрока – выигрыш через риск. Однако следует отметить, что среди азартных игроков наблюдается, так называемое, «аристократическое» и профессиональное отношение к игре. Поведение игрока носит прагматический характер. Для аристократического игрока игра – это способ пощекотать нервы, не проявляя характер. Он воспринимает игру свысока, как развлечение. Сурин так отзывался об игре: *«Проиграл, по обыкновению <...> Играю мيرانдром, никогда не горячусь, ничем меня с толку не собьёшь, а всё проигрываюсь»* [Пушкин, 1987, с. 191]

Игре неведомы социальные и возрастные границы, потому что азарт может увлечь каждого: *«Генералы и тайные советники оставили свой вист, чтоб видеть игру столь необыкновенную. Молодые офицеры соскочили с диванов; все официанты собрались в гостиной»* [Пушкин, 1987, с. 213]; *«...сидел хозяин и метал банк. Он был человек лет шестидесяти, самой почтенной наружности»* [Пушкин, 1987, с. 211].

Потребность в игре становится больше, чем способ достижения цели в виде выигрыша; она может овладевать всецело сознанием игрока, вызывая болезненное пристрастие, патологическое состояние: *«В эту минуту показалось ему, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась <...> Германн сошёл с ума»* [Пушкин, 1987, с. 213].

Особое место занимала карточная игра в армейской жизни. В произведении «Выстрел» А.С. Пушкина она является завяз-

кой конфликта между Сильвио и молодым офицером: *«Жизнь армейского офицера известна. <...> вечером пуни и карты»* [Пушкин, 1987, с. 43] Если Германн является марионеткой в руках Случая, играя в фараон, то Сильвио сам вершит свою судьбу, выступая роковой личностью. Банкомёт не выбирает стратегию во время промётки карт, а ожидает, какая карта выпадет. В то время как Сильвио параллельно игре в карты сам строит своё поведение в соответствии со своим выбором, со своей свободной волей: *«Сильвио молча продолжал метать <...> Сильвио взял мел и записал снова»* Он одержим идеей мести и в то же время становится рабом Случая, всю жизнь преследуя обидчика: *«Я доволен: я видел твоё смятение, твою робость...»* [Пушкин, 1987, с. 58]

Игра в карты вытесняла традиционные формы досуга и обретала монополию. Знакомства, выгодные связи, общение в свете не обходилось без карточной игры: *«Молодёжь к нему нахлынула, забывая балы для карт и предпочитая соблазны фараона обольщениям волокитства»* [Пушкин, 1987, с. 211]

Отождествление карточной игры с убийством, гибелью, самоубийством, а противника с инфернальными силами отразилось в произведениях «Фаталист» и «Штосс». Случайное рассматривается здесь как хаотичное, деструктивное, злое.

В «Фаталисте» представлено сближение темы карт с сюжетным конфликтом – «тайной бытия, судьбы» [Журавлёв, 2002, с. 242]. Сторонником фатализма выступает игрок Вулич: *«Была только одна страсть, которой он не таил: страсть к игре»* [Лермонтов, 1990, с. 581]. Тема азартной игры является «сюжетной машиной» этой повести. Коммерческая игра в самом начале повести: *«Однажды, накучив бостоном и бросив карты под стол, мы засиделись у майора С***очень долго...»* противопоставляется азартной – *«у дела страстных натур»* [Лотман, 1990, с. 140].

Тема карточной игры нашла отражение в произведении В.Ф. Одоевского «Мартингал», в котором описывается быт игрока. По словам героя, романтического юноши, *«... нет ничего хуже картёжной игры! Гибель, да и только»*. Карты оказались самой пагубной страстью, которую он испытал на себе. Отец с детства прививал страсть к игре: *«Отец мой игрок – он игрою сделал себе состояние»* [Одоевский, 1988, с. 366] Поэтому, отправляя сына в Петербург давал наставления: *«Никогда не понтируй <...> всегда*

будешь в выигрыше» [Одоевский 1988, с. 366] Однако сын, в отличие от отца, действовал не холодным расчётом в игре, а вкладывал в игру страсть, что чуть не привело его к гибели. По воле рока молодой человек отыгрался с помощью тех же трёх карт, что и Германн, только тройка, семёрка и дама в виде «тайной недоброжелательности» протянула ему руку помощи.

Так на примере «Мартингала» В.Ф. Одоевского представлена другая философская трактовка случая в сюжете карточной модели. Ошибочно было бы видеть в игре только отрицательное начало в виде прорыва «хаотических сил в культурной макрокосм и эгоистическое стремление к мгновенному обогащению в человеческом микрокосме» [Лотман, 1975, с. 136].

Заключение. В механизме игры определены такие цели: во внешнем мире человека игра – это проявление иррациональных закономерностей, а во внутреннем – игра связана не только с жадной обогащения, но и потребностью риска, во время которого открывается простор игре сил, подавляемых гнётом обыденности. Ключевое значение концепта игра раскрывается благодаря лексическим репрезентантам, которые определяют карточную игру.

Карточная игра занимает особое место в русской культуре конца XVIII-нач. XIX вв. В русском сознании она предстаёт как способ выйти из состояния предсказуемости в сферу трансцендентного. Функции карт в своём «эволюционном» развитии претерпели изменения, пройдя путь от использования в дидактических целях (стилизация европейской формы времяпровождения), развивая острую наблюдательность, логическое мышление, быстроту реакции, до реализации коммерческого интереса (как способ обогащения посредством честной игры или аферы), становясь как бы моделью общественной жизни, формируя специфический тип поведения. Карточная игра, «организуемая на основе ограниченного числа жёстких правил», предоставляет игрокам мнимую свободу. Важная роль в игре отведена Случаю, который решал исход азартной игры (в отличие от коммерческой); слиянию темы карточной игры с мотивом Рока; фантастическому восприятию; философскому осмыслению.

Значимость карточной игры в эпоху конца 18-начала 19 века вызвана социально-исторической обусловленностью. В работе была произведена попытка показать, насколько велика была

роль карточной игры в жизни русского общества и как эта тема была утверждена в русской литературе того времени.

Список литературы

1. Афанасьев-Чужбинский А. С. Петербургские футболисты. СПб., 1872. 660 с.
2. Варыханова К.В., Линчук Т.П. Психологические особенности личности игрока в покер // Вестник Ир.ГТУ. 2011. № 4 (51). С. 228-232.
3. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В.В. Пушкин: Временный член Пушкинской комиссии. - Академия наук СССР. Институт литературы / В. В. Виноградов. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. [Вып.] 2. С. 74-147.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев – М.: Издательство РУДН, 2006. 331 с.
5. Вяземский П.А. Старая тетрадь // Полн. соч.: В 11 т. СПб., 1883. Т. 8. С. 96.
6. Гольцев В.А. Законодательство и нравственность в России в XVIII веке. СПб., 1896. С. 79.
7. Засосов Д. А., Пызин В. И. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков; Записки очевидцев: Молодая гвардия. Москва, 2003. С. 62-63.
8. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. Киев; Харьков: Иогансон, 1898.
9. Ключевский В.О. Российская история: Полный курс лекций: В 3-х кн. М., 1993. Кн. 3.
10. Крушевский А.В. Теория игры. Киев: Издательство «Вища школа», 1987. 216 с.
11. Лермонтов М.Ю. Собр.соч. В 2 т. М.: Правда, 1990. Т.2. 704 с.
12. Лотман Ю.М. Тема карт и карточных игр в русской литературе XIX века // Учен. Зап. Тарт. ун-та. 1975. Т. 7. С. 120-142.
13. Майков В. «Игрок в ломбер». М., 1760.
14. Иван Мятлев – Санкт-Петербургский французский кадрили. Стих. – URL – <https://rustih.ru/ivan-myatlev-sankt-peterburgskij-francuzskij-kadri/> (дата обращения: 20.11.2023)

15. Нейман Б.В. Фантастическая повесть М.Ю. Лермонтова //Филологические науки. 1967. № 2. С. 104.
16. Одоевский В.Ф. Мартингал // Повести и рассказы. – М., Худож.литература, 1988. 382 с.
17. Панаев И. Опыт о кнутах. М., 1857. 60 с.
18. Парчевский Г.Ф. Карты и игроки: Панорама столичной жизни / Георгий Фомич Парчевский. СПб.: Издательство «Пушкинский фонд», 1998. 256 с.
19. Переписка моды... М., 1791. С. 31.
20. Письма 1812 года М.А. Волковой к В.А.Ланской (Волкова) [Электронный ресурс]. URL-<https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 21.11.2023).
21. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 3 т. М.: Художественная литература, 1985-1987. Т.2. 527 с.
22. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 3 т. М.: Художественная литература, 1985-1987. Т.3. 527 с.
23. Сомов О.М. в «Обзоре русской литературы за 1827 год» («Северные цветы за 1828 год»).
24. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2004. С. 99.
25. Сумароков А. М. Сатира о дворянстве. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pitzmann.ru/sumarokov.htm#o> (дата доступа: 02.06.2023).
26. Хейзинга Дж. Homo ludens: В тени завтрашнего дня. М., 1992. 464 с.
27. Хейзинга Дж. Хомо Люденс. Статьи по истории культуры. М., 1997. С. 46.
28. Шевцов В.В. Карточная игра в России (конец XVI - начало XX вв.) история игры и история общества / В.В. Шевцов. Томск: Томский государственный университет, 2005. 244 с.
29. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. СПб, 1998. С. 27-28.

Карпова К.А.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ
Научный руководитель – **Атаманова Н.В.**
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

МЕТАФОРА И ЕЁ ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ПОЭЗИИ Н.С. ГУМИЛЁВА

Аннотация. Среди многообразных выразительных средств, употреблённых в художественном тексте, особое место отводится поэтической метафоре. Целью данной статьи является анализ языковых особенностей метафоры в стихотворениях Н.С. Гумилёва. Лексико-семантический и компонентный анализ метафоры показал, что в поэтических контекстах автора преобладает «вещная» метафора, основанная на ярких ассоциациях. Семантическое окружение и лексикографическое описание метафоры позволяют вскрыть авторские ассоциативные смыслы и более глубоко понять содержание поэтического контекста. Основными свойствами метафоры в текстах Н. С. Гумилёва являются её синтетический характер, способность совмещать в себе абстрактное и конкретное, реальное и ирреальное. Для поэтического языка исследуемого автора характерна генитивная и адъективная метафора.

Ключевые слова: метафора, поэтическая метафора, поэтический текст, семантика, Гумилёв.

Karpova K.A.

Bryansk State University named
after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia
Scientific supervisor – **Atamanova N.V.**
Bryansk State University named
after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

METAPHOR AND ITS LINGUISTIC FEATURES IN N. S. GUMILEV'S POETRY

Abstract. Among the diverse expressive means used in a literary text, a special place is given to poetic metaphor. The purpose of this article is to analyze the linguistic features of metaphor in N. S. Gumilev's poems. Lexico-semantic and component analysis of the metaphor showed that in the poetic contexts of the author, a «material» metaphor based on vivid associations prevails. The semantic environment and lexicographic description of the metaphor allow us to reveal the author's associative meanings and to understand the content of the poetic context more deeply. The main properties of metaphor in N. S. Gumilev's texts are its synthetic character, the ability to combine the abstract and the concrete, the real and the unreal. The poetic language of the author under study is characterized by a genitive and adjectival metaphor.

Keywords: metaphor, poetic metaphor, poetic text, semantics, Gumilev.

Известно, что любой автор в целях придать языку произведения живость и эмоциональность использует в своих произведениях средства художественной и речевой выразительности. Одним из таких ярких средств является, на наш взгляд, метафора. Вопрос о функциональной значимости метафоры интересовал ученых в различные периоды существования науки о языке и продолжает обогащаться новыми подходами и взглядами.

В современных лингвистических исследованиях особое место отводится изучению такого языкового явления, как поэтической метафоры, сложность интерпретации которого обуславливает наличие многих концепций, типологий, точек зрения на данную проблему. Поэтический язык способен выявить скрытые смыслы и тем самым дать возможность появлению авторской поэтической метафоры. По словам В.А. Масловой, «у талантливых художников слова метафора всегда оригинальна, неповторима и глубоко мотивирована» [3, с. 69]. Не вызывают сомнения и изобразительные возможности поэтической метафоры: «Для художественного текста характерно варьирование изобразитель-

но-выразительных средств, их переплетение, которое создает «колеблющийся рисунок текста» [2, с. 145].

Индивидуально-авторская метафора в лирическом произведении служит одним из важнейших средств, формирующих текст, выступает как особый инструмент постижения и реконструкции поэтического мира. Так, в лирике Н.С. Гумилёва особенно можно выделить «вещную» метафору, как средство акмеизма, основателем которого и является поэт. Данная метафора соотносит ирреальное с реальным, нематериальное с материальным.

В контексте стихотворения «Песня о певце и короле» употребляется метафора «кровавый цветок»: «Я долее слушать безумца не мог, / Я поднял сверкающий меч, / Певцу подарил я *кровавый цветок* / В награду за дерзкую речь» [1, с. 39]. Под «кровавым цветком» автор подразумевает разящий удар, который впоследствии, как свидетельствует сюжет, убил певца.

Возникает вопрос, почему Н.С. Гумилёв выбрал именно «цветок»? Вероятно, чем больше значений и признаков имеет слово в языке, тем больше возможности у него получить в тексте метафорический смысл. Итак, в словаре С.И. Ожегова лексема «цветок» имеет три значения: 1. Орган размножения растений с венчиком из лепестков вокруг пестика и тычинок. 2. Травянистое растение, в пору цветения имеющее яркую, часто ароматную, *распускающуюся из бутона головку или соцветие*. 3. *Яркая*, часто ароматная головка или соцветие на стебле такого растения [1, с. 858]. Можно предположить, что удар в грудь принял в стихотворении форму «цветка» как *«распускающаяся из бутона головка или соцветие»*, так как рана тоже растекается кровавыми следами. Подтверждает предположение и адъектив «*яркая*», отмеченный в лексикографическом описании слова «цветок». Среди признаков лексем обычно метафоризируются имена прилагательные, что доказывает употребление слова «кровавый» в дефиниции «ярко-красный, цвета крови». Благодаря данной метафоре мы видим уже совершенно другую картину – не просто рану, зияющую на груди героя, а яркий, возвышенный поэтический образ.

Стихотворение Н.С. Гумилёва «Русалка» начинается со следующей строки: «На русалке *горит* ожерелье...» [1, с. 41]. В данном случае глагольная метафора употребляется в значении

«сверкать ярким, ослепительным блеском (отражая свет)», то есть можно сказать, что ожерелье ярко сверкало.

В этом же стихотворении мы видим пример адъективной метафоры: «Я люблю ее взгляд *заревой*...», так как метафорический эпитет выражен прилагательным при определяемом существительном «взгляд» [1, с. 41]. В разных лексикографических источниках значение лексемы «заревой» отсылает нас к семантике существительного *заря*, которое в толковом словаре С.И. Ожегова дефинируется, как «*яркое освещение* горизонта перед восходом или после захода солнца» [4, с. 214]. Отталкиваясь от первой части данной дефиниции, получаем значение лексемы «заревой» – «яркий, светящийся взгляд» [4, с. 214].

В стихотворении «Воин Агамемнона» читатель видит развернутую метафору, которая реализуется в нескольких строчках: «Что я? *Обломок старинных обид / Дротик, упавший в траву*» [1, с. 75]. Лирический герой соотносит самого себя с обломком, что можно метафорически трактовать и как отломившийся кусок, часть чего-то, и как то, что осталось от прежнего времени, состояния. Но он не просто обломок, а «обломок *старинных обид*», где семантика слова *старинный* (древний, сохранившийся от давних времен или давнишний, старый) позволяет уточнить и значение существительного – *обломок* употребляется здесь в значении «то, что осталось от прежнего времени, состояния».

Однако далее Н.С. Гумилёв еще шире разворачивает поэтическую строку, где отмечает, что герой принижает себя, называя «дротиком, упавшим в траву», ведь боевой дротик имеет смысл лишь тогда, когда он летит в цель и пронзает врага. Тем самым лирический герой обесценивает свои способности, считает себя отныне ненужным, а свое существование бессмысленным. Как видим, какой глубокий смысл может передавать развёрнутая поэтическая метафора.

Стихотворение «Озёра» начинается со следующей строки: «Я *счастье разбил* с торжеством святотатца» [1, с. 83]. В данном случае «счастье разбил» является метафорой, так как счастье – это абстрактное существительное, не обозначающее что-то материальное, что можно было бы разбить. Следовательно, автор использует не прямое значение глагола «разбить» – повредить, разрушить, нарушить. Примером для этого значения в словаре С.

И. Ожегова как раз и является выражение «разрушить чье-н. счастье (перен.)» [4, с. 631].

В стихотворении Н. С. Гумилёва «Беатриче» можно проанализировать отдельную строфу: «Слишком долго мы были затеряны в безднах. / Волны-звери, подняв свой мерцающий горб, / Нас крутили и били в объятьях железных / И бросали на скалы, где пряталась скорбь» [1, с. 91]. Вся метафора строится здесь на основном сопоставлении волн со зверями по признаку дикости, жестокости, свирепости. Следовательно, волна становится уже не волной, а частью этих «зверей», их горбом, движения же волны стали «объятьями железными», то есть сильными, крепкими [4, с. 185].

Богато на метафоры стихотворение Н.С. Гумилёва «Сон Адама». Так, в строке «Он *тонет душою* в распутстве и неге» мы наблюдаем глагольную метафору [1, с. 103]. В словаре С. И. Ожегова даны следующие дефиниции глагола «тонуть»: 1. Непроизвольно погружаться под воду на дно, а также гибнуть, погружаясь на дно. 2. Увязая, погружаться во что-н. зыбкое, рыхлое, мягкое. 3. Иметь свойство погружаться в воду. 4. перен. Становиться почти незаметным в массе чего-н. [4, с. 790]. Отглаголиваясь от того, что последующие слова «распутство» и «нега» имеют негативную окраску, можно предположить, что наиболее подходящим значением для слова «тонуть» является «гибнуть, погружаясь на дно». Иными словами, герой гибнет, погружаясь на дно (в переносном значении) из-за распутства и неги.

В поэтическом контексте «Когда на холсте под *ударами кисти...*» [1, с. 104] встречается генитивная метафора. Она выражает движение кисти, которое квалифицируется автором как удар, короткий и сильный толчок. В строке «Мерцает над ним *многозвездный шатер*» Н. С. Гумилев шатром называет небо [1, с. 104]. Согласно «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, *шатер* – это «временная легкая постройка для жилья, род палатки из тканей, кожи или ветвей» [5, URL]. Автор видит небо раскинутым над нашим миром огромным шатром, на котором изображено множество звезд.

В стихотворении «Ослепительное» есть следующая строка: «И не томили *цепи долга...*» [1, с. 123]. Слово *цепи* имеет следующее значение: «ряд металлических (или других крепких) звеньев, продетых одно в другое». Цепи в данном случае использу-

ются в переносном смысле, как сковывающие обстоятельства, которые тяготят героя. «Цепи долга» – это сочетание двух существительных, следовательно, субстантивная метафора. По виду это резкая метафора, или же диафора, так как она объединяет два далеких друг от друга понятия.

Первые строки стихотворения «Отравленный» звучат следующим образом: «Ты совсем, ты совсем *снеговая*, / Как ты странно и страшно бледна!» [1, с. 133]. Метафорическое использование слова «снеговая» подразумевает под собой соответствие по цветовому признаку, то есть бледная, белая, цвета снега. Это наблюдение за героиней автор подтверждает и в следующей строке: «...страшно бледна!». Перед нами адъективная метафора, то есть метафорический эпитет, где главное слово выражено именем прилагательным.

В стихотворении «Туркестанские генералы» встречается следующая строка: «И кажется, что в *вихре дней*...» [1, с. 137]. Употребляющаяся в ней метафора «вихрь дней» содержит слово «вихрь», которое в толковом словаре С. И. Ожегова имеет следующее значение: «порывистое круговое движение ветра» [4, с. 80]. При толковании лексемы указано словесное сочетание в переносном значении «в вихре событий», по семантике напоминающее нам пример из стихотворения Гумилева [4, с. 80]. Можно сделать вывод, что данная метафора означает «резко, быстро сменяющиеся дни». Метафора генитивная, так как представлена сочетанием двух существительных, а также резкая, так как сводит далеко стоящие друг от друга понятия.

В стихотворении «Канцоны» Н.С. Гумилёв использует следующую метафору: «*лепестки горячих губ*» [1, с. 167]. Конкретное существительное *лепесток* означает «одну из тонких, обычно ярко окрашенных, похожих на листики пластинок, составляющих венчик цветка». Из этого определения стоит взять словосочетание «обычно ярко окрашенных» и расширить семантику авторского слова. В художественных лирических и прозаических произведениях лепестки цветов, как и сами цветы, обычно являются чем-то нежным, прекрасным, связанным с женским началом. Исходя из всего вышперечисленного, можно предположить, что автор назвал губы героини яркими и нежными.

В стихотворении «Отъезжающему» взгляду читателя открывается адъективная метафора «огнедышащая беседа» [1, с. 172]. Данное определение, или же метафорический эпитет «огнедышащий» имеет значение «извергающий огонь» [4, с. 431]. Очевидно, что автор использовал его в переносном смысле – можно сказать, что беседа была пылкая, оживленная и активная. Также адъективные метафоры встречаются в стихотворении «Какая странная нега...»: «Золотоглазой ночью / Мы вместе читали Данта, / Сереброкудрой зимою / Нам снились розы Леванта» [1, с. 180]. Можно немного изменить сочетание «золотоглазая ночь» на «ночь с золотыми глазами» с полным сохранением авторского смысла, и уже после этого определить, что золотые глаза ночи – это звезды, сияющие в небе, как золото. Под серебряными же кудрями зимы автор, вероятнее всего, мог иметь в виду снег, метель, заснеженные деревья или поля, или же другие проявления зимы, подобные серебру.

В стихотворении «Прапамять» есть следующая строка: «Седую гривой машет море», в которой, как можно сразу догадаться, под седой гривой моря автор подразумевает пенистые морские валы, которые оживленно движутся, о чём нам также намекает слово «машет» [1, с. 226]. Согласно словарю С.И. Ожегова, *грива* – это длинные волосы на шее некоторых животных. Отталкиваясь от этого, можно заметить, что автор наделил море в данной метафоре некоторыми звериными чертами, животной силой [4, с. 140].

Метафору из стихотворения «Экваториальный лес» можно совершенно точно отнести к простой и субстантивной, выраженной именем существительным: «Над зеленою крышей далеких лесов» [1, с. 256]. В словаре С. И. Ожегова *крыша* – это верхняя, покрывающая часть строения. Следовательно, под крышей лесов автор подразумевает кроны деревьев (на что нам также указывает прилагательное «зеленый»), столь густые, что почти закрыли небо, как крыша [4, с. 302].

Итак, лексико-семантический и компонентный анализ метафоры в поэзии Н.С. Гумилёва показал, что в стихотворениях преобладает «вещная» метафора, основанная на ярких ассоциациях. Семантическое окружение и лексикографическое описание

метафоры позволяют вскрыть авторские ассоциативные смыслы и более глубоко понять содержание поэтического контекста.

Список литературы

1. Гумилев Н. С. Стихотворения. М.: Эксмо, 2021. 384 с.
2. Кожевникова Н.А. Метафора в поэтическом тексте // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С.145-146.
3. Маслова В.А. Филологический анализ поэтического текста. М., 1999.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. 900 с.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (дата обращения: 20.11.2023).

Клестов Е.Д.

Пермский институт ФСИН России, г. Пермь, Россия

Юнусова А.А.

Пермский институт ФСИН России, г. Пермь, Россия

СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Цифровое пространство привнесло значительные изменения в способы коммуникации, обработки информации и хранения языка. Вместе с этим, оно создало новые вызовы и угрозы для сохранения и развития русского языка. В данной статье рассматриваются способы, которые можно применить для сохранения и развития русского языка в цифровом пространстве. Раскрывается, что понимается под цифровым пространством и описывается как изменился русский язык в социальных сетях и в сети Интернет.

Ключевые слова: русский язык, цифровое пространство, развитие, сохранение, социальные сети.

Klestov E.D.

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Perm, Russia

Yunusova A.A.

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Perm, Russia

WAYS TO SAVE THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE DIGITAL SPACE

Abstract. The digital space has brought significant changes in the ways of communication, information processing and language storage. At the same time, it has created new challenges and threats to the preservation and development of the Russian language. This article discusses the ways that can be applied to preserve and develop the Russian language in the digital space. It re-

veals what is meant by digital space and describes how the Russian language has changed in social networks and on the Internet.

Keywords: Russian language, digital space, development, preservation, social networks.

Под цифровым пространством понимается пространство, в котором данные, информация, контент и взаимодействия хранятся, передаются и обрабатываются с использованием цифровых технологий. Цифровое пространство включает в себя интернет, компьютерные сети, мобильные устройства, облачные вычисления, цифровые базы данных, мультимедийные ресурсы и другое [1].

В данной статье хотелось бы подробно остановиться на такой проблеме, как деформация русского языка в социальных сетях.

Русский язык в социальных сетях и сети Интернет претерпел некоторые деформации и изменения. Влияние таких изменений связано с особенностями коммуникации в онлайн-среде, где преобладает более неформальный и разговорный стиль общения.

Одна из наиболее заметных деформаций русского языка в интернете - это использование сокращений, аббревиатур и сленга. В целях экономии времени и пространства пользователи часто заменяют полные слова или фразы сокращениями, например, "привет" может быть заменено на "прив", "спасибо" на "спс" и т.д. Также появились множество английских слов и выражений в русском языке, таких как "постить" (от англ. "to post"), "лайк" (от англ. "like"), "отписаться" (от англ. "unsubscribe") и т.д.

Еще одна особенность деформации русского языка в интернете – это использование эмодзи, смайликов и стикеров вместо слов или фраз. Вместо того чтобы описать свое настроение или эмоции словами, пользователи предпочитают использовать изображения или символы, которые легче и быстрее интерпретируются [4].

Популярность социальных сетей также способствует появлению новых лексических единиц, словообразованию и семантическим изменениям. Это связано с тем, что в интернете именно пользователи определяют новые термины, мемы, а также использование сленга и жаргона. Однако, если эти изменения позволяют более точно выражать мысли и эмоции, то они отражают специ-

фику цифровой коммуникации и тем самым обогащают язык. Кроме того, в цифровом пространстве нет жестких правил, что также способствует возникновению различных языковых экспериментов и игр с языком.

Также стоит отметить, что в интернете часто используется неправильная грамматика, орфография и пунктуация. Ввиду скорости и спонтанности коммуникации в сети, люди зачастую не обращают должного внимания на правильность своего письма, что приводит к возникновению ошибок и деформации русского языка [3].

В целом, деформация русского языка в социальных сетях и сети Интернет связана с более неформальным стилем общения, экономией времени и пространства, а также влиянием международной культуры и английского языка. Однако, стоит отметить, что это явление не является универсальным и присущим всем пользователям, так как многие все еще предпочитают использовать правильную грамматику и орфографию, особенно в более официальных и формальных контекстах.

Одним из ключевых способов сохранения русского языка в цифровом пространстве является создание и распространение образовательных ресурсов. Электронные учебники, онлайн курсы и образовательные видеоматериалы могут быть использованы для обучения русскому языку как носителей языка, так и иностранных студентов.

Разработка и распространение мобильных приложений для изучения и практики русского языка может способствовать его сохранению и улучшению. Такие приложения могут включать упражнения, словари, аудио материалы и другие средства для обучения и практики языка.

Создание и продвижение цифровых книг, стихов, рассказов и других литературных произведений на русском языке позволит сохранить и продвинуть его в цифровом пространстве. Электронные книги и аудиокниги упростят доступ к литературе на русском языке для широкой аудитории [2].

Стимулирование создания и распространения русскоязычного контента в интернете, включая блоги, видео-блоги, подкасты и социальные сети, поможет охранить русский язык в цифровой сфере и привлечь интерес молодого поколения к его изучению.

Сохранение и развитие русского языка в цифровом пространстве требует комплексного подхода. Использование образовательных ресурсов, развитие языковых приложений, поддержка цифровой литературы и продвижение русскоязычного контента в интернете - все эти способы могут способствовать сохранению и развитию русского языка в новом цифровом мире.

Список литературы

1. Емельяненко В. Новый русский парадокс // Русский мир. гл. 2013. Январь.

2. Российский язык в цифровую эпоху: проблемы и перспективы / под ред. Николая Добронравова; Российский государственный гуманитарный университет; Фонд "Русский мир". М.: Фонд "Русский мир", 2018. 256 с.

3. Сидорова Е.А., Михайлова Е.В. Орфографические и грамматические ошибки в текстах в интернете: причины и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Том 22. № 4. С. 567-576.

4. Шевченко И.А., Шевченко А.И., Кузнецова Н.В., Кузнецов А.В., Белоусова О.А., Григорьева Н.Н., ... & Чернова Е.Ю. Развитие русского языка в эпоху цифровой трансформации: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета имени Сеченова (Серия 14: Педагогические науки). 2019. № 3. С. 13-20.

Ковалева А.Ф.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

Научный руководитель – **Василенко А.П.**

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

НЕМЕЦКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ВОЛОСЫ»

Аннотация. В статье рассмотрены фразеологизмы с компонентом «волосы» на примере немецкого и русского языков. Как показывает материал, искомые фразеологизмы являются транслятором того, что под волосами подразумевают носители культуры. Волосы – стыд или гнев человека, а также опасность для жизни, которая граничит со смертью. Стоит отметить, что фразеологизмы с компонентом «волосы» могут иметь несколько оттенков негативных чувств человека – сожаление, беспокойство, страх и ужас.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент волосы, значение, ассоциация, оценка.

A.F. Kovaleva

Bryansk State University named
after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

Scientific supervisor – **A.P. Vasilenko**

Bryansk State University named
after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

GERMAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE HAIR COMPONENT

Abstract. The article considers the phraseological units with the hair component that implement thematically using the

example of German and Russian languages. As the material shows, the required phraseological units are a translator of what cultural carriers mean by hair. Hair is a person's shame or anger. Also a danger to life that borders on death. It is worth noting that phraseological units with the hair component can carry several shades of negative feelings of a person – regret, concern, fear and horror.

Keywords: phraseology, hair component, meaning, association, evaluation.

Фразеологизмы с компонентом *волосы* могут нести различные значения в различных языках.

Сравнивая два языка – русский и немецкий, – можно прийти к выводу, что есть как схожие, так и характерные для определенного народа значения *волос*. Особое место отводится волосам в рамках фразеологических оборотов. Фразеологизмы неотъемлемая часть жизни человека. Изучение фразеологизмов позволяет понять культуру народа.

В русском языке фразеологизм (ФЕ) с компонентом *волосы* употребляется в значение страха *Волосы зашевелились на голове* [1] и *Волосы встали дыбом* [1]. Оба фразеологизма схожи друг с другом. Однако стоит отметить, что в первом устойчивом выражении происходит процесс *Волосы зашевелились*, а во втором уже действие, которое уже произошло *Волосы встали*. Также в первом случае волосы встали именно на голове, однако во втором фразеологизме не указано место, где волосы зашевелились. Стоит отметить, что хоть оба ФЕ несут значения страха, однако они имеют разные оттенки. В первом случае человек слегка перепугался, а во втором можно увидеть «животный» страх. Это четко прослеживается в слове *дыбом*, которое означает «торчком, поднявшись вверх, стоймя»[2].

Стоит заметить, что в старину употребляли «стоять дыбом», которое означало «вытянувшись на кончиках пальцев, навтыжку». Также в древности густые волосы на теле являлись своеобразной защитой от тяжелых погодных условий. Но и в ситуации, когда человеку грозила опасность, исходящая от противника, волосы реагировали на страх, «вздвбливаясь» на его теле, и древний человек становился на вид грознее и массивнее. Такой защитный механизм можно наблюдать у кошачьих пород: они при виде опасности начи-

нают сильно выгибать спину, и их шерсть «встает на дыбы». Именно поэтому, можно сказать, что русский ФЕ *Волосы встали дыбом* обозначает не просто страх, а ужас.

В немецком языке есть ФЕ *Sorgen macht graue Haare und altert ohne Jahre* (букв.: Беспокойство делает волосы седыми и стареющим минуя года) [3]. Он несет значение беспокойства, которое может привести к седым волосам. *Sorgen* – беспокойство, заботы, волнение, хлопоты. То есть, большое количество переживаний делают человека старше, чем он есть на самом деле. Данную мысль можно заметить в словосочетаниях *седые волосы* и *стареть минуя года*. Немцы говорят о последствиях, если человек будет много волноваться о чем-либо.

Стоит отметить, что страх и беспокойство – негативные эмоции. Однако существуют различие между ними. Страх – это реакция человека на происходящее в настоящий промежуток времени. Тревога – это беспокойство о событиях, которые должны произойти в будущем. В русской культуре ФЕ *Волосы зашевелились на голове* [1] и *Волосы встали дыбом* [1] окрашены в более яркие оттенки беспокойства – это страх, даже ужас. При этом важно заметить, что реакция происходит моментально. Человек пугается и сразу *волосы встают дыбом* или *шевелиются*. Немцы, в свою очередь, хотели донести чувства страха, но оттенок беспокойства отличается от русской культуры. Также процесс не такой быстрый, ведь волосы седеют, а человек стареет со временем, а не моментально.

В жизни также происходят и сожаления. На данную тему в русском языке есть фразеологизм *Рвать на себе волосы* [1]. Оно выражает сильное переживание упущенной возможности, горя, а также отчаяния. Данное выражение впервые появилось в греческом языке. Происхождение связано с ритуалом, когда люди рвали на себе одежду и волосы в знак глубокого горя. Данная традиция делалась публично, чтобы было видно, как сильно человек сожалеет. В немецком языке ФЕ *Keine Haare auf dem Kopf, aber einen Kamm in der Tasche* (букв.: Никаких волос на голове, но расческа в кармане)[3].

На первый взгляд, можно было бы предположить, что в русском языке процесс, а в немецком итог. Однако не все так просто, ведь немцы хотели донести мысль, что незрелая моло-

дежь хочет подражать взрослым. Расческа в кармане обозначает завышенное самомнение или самоуверенность человека. У молодых людей еще нет волос на голове, но они уже высказывают свою точку зрения старшему поколению. Однако взрослые не воспринимают молодежь всерьез и считают, что они еще дети. Необходимо подчеркнуть, что немецкий фразеологизм – это нравовучение старшего поколения младшему.

В русском языке существует фразеологизм *Покраснеть до корней волос* [5], который обозначает стыд. Человеку может быть настолько стыдно, что помимо его кожи также краснеют и волосы. Следует подчеркнуть, что данное устойчивое выражение может нести значение гнева. Ведь человек также краснеет, когда злиться.

Русский ФЕ *До седых волос* [4] обозначает, что человек дожил до старости своих лет. Старость в русском языке часто обозначается именно седыми волосами. Однако не только в русском языке, но также *седые волосы* встречается и в немецком ФЕ *Jahre bringen Verstand, aber auch graue Haare* (букв.: Годы приносят разум, но также седые волосы) [4]. Он обозначает, что не только физически изменяется человек, но и духовно. В течение жизни человек получает опыт и понимание мира. *Verstand* – разум, понимание, а также интеллект. То есть, человек развивает свой интеллект годами, а затем приходит седина. Однако не только в старости могут волосы поменять свой цвет, но также и в юности. Так считает немецкий народ в другом ФЕ *Graues Haar wächst auch auf jungem Kopf* (букв.: Седые волосы также растут на молодой голове) [5]. Хотелось бы отметить, что седые волосы могут быть у человека в любом возрасте. Это связано с генетикой, а точнее с наследственностью. Однако в немецком устойчивом выражении речь идет о том, что даже в юном возрасте человек может обладать интеллектом, который будет больше, чем у его сверстников и старшего поколения. Седина – это не признак старости для немцев, однако для русских наоборот. Таким образом, немецкий народ считает, что седина – мудрость.

Таким образом, фразеологический компонент волосы может употребляться в различных значениях. *Волосы* – это переменна в жизни человека. Также опасность для жизни, которая граничит со смертью. *Волосы* – стыд или гнев человека. Стоит отме-

тить, что фразеологизмы с компонентом волосы могут нести несколько оттенков негативных чувств человека – сожаление, беспокойство, страх и ужас. Седые *волосы* – дожить до старости, а также могут обозначать мудрость или глупость. Это отличие можно увидеть не только между русским и немецким народами, но даже только в немецкой культуре, где седые *волосы* в разных контекстах несут разный смысл.

Список литературы

1. Греческий миф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fraze.ru/index.php/frazeologizm/na-bukvu-v/viset-na-voloske> (дата обращения: 15.10.2023).
2. Немецкие пословицы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sprichwoerter.net/> (дата обращения: 15.10.2023).
3. Русские пословицы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://academic.ru/> (дата обращения: 15.10.2023).
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/> – (дата обращения: 15.10.2023).
5. Василенко, А. П. Культурологический комментарий компонента ЧАЙ (thé, tea, 茶) во фразеологизмах русского, французского, английского и китайского языков / А. П. Василенко, В. С. Рыбакина // Филологический аспект. – 2022. – № 4(84). – С. 56-60. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48467809> (дата обращения: 15.10.2023).

Ковалева А.Ф.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

Научный руководитель – **Василенко А.П.**

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

НЕМЕЦКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ЖИВОТ»

Аннотация: В статье рассмотрены фразеологизмы с компонентом живот на примере немецкого и русского языков. Как показывает материал, искомые фразеологизмы является транслятором того, какой объём культурной информации носители языка подразумевают, используя компонент живот в устойчивых оборотах языка. Живот — голод, ненасытность, так и насыщение человека, при котором сытый человек может расслабиться и не обращать на мир своего внимания.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент живот, значение, ассоциация, оценка.

A.F. Kovaleva

Bryansk State University named
after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

Scientific supervisor – **A.P. Vasilenko**

Bryansk State University named
after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

GERMAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE STOMACH COMPONENT

Abstract. The article discusses phraseological units with the stomach component on the example of German and Russian. As the material shows, the required phraseological units are a translator of how much cultural information native speakers mean by

using the belly component in stable language turns. The stomach is hunger, insatiability, and saturation of a person, in which a well—fed person can relax and not pay attention to the world.

Keywords: phraseology, stomach component, meaning, association, evaluation.

Слово *живот* существовало с древних времен во многих языках. В латинском *vita* (букв.: жизнь), а также стоит упомянуть древнерусский, где он внешне почти не изменился и дошел до наших дней. Это слово в значении «часть тела» возникло в результате смыслового переноса из существительного живот в значении «жизнь»[1]. «Живот – часть тела, представляющая собой брюшную полость и её стенки» □2□.

Немецкий фразеологизм (ФЕ) *Voller Bauch studiert nicht gern* (букв.: Полный живот не любит учиться) □3□. Важно отметить, что во ФЕ *живот* и учеба между собой взаимосвязаны. Под животом можно понимать брюшную полость, а под обучением – мозг. Большую часть брюшной полости организма человека занимает кишечник, который связан с пищеварительной системой. Именно он влияет на настроение, здоровье, а также и на мозг. Об этом органе в далекие времена говорил даже Гиппократ, что все болезни начинаются в кишечнике.

Психиатр Джордж Портер Филлипс, также обратил внимание, что у пациентов с нарушением обмена веществ была депрессия. Тогда он поменял рацион и в итоге большая часть пациентов выздоровела. Из этого следует, что человек должен питаться, чтобы мозг хорошо функционировал. Данную мысль можно найти в немецком фразеологизме, а также в русском языке *Голодное брюхо к учению глухо* □4□.

С приемом пищи в русском языке связывается ФЕ *Брюхо сыто, а глаза голодные* □4□. Немецкий ФЕ *Die Augen sind grösser als der Bauch* (букв.: глаза больше чем живот) □3□. Речь идет о насыщении желудка. Даже когда живот полон, человек смотрит на какую-либо еду. Во фразеологизме порицается черта характера человека – ненасытность или чревоугодие. Чревоугодие относится к одному из смертных грехов в христианстве. Оно представляет собой «чрезмерное пристрастие к угождению плоти, которое становится для человека выше Бога» □5□ В русском и

немецком языках можно заметить во фразеологизмах употребление компонента *живот* с лексемой глаза.

Стоит отметить, что в русском языке также употреблено «брюхо». Данное слово на первый взгляд может показаться древнерусским, однако оно было заимствованно из древнемецкого языка от слова *brust* — «грудь». [6] Также брюхо в словарях имеет несколько значений, во-первых – это живот животного, а во-вторых – живот человека. Причем в отношении людей брюхо несет негативный характер, в отличие от нейтрального слова живот. В немецком языке употребляется слово *Bauch* чаще в значении живот. Также стоит отметить, что данное слово может переводиться и как брюхо. В русском ФЕ компонент *сыт* является исконно русским и первое упоминание можно встретить в XI веке, где употреблялись «сыть» – насыщение, а также глагол «сытити» – насыщаться. [4] В русском языке можно увидеть четкое желание голода, однако в немецком оно подразумевается под сравнительной конструкцией «*grösser als* - больше чем». Хотелось бы отметить, что и русский и немецкий фразеологизм очень схожи, а также передают мысль, что человек может подвергаться чревоугодию. Поэтому когда человек поел, ему не стоит больше смотреть на еду, чтобы не переест.

Идея голода также встречается в немецких и русских фразеологизмах. Немецкий ФЕ *Dem hungrigen Bauch schmeckt alles wohl* (букв.: Голодному животу все хорошо на вкус) □3□. Русские ФЕ *Подводит живот* □4□ и *Поджимать живот* □4□. Данные фразеологизмы показывают идею голода. Однако каждый из фразеологизмов показывает его разными способами. Например, русский ФЕ *Поджимать живот* □4□ обозначает, что человек живет скудно, отказывает себе во многом, но может быть еще избирательным к еде. Ведь у него есть возможность выбирать, что он хочет съесть, и при этом он еще не находится на грани голода.

Однако немецкий ФЕ *Dem hungrigen Bauch schmeckt alles wohl* (букв.: Голодному животу все хорошо на вкус) □3□, а также и русский ФЕ *Подводит живот* □4□ показывают высокую степень голода человека. Человек готов съесть все что угодно, лишь бы удовлетворить свою потребность и не умереть.

Конечно, проблема голода была актуально во все времена. Первое упоминание можно встретить в Библии, однако стоит помнить, что данная проблема существует и в наше время.

Одна из первых записей связана с Иосифом и фараоном. Правитель обратился к персонажу Библии за толкованием снов. Иосиф предсказал 7 лет хорошего урожая и затем 7 лет – неурожая и голода. Благодаря Иосифу в изобильные годы получилось скопить большое количество зерна и с наступлением голода, им смогли грамотно распределиться, продавая его. Также острая проблема голода была в Европе в Средневековье.

Стоит отметить, что значение голод происходит от общеславянского слова *goldъ*, которое позже с переменной согласной и гласной преобразовалось в слово старославянское *жьлдѣти* — ‘желать’. Из чего можно предположить, что первоначальное значение существительного *голод* — ‘желание’. [5] Голод встречался везде в разные временные промежутки и в различных странах. Ведь желание удовлетворить свои потребности является естественным и первостепенным для любого человека. Именно поэтому в немецком и русском народе существуют данные фразеологизмы.

Немецкий ФЕ *Der Bauch ist ein böser Ratgeber* (букв.: живот – плохой советчик) [3]. Живот не должен влиять на мысли человека. Если человек голоден, то он может сделать множество ошибок и необдуманных действий. Однако если человек сыт, то он сможет рационально действовать, и обдуманно принимать решения. От состояния человека зависит многое. Следует не прислушиваться к своему животу, ведь он может привести человека к неверному решению в качестве советчика.

Изучив данные фразеологизмы, мы можем прийти к выводу о том, что в немецком и русском народе фразеологический компонент *живот* часто употребляется в значение ‘голод’ и насыщение. Компонент «голод» может иметь разные оттенки значения. Это может быть *голод*, который мешает учиться, или *голод*, который граничит со смертью. Однако насыщение в обоих народах может настолько расслабить человека, что он может не воспринимать какую-либо информацию и радоваться тому, что поел. Правда нужно быть сытым в меру, ведь чревоугодие или ненасытность не может привести ни к чему хорошему. Во фразеоло-

гии немецкого и русского народа можно встретить также идею радости. Стоит отметить, что в немецком языке радость происходит от обычного насыщения пищей, а в русском от чего-либо смешного. Важно отметить, что компонент *живот* употребляется во многих немецких и русских фразеологизмах. И очень часто значения ФЕ, которые передают те или иные народы схожи друг с другом.

Список литературы

1. Живот □[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Живот> – (дата обращения: 15.10.2023).
2. Массовый голод □[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовый_голод – (дата обращения: 15.10.2023).
3. Немецкие пословицы о животе □[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sprichwoerter.net/> – (дата обращения: 15.10.2023).
4. Русские пословицы о животе □[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://academic.ru/> – (дата обращения: 15.10.2023).
5. Василенко, А. П. Культурологический комментарий компонента ЧАЙ (thé, tea, 茶) во фразеологизмах русского, французского, английского и китайского языков / А. П. Василенко, В. С. Рыбакина // Филологический аспект. – 2022. – № 4(84). – С. 56-60. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48467809> (дата обращения: 15.10.2023).

Ковалева И.С.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ
ПРЕДМЕТЫ ПОСУДЫ,
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. ШОЛОХОВА**

Аннотация. В статье представлено описание имен существительных, обозначающих предметы посуды, в произведении М. А. Шолохова «Тихий Дон». С использованием лексикографических источников (толковых, этимологических словарей) охарактеризованы лексико-грамматические особенности имен существительных, обозначающих посуду, описана семантика слов, составляющих данную группу слов. Обоснована значимость изучения данных лексем в художественных текстах М. А. Шолохова; показано, что имена существительные, обозначающие посуду, в исследуемом произведении играют важную роль в создании национального колорита.

Ключевые слова: М. А. Шолохов, «Тихий Дон», лексика, лексико-грамматические особенности, посуда.

Kovaleva I.S.

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia

**LEXICO-GRAMMATICAL FEATURES OF NOUNS DEDICATING
ITEMS OF COOKWARE IN THE WORKS OF M.A. HOLOKHOV**

Abstract. The article presents a description of nouns denoting utensils in M. A. Sholokhov's work "Quiet Don". Using lexicographic sources (explanatory, etymological dictionaries), the lexicogrammatical features of nouns denoting dishes are characterized, and the semantics of the words that make up this group of words is described. The importance of studying these lexemes in the literary

texts of M. A. Sholokhov is substantiated; It is shown that nouns denoting dishes in the work under study play an important role in creating national color.

Keywords: M. A. Sholokhov, "Quiet Don", vocabulary, lexical and grammatical features, dishes.

Михаил Шолохов родился в 1905 году, и это время не могло не оказать влияние на его жизнь и творчество. Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса, стоит отметить, что начало XX века отмечено весьма кровавыми событиями: Русско-японская война, подорвавшая силы России в 1905 году, первая революция (1905-1907 гг.), участие в Первой мировой войне впоследствии, и только затем кровопролитная революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война.

Отмечается, что именно эпос Шолохова значительно обновил жанровую литературу XX века, особенно военного формата: в то время как большинство писателей и поэтов романтизировали войну, создавали поэтический образ героя, Шолохов придерживался стиля романа. Традиционно героическая сущность эпоса сменилась в произведениях писателя трагизмом в изображении русской истории. Эпос Шолохова обогатил также жанровую природу эпоса XX века как народного, подчеркнув характерное для него сочетание эпической широты изображения событий с лирической глубиной их осмысления, что нашло отражение в структуре, стиле, жанре эпических произведений, эпическом герое.

«Тихий Дон» – одна из масштабных работ творчества писателя, которая до сих пор вызывает множество дискуссий, как среди ученых, так среди читателей о том, с каким контекстом она написана.

У М. А. Шолохова слово «посуда» и «чашка» приобретают обобщенное значение единственного числа, обозначая достаточно разные виды домашней утвари:

1. «С той поры как ей медаль дали, она из общей посуды не желает жрать. Тебе что, Дашка, аль гребостно с нами из одной чашки хлебать?» [4].

2. «Посуду тогда принеси, – все так же строго сказала она» [4].

3. «Аксинья отстряпалась рано, загребла жар, закутала трубу и, перебив посуду, выглянула в оконце, глядевшее на баз» [4].

Проанализируем конкретные лексемы, которые номинируют посуду:

Кубышка – широкий глиняный сосуд. Держать деньги в кубышке. (Толковый словарь Ожегова. 1949 – 1992).

«Разматывай, а я заприважу, — шепнул Григорию отец и сунул ладонь в парное зевло кубышки» [4].

Скало – то же, что и скалка. (Толковый словарь Ушакова. 1935 – 1940).

«Вот это отец подполз к кровати и только рукой лапнул, а сын его скалом кы-ы-ык потянет через лысину» [4].

Рюмка – стеклянный суживающийся книзу стаканчик на ножке, употр. преим. для спиртных напитков. Хрустальная рюмка. Ликерная рюмка. (Толковый словарь Ушакова. 1935 – 1940).

«Пока дружка со свашкой состязались в острословии, жениховой родне, согласно уговору, поднесли по три рюмки водки» [4].

Обливная чашка – разновидность керамических изделий, изготавливаемых из белой или серой обожжённой глины с пористым «черепком», в отличие от обычной керамики, покрытым не одним, а двумя слоями глазури. Вначале - непрозрачным слоем белой, оловянной, что позволяло расписывать поверхность изделия яркими красками по белому «сырому» фону ещё до обжига, аналогично фреске в архитектуре, а затем, поверх росписи, - прозрачным слоем блестящей свинцовой глазури, с последующим обжигом около 1000 °С. (Википедия).

«Григорий с внутренним сожалением поглядывал на свою и Натальину ложки, связанные платочком, на дымившуюся в обливной чашке лапшу» [4].

Чугун – горшок, сосуд и такого металла. «Пришли бабы, поставили чугуны и принялись за работу» Л. Н. Толстой (Толковый словарь Ушакова. 1935 – 1940).

«Кухарка совала в печь чугуны, стучала рогаками, не обращая внимания на гостя» [4].

Рогач – то же, что и ухват. (Толковый словарь Ожегова. 1949 – 1992).

«Кухарка совала в печь чугуны, стучала рогачами, не обращающая внимания на гостя» [4].

Посевка – деревянная или плетеная мешалка (от диалектного глагола посеять (посеять что, сеять, засеять, засеять семена). Распространять, разглашать, явно или тайно, поселять. Посеванье длит. посеянье окончат. посев м. посевка ж. об. действ. по глаг. Посев, пора, время, когда сеют; сев; что посеяно, хлеба, овощи и всходы их. Посевка, ряз. тамб. мешалка, веселка (см. электронный вариант Сл. Даля).

«Маришка в вытянутой руке держала скалку, Грипка задорно трясла посевкой» [4].

Макитра – большой горшок, в котором размельчают мак, табак. (Этимологический словарь русского языка. 1964 – 1973).

Махотка – глиняный горшок, кринка. (Толковый словарь Ефремовой. 2000).

Корчажка – в старом деревенском быту: большой глиняный сосуд. (Толковый словарь Ожегова. 1949 – 1992).

«Об чем вы горюете? Кубыть, корчажка с молоком, приедем со службы - и нам достанется» [4].

Кувшин – высокий округлый сосуд с горлышком и ручкой. (Толковый словарь Ожегова. 1949 – 1992). «В полдень Наталья сходила к вырытому в яру колодцу, принесла кувшин ледяной родниковой воды. Они с Ильиничной напились, помыли руки, сели на солнышке обедать. Ильинична на разостланной завеске аккуратно порезала хлеб, достала из сумки *ложки, чашку*, из-под кофты вынула спрятанный от солнца узкогорлый кувшин с кислым молоком» [4].

«Воинственность лихого казачка объяснялась просто: в бричке пошарили и нашли распчатый ведерный кувшин крепчайшего самогона-первака...» [4].

Балисан – глиняный сосуд для масла в форме цилиндра либо сужающийся книзу. (Википедия).

Кубган – глиняный сосуд для хранения молочных продуктов. (Википедия).

Можно сделать вывод, что обозначения посуды в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» достаточно разнообразны.

Почти все они обозначают один и тот же предмет (глиняный сосуд для хранения чего-либо), но имеют различное написание. Данные лексемы можно отнести к особой категории имен нарицательных, которую выделил С. Н. Виноградов в своих трудах: существительное, имеющее единственное число, может образовывать также и множественное число, но число не имеет семантику противоположности единичного предмета количеству предметов, большому единицы, а имеет другую семантику (множественное число образуется со сдвигом в семантике).

Шолохов часто прерывает повествование, чтобы ввести в роман пейзаж или подробный портрет героя, интерьер же почти всегда включён в повествовательный пласт романа и очень редко – обособлен, дан как самодостаточное описание, ради которого автор остановил ход грандиозных событий.

Дом и его интерьер здесь подобны машине времени, позволившей Шолохову напомнить, а его герою вспомнить окультуренный быт и немного мещанский уют уже не существующей Российской империи. «Шолохов – один из самых трагических художников в истории мирового искусства» [14, 159], – справедливо отмечает Е.А. Костин.

Список литературы

1. Мировое значение М. Шолохова [Электронный ресурс]. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/palievskij-literatura-i-teoriya/mirovoe-znachenie-sholohova.htm> (дата обращения – 21.11.2023).
2. Биография Михаила Шолохова [Электронный ресурс]. URL: https://knigopoiisk.org/authors/mikhail_sholokhov (дата обращения – 21.11.2023).
3. Котовчихина Н.Д. Современный мир и творчество Михаила Шолохова // Rhema. Рема. 2010. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyu-mir-i-tvorchestvo-mihaila-sholohova> (дата обращения – 21.11.2023).
4. Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 10 т. М.: Сов. писатель, 2003.
5. Ильичева Е.И. Сказовая форма в раннем творчестве М.А. Шолохова // Молодой ученый. 2021. № 5 (347). С. 154-157.

[Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/347/78117/> (дата обращения – 21.11.2023).

6. Костин Е.А. Фольклоризм в эстетике Шолохова// Шолоховская энциклопедия М.: Издательский Дом «Синергия», 2012. С.973.

7. Части речи как лексико-грамматические классы слов // Myfilology.ru – информационный филологический ресурс: [Электронный ресурс]. URL: <https://myfilology.ru/yazykoznanie/chastirechi-kak-leksiko-grammaticheskie-klassy-slov/> (дата обращения – 21.11.2023).

8. Виноградов С.Н. О содержании терминов, обозначающих лексико-грамматические разряды существительных // Вестник ННГУ. 2015. №2-2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-terminov-oboznachayuschih-leksiko-grammaticheskie-razryady-suschestvitelnyh> (дата обращения – 21.11.2023).

9. Шолохов. М.А. Тихий Дон. М.: Дрофа, 1993.

10. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С.И. Богданов, В.Б. Евтюхин, Ю.П. Князев и др. / Учебно-методический комплекс по курсу «Морфология современного русского языка». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 640 с.

11. Шолохов М. Они сражались за Родину. М.: Либерия: Раритет, 1995.

12. Бессмертных Э.А. М. А. Шолохов в современном мире // Вестник УлГТУ. 2009. №4 (4). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-a-sholohov-v-sovremennom-mire>. (дата обращения – 21.11.2023).

Кононова А.А.

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта, г. Калининград, РФ
Научный руководитель – **Малашенко В.В.**
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта, г. Калининград, РФ

**ОБРАЗ ДОМА В РОМАНЕ МАРИАМ ПЕТРОСЯН
«ДОМ, В КОТОРОМ»**

Аннотация: Статья посвящена анализу образа дома как одной из смысловых доминант в мировой литературе и в романе Мариам Петросян “Дом, в котором” в частности. Особое внимание уделяется принципу разграничения пространства Ю. М. Лотмана и его проекции на рассматриваемый роман. Также рассматриваются различные толкования лексемы “Дом”, ранний вариант названия романа и корреляция Дома как локуса с другими пространствами в произведении. Материалом для исследования послужило дополненное издание романа, в которое вошли ранее неопубликованные фрагменты с комментариями автора.

Ключевые слова: Дом, локус, пространство, Петросян, образ дома, антидом.

Kononova A.A.

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation
Scientific supervisor – **Malashchenko V.V.**
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation

**THE IMAGE OF A HOME IN MARIAM PETROSYAN'S NOVEL
«THE HOUSE IN WHICH»**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the image of the home as one of the semantic dominants in world literature and in Mariam Petrosyan's novel “The House in Which” in

particular. Special attention is paid to the principle of delimitation of space by Yu. M. Lotman and its projection onto the novel. Also various interpretations of the lexeme “Home” are considered, as far as an early version of the title of the novel and the correlation of the Home as a locus with other spaces. The material for the study was the expanded edition of the novel, which included previously unpublished fragments with comments by the author.

Keywords: Home, locus, space, Petrosyan, image of home, anti-home.

Тема дома является сквозной в мировой литературе. Поэтому, вполне ожидаемо, что в трилогии Мариам Петросян «Дом, в котором» образ Дома является одним из важнейших. Это не только локус, но и, как мы понимаем впоследствии, отдельный персонаж со своими чувствами, желаниями, симпатиями и антипатиями. Герои чувствуют настроения Дома, замечают, кого он принимает, а кого нет. Таким образом, Дом в романе – некое «всевидящее око», это источник непреложной истины для его обитателей.

Начнем с самого очевидного – оппозиции Дома и Наружности (всего, что находится за забором, окружающим Дом). Ю.М. Лотман в статье «О метаязыке типологических описаний культуры» говорит о наиболее простом разграничении пространства:

«Дано двумерное (плоское) пространство. Оно разделено границей на две части, причем в одной из них оказывается ограниченное, а в другой — безграничное количество точек. Таким образом, что обе они вместе составляют универсальное множество. Из этого положения вытекает, что граница в данном случае должна быть замкнутой кривой, гомеоморфной окружности. Тогда граница делит плоскость на две области — внешнюю (ВШ) и внутреннюю (ВН) (рис. 1).

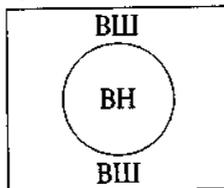

Рис. 1

Самой простой семантической интерпретацией такой модели культуры будет оппозиция:

мы <—> они» [3, с. 397].

Оппозиция «Дом – Наружность» прямо соотнесена с «мы – они»: обитатели Дома (только истинные его обитатели, те, кого он «принял») о наружности не говорят и отвергают все, что оттуда приходит. По делению Лотмана они представляют собой область внутреннюю.

Кроме того, можно вспомнить и статью «Заметки о художественном пространстве» того же Ю.М.Лотмана. В ней вводится еще одна значимая оппозиция: дом – антидом. Многочисленные вариации темы ложного дома, по Лотману, способствуют созданию образа фантазмагорического мира, и, на мой взгляд, именно это мы наблюдаем в романе Петросян. В качестве основного антидома выступает Наружность, но вариации есть не только у нее. Сам Дом может изменять свой облик и впускать в себя пространства. Но об это позднее.

При этом для большинства детей Дом являет собой целый мир, вся их жизнь заключена в этих стенах:

«Дом — это стены и стены осыпающейся штукатурки... Узкие переходы лестничных маршей. Мошкара, танцующая под балконными фонарями. Розовые рассветы сквозь марлевые занавески. Мел и замусоренные парты. <...> Неровные ряды детских ботинок со скошенными носами, выстроенные вдоль кроватей. Дом — это мальчик, убегающий в пустоту коридоров. <...> К входящему Дом поворачивается острым углом. Это угол, об который разбиваешься до крови. Потом можно войти» [4, с. 103].

Они абсолютно не представляют себе жизни вне Дома. Именно поэтому каждый выпуск старших все ждут как стихийного бедствия – никому не известно, как они себя поведут. На протяжении всех трех книг неоднократно упоминается выпуск, случившийся за несколько лет до описываемых событий. Как дети, так и учителя вспоминают о нем с ужасом, а Сфинкс (один из главных героев) практически ничего о нем не помнит, за исключением чувства животного страха и лужи крови, которую он увидел тогда, выйдя из комнаты.

К. Королев говорит о том, что дом как образ представляет собой некую модель мира: «его четыре стены ориентированы по

четырем сторонам света, а фундамент, сруб и крыша соответствуют трем уровням вселенной (преисподняя — земля — небо)» [2, с. 139]. Данное сравнение имеет место и в романе Петросян — обыкновенное старое здание являет собой отдельную вселенную.

Уже было упомянуто, что все обитатели Дома делятся на тех, кого он впустил в себя, и тех, кто так и остался чужим. Так вот если вторая категория, покинув Дом, способна жить более-менее обычной жизнью, то для первых это абсолютно невозможно. Кто-то бесследно исчезает, затем ненадолго появляясь в реальном мире раз в пару лет, кто-то перерождается в ребенка, другие же — засыпают беспробудным сном. Получается, что, однажды зайдя в Дом, выйти из него уже не получится. Одна из героинь и вовсе, оказывается, существовала лишь в его стенах. Это делает из Дома отдельную вселенную, в которой свои жители, законы, традиции и верования. Также мы узнаем, что, когда Сфинкс, уже после выпуска, решит навестить старый Дом, все, что он там увидит — «три уцелевшие стены, груды кирпичей и строительного мусора» [4, с. 962]. Единственным напоминанием о былых временах останется исписанная и изрисованная стена. Получается, что как жители Дома с трудом существуют вне его, так и сам Дом разрушается без людей.

Если обратиться к самой лексеме «дом», можно заметить, что, согласно словарю В.И. Даля, когнитивный слой понятия включает в себя также «род, поколение, семья». Т. Турскова же сопоставляет дом с телом человека: «окна и ставни уподобляются глазам, крыша и верхние этажи — голове, разуму, сознанию, стены дома — материнскому лону»[1]. Подобные ассоциации усиливаются в романе, тем самым подтверждая теорию о невозможности существования Дома без его обитателей.

Нельзя забывать и о значимости границы между двумя пространствами. В рассматриваемом нами романе в качестве границы возможно рассматривать как стены Дома, так и забор, отделяющий его территорию. На мой взгляд, целесообразнее считать границей именно стены, так как они служат для жителей Дома одновременно и способом обмена информацией, и средством самовыражения, и даже своего рода летописью. Забор же не выполняет значимых функций, являясь, по сути, лишь границей материальной. При этом, хочу отметить, что двор как пространство,

находящееся уже не в Доме, но еще не в Наружности, страха у учащихся не вызывает – они находятся там вполне спокойно, отдыхают, размышляют и даже живут в теплое время (на деревьях или в самодельных шалашах). Поэтому двор вполне можно назвать неким межпространством.

Лотман утверждает, что «граница всегда принадлежит лишь одному — внутреннему или внешнему — и никогда обоим сразу» [3, с. 389]. В нашем случае нет никаких сомнений, что стены принадлежат Дому. Здесь важно обратить внимание на окна: в большинстве своем они выходят на внутренний двор, однако лишь в одном коридоре через них видно Наружность. Именно эти окна учащиеся постоянно закрашивают и зарисовывают (несмотря на бесчётные попытки дирекции пресечь подобное мародерство), не позволяя Наружности просочиться в их маленький мирок. Таким образом даже крохотная часть границы, которая могла бы принадлежать внешнему миру, остается элементом Дома.

Как образ окно представляет собой некий нерегламентированный вход/выход – «когда окно закрыто, в дом не проникнет нечисть (или, если уйти от мифологии, закрытое окно заглушит звуки, доносящиеся с улицы, защитит от ветра и не допустит попадания в дом дождя или снега)» [2, с. 140]. Вновь убеждаемся в том, что учащиеся закрашивают окна не оттого, что вид из них недостаточно хорош, а из страха впустить в свой мир Наружность.

При этом внешнее пространство в Дом все-таки вторгается: многие герои (случайно или намеренно) переносятся в некоторую параллельную реальность (Изнанка), которая у каждого своя, но всегда имеет какие-то общие черты. Кроме того, один из персонажей периодически уходит в лес, но из его мысленного монолога становится ясно, что каким-то образом этот Лес (с заглавной буквы, ведь он живой, как и Дом) – неотъемлемая часть Дома, пусть и не каждому доступная. Лес тоже должен «впустить в себя», вот только это доступно еще меньшему количеству людей. Получается, что внутри Дома скрывается Лес, но при этом людей в Лесу гораздо меньше, чем в Доме. Наблюдая несоответствие в размерах, можно сделать вывод о том, насколько всепоглощающим изображает старое серое здание Мариам Петросян. Лес и Изнанка, в которую периодически попадают дети – это как раз те самые вариации Дома, о которых было упомянуто ранее. При этом Могильник (лазарет в

интернате) является вариацией антидома – Наружности, несмотря на то что находится внутри здания. Там стараются не появляться, а Сфинкс даже пишет о Могильнике статью в местном журнале.

Отдельно хотелось бы рассмотреть название романа. Первоначально книга называлась «Дом, который» - так писательница обыгрывала ассоциацию с «Домом, который построил Джек». Однако, окончательный вариант также не лишен смысла – Дом теперь воспринимается не как отдельный объект, а как пространство, внутри которого происходит нечто интересное. Кроме того, уже в названии появляется своеобразная граница между окружающим миром и «миром домовцев». Отметим и то, что в романе само слово «Дом» всегда пишется с заглавной буквы. Это обусловлено осмыслением Дома не как здания, а как самостоятельного существа, живущего по своим законам и правилам.

«Дом, в котором» фактически является единственным серьезным творением Петросян (не берем в расчет детские сказки), поэтому сопоставить образ Дома с другими его воплощениями не представляется возможным. Однако, мы можем проследить то, как меняется восприятие Дома от первой книги к третьей.

Впервые мы смотрим на Дом глазами одного из учеников, который пока еще видит лишь обыкновенное здание, школу-интернат для подростков-инвалидов. Восприятие Дома также зависит от персонажа, от лица которого ведется повествование в тот или иной момент, и даже от возраста героя (Кузнечик и Сфинкс – один и тот же человек в разные периоды, их мнение о Доме также различно). По мере развития сюжета понимание сути Дома тоже меняется от самого поверхностного к наиболее глубокому. Сложно конкретно сказать какой облик дома является его сутью (однако я склоняюсь к тому, что это именно Лес, с его странными обитателями и редкими посетителями), но точно можно сказать, что некоторые герои даже в финале романа так и остаются на поверхности. Это большая часть сотрудников: воспитатели и учителя (кроме Ральфа Первого), медицинский персонал (пауки и паучихи), так называемые Ящики (что-то вроде охранников или разнорабочих), а также многие дети, например Фазаны, с которых мы и начинаем знакомиться с обитателями Дома.

Если в рассматриваемом нами произведении с категорией пространства разобраться еще возможно, то анализ категории времени кажется задачей неразрешимой. Оно нелинейно: и преж-

де всего стоит сказать об Интермедиях – вставках между основными главами. В них рассказывается о жизни Кузнечика (которого в основном сюжете мы видим повзрослевшим и с новой кличкой – Сфинкс), только что попавшего в Дом. Кроме него в побочной линии мелькают и другие персонажи, которые либо появятся в основной истории, либо будут там упомянуты. Скачки из настоящего на шесть лет назад наглядно демонстрируют изменения одних персонажей на фоне абсолютной инертности других.

Кроме скачков по ленте времени важнейшее значение имеют некие «круги», о которых тайком разговаривают персонажи по мере приближения к концу романа. В частности, эту тему затрагивают Лорд и Табаки, а также Слепой и Сфинкс. По-видимому, жизнь в Доме – это некая временная петля, и при желании можно переходить на новый виток бесконечное число раз. Властелином времени неоднократно называют именно Табаки, да и сам он об этом упоминает, однако подробного объяснения того, как именно течет время в Доме, нет. Однако, очевидно, что время в романе субъективно и статично – для каждого героя оно идет с разной скоростью, в зависимости от времени года, даты, места и даже характера самого персонажа. При этом, учебный год тянется невероятно долго, а выпуск становится неприятной неожиданностью – кажется, что жизнь в Доме просто обрывается на полуслове.

Таким образом, время в романе является нелинейным, кольцевым и субъективным, но все эти характеристики имеют место лишь внутри Дома – в Наружности время вполне нормально.

Список литературы

1. Васильева Т.И. - Котукова Е.Ю. (Б. Пастернак), Карпичева Н.Л. (М. Булгаков, В. Гроссман), Бедрикова М.Л. (В. Распутин), Васильева Т.И. (Л. Бородин), Чепур Е.А. (фэнтези) [Электронный ресурс] // Антология художественных концептов русской литературы XX века. ВикиЧтение: URL: Дом. Антология художественных концептов русской литературы XX века (wikireading.ru) (Дата обращения: 17.11.2023).

2. Королев К.М., Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2003. (ГУП ИПК Ульян. Дом печати) С. 139–140.

3. Лотман Ю.М., Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: 1992.
Т.1. С. 386-392.

4. Петросян М. «Дом, в котором...». М.: Лайвбук, 2020.

5. Цуркан В.В., Антология художественных концептов
русской литературы XX века. М.: Флинта: Наука, 2013.

Куприянова А.А.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ
Научный руководитель — **Шаравин А.В.**

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

**МОТИВ ОБРЕТЕНИЯ СЛОВА В МЕМУАРНО-
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГЕ «НА ГРАНИ ВЕКОВ»
П.Л. ПРОСКУРИНА**

Аннотация. Мотив обретения слова в мемуарно-автобиографической книге «На грани веков» П. Проскурина реализуется у писателя как развитие концепта «живой жизни». В статье отмечается его реализация в двух аспектах: мифологическом (язык – водная стихия) и ментальном (язык – выражение славянского металитета, вечных, почвенных русских ценностей).

Ключевые слова: язык, мотив, металитет, мифология, «живая жизнь», мемуары, П. Проскурин.

Kupriyanova A.A.

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia

Scientific supervisor – **Sharavin A.V.**

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia

**THE MOTIVE OF FINDING THE WORD
IN THE MEMOIR-AUTOBIOGRAPHICAL BOOK
“ON THE VERGE OF CENTURIES”
BY P.L. PROSKURIN**

Abstract. The motive of finding the word in the memoir-autobiographical book “On the Edge of Centuries” by P. Proskurin is realized by the writer as a development of the concept of “living

life". The article notes its implementation in two aspects: mythological (language is the water element) and mental (language is an expression of the Slavic mentality, eternal, soil Russian values).

Key words: language, motive, mentality, mythology, "living life", memoirs, P. Proskurin.

Мотив обретения слова русскими писателями – один из наиболее устойчивых в русской литературе. У каждого из творцов он обретает только ему присущее звучание. Виктор Шкловский сказал: «Все пишут по-разному, и все пишут трудно». Так, у современника П. Проскурина Ю. Трифонова мотив обретения слова связан с преодолением «муки немоты».

Советский Чехов, как называли современники писателя, сразу вступил в диалог с классиками, высочайшими образцами художественной словесности. И поэтому в основе трифоновской немоты вопрос: что я могу сказать людям такого, о чем бы не писали Пушкин, Тургенев, Достоевский, Толстой? Отсюда у писателя мотив обретения слова связан с осознанием своего, единственного, что он хочет сказать человечеству. «Главное мучительнейшее чувство – немота. Невозможность сказать то единственное, что, кажется, могу сказать только я. А почему невозможность? Да потому что, черт его знает, что же это единственное. Может быть, и нечего сказать, а хочется невероятно! Шевелишь губами, ворочаешь языком, вроде бы произносишь слова, но звуков нет. Все, что ты там напридумывал, наскреб, наворотил с воловьим упорством, строчка за строчкой на бумаге, все это в конечном счете – беззвучность, – рассуждает Ю. Трифонов в статье «Воспоминания о муках немоты, или фединский семинар сороковых годов». Никто тебя не слышит. Ты немой. И в тебе постоянно живет страх, что **ты не заговоришь никогда**. Твое отношение к самому себе как бы двухэтажно: большую часть времени ты проводишь на верхнем этаже, где тепло, ободряюще светит солнце, где много людей, шум, говор, но чуть только задумаешься на миг, вдруг странным образом оказываешься в подвале, где темнота, холодные стены, ты безнадежно одинок, тебя не слышит никто, разговариваешь со стенами. Эта возможность мгновенного перемещения в подвал томит неодолимой тоской: все-таки ты живешь в подвале! Там твое место. Там, где одино-

чество, где немота, где страх, где неуверенность» [5, с. 259]. У П. Проскурина другой исток – народный язык, язык русского крестьянства. И изначально писатель чувствовал другую задачу – преобразовать, подчинить стихию русского слова. Поэтому свои отношения с языком он определяет словом – борьба: «До литературных знакомств в редакции «Дальнего Востока» и до публикации первого рассказа в «Тихоокеанской звезде», то есть до вхождения в литературную среду Хабаровска, отстоявшего от столиц на добрые восемь тысяч километров, среду обособленную и специфическую, было еще далеко. Я со своим опытом жизни был предоставлен только самому себе и непрерывной, уже многолетней моей борьбе со словом; с завидным упорством я старался преобразовать слово в краски, звуки, запахи, в живую жизнь, в теплокровные волнующие образы, человеческие страсти, перелестывающие часто все установления природы, все законы Космоса» [3, с. 54].

П. Проскурин обозначает свою сверхзадачу: создание «теплокровных волнующих образов». Он осваивает технику писательства с помощью редкого для человека когнитивного механизма синестезии: через произношение слов автор мемуаров «На грани веков» улавливает и передает «краски, звуки, запахи». Доминантой высказывания П. Проскурина является формула «живая жизнь» – «смыслообраз», «концепт», «тема и проблема» «в традициях немецкой и русской философии, философской поэзии и прозы, в русской литературе в целом и в литературной критике» (К. С. Аксаков, Н. Языков, В.Ф. Одоевский, Ап. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Л. Н. Толстой) [4, с. 22-23]. Исследователи отмечают, что в формуле «проступают философские смыслы, оказавшиеся принципиально различными, даже прямо противоположными для двух гениев русской литературы – Достоевского и Толстого» [4, с.23]. Авторы статьи констатируют: анализ позиций двух писателей в работе В.В. Вересаева «Живая жизнь» дают два взаимоисключающих понимания этой формулы. «Для героев Достоевского «живая жизнь» – нечто странное, ненормальное, едва ли вообще возможное», – фиксируют исследователи трактовку «живой жизни» В.В. Вересаевым у Ф.М. Достоевского [4, с. 23].

Интерпретацию проблемы «живой жизни» в творчестве Л.Н. Толстого Н.А.Терещенко и Т.М. Шатуновой делают с по-

мощью привлечения термина В. Шкловского «энергия заблуждения» и «неубывающей жизни» Ф. Ницше [7, с. 11], [2, с. 814]. «Живая жизнь», по Л.Н. Толстому, в интерпретации исследователей означает, «что любимые герои Толстого чувствуют цену жизни, любят жизнь и знают жажду жизни», а главное «вечный поиск того деяния (в жизни и в литературе), которое одно только дает возможность попасть, впасть, влиться в полный поток жизни, соответствовать его ходу и, может быть, только чуть усилить этот ход и тогда, может быть, превосходить себя прежнего» [4, с. 23-24]. В этом контексте для П. Проскурина формула «живая жизнь» – поиски истины человеком через сердце, страсти, что позволяет героям писателя изменить ход «установлений природы, законов Космоса». Писатель считает язык, «стихию слова» выражением субстанции человека, его сущности, соотносящей его как микрокосмос с вселенским макрокосмосом: «Ведь язык, стихия слова и являлись самой субстанцией человека, его зачатием и рождением, его особенностями и характером, его местом в жизни и его борьбой, наконец, его уходом, его следом на земле» [3, с. 54]. П. Проскурин идентифицирует такой признак языка как стихийность, который ассоциируется у него с водной стихией, океаном. Аллюзия язык/вода в мемуарах «На грани веков» восходит к мировой мифологии. Акваобраз имеет самые разные космогонические репрезентации. Водная стихия является и отражением первоначального хаоса, и границей между хаосом и космосом, и главным источником космогенеза, и древней первостихией и т. д. П. Проскурин осознает аллюзию язык/вода как амбивалентную. Для писателя она может стать губительной стихией или эликсиром мудрости: «Тайна слова, стихия языка все чаще превращались для меня в нечеловеческую пытку, я задыхался, тонул в этом океане, выныривал вновь глотнуть воздуха, чтобы не задохнуться окончательно» [3, с. 54]. Писатель развивает мифологическую поэтику, уподобляя овладение словом единоборству, борьбе с языком – водной стихией. Еще одна ассоциация, восходящая к борьбе древнегреческого царя Менелая с сыном Посейдона, морским богом Протеем. Подчеркнем, что Протей мог принимать различные облики, так и писатель, по Проскуруину, преобразует слово/водную субстанцию «в краски, звуки, запахи, в живую жизнь, в теплокровные волнующие образы». Через это

единоборство с языком и проявляется «живая жизнь», и обретается настоящее животворящее слово, противопоставленное слову мертвому, о котором писал Н. Гумилев: «Но забыли мы, что осиянно / Только слово средь земных тревог,/ И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово - это Бог. Мы ему поставили пределом / Скучные пределы естества,/ И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мертвые слова» [1, с. 67]. Однако в отличие от поэта-акмеиста серебряного века П. Проскурин избегает библейских реминисценций и аллюзий, слово у него подчеркнуто мифологично в дохристианском духе. В этом принципиально отражается позиция писателя, испытывавшего интерес в конце XX века к древнеславянской мифологии и, в частности, стихии огня, света. Если первым этапом в обретении слова П. Проскурин считал борьбу, единоборство с целью подчинить языковую стихию, то второй этап у него ассоциировался с работой скульптора, отсекающего все лишнее: «В таком единоборстве и оттачивается, совершенствуется стиль и, если можно так выразиться, мастерство, умение отсекал лишние груды материала, всегда налипавшие на любой, даже самый строгий и гармоничный замысел при его освоении» [3, с. 54].

Понимание соразмерности слова, выделение единственного истинного слова из стихии языка – скрытая проскуринская метафора писателя-скульптора. В мемуарах писатель не ограничивается приведенными размышлениями: чувство слова, мастерство выбирать точное, единственное слово дополняются для него и постоянной работой, мужанием души, способной быть живой и любить. «Но даже и в такой борьбе и одиночестве скудеет и усыхает душа; и мое вхождение в литературную среду Хабаровска после полутора десятков лет бесплодной, как я уже начинал считать, борьбы за свое право сказать людям сугубо свое, донести до них свое видение человека и жизни как бы разомкнуло, даже взорвало круг постоянного одиночества, явилось живительным, ободряющим глотком безумно вспыхнувшей надежды» [3, с. 54]. Проскуруину, чтобы поверить в себя, был нужен читатель, и здесь счастливо для него соединились в лице Лили Агишевой любимая женщина и талантливый читатель. Именно Лилиана дала психологическую уверенность писателю: у него есть дар творца, он может и должен нести свое слово людям. Ей удалось преодолеть

оскудение души П. Проскурина в тяжком, монотонном писательском труде, когда процесс написания книги у начинающего художника слова перерождается в «разрушительное переутомление», «долголетнюю физическую перегрузку, «отшельническое сидение за столом, не различающим ни дней, ни ночей» [3, с. 66]. П. Проскурина вернули из мира ремесленной работы в мир творчества всего два отзыва Лилианы о его рассказах: «Знаете, когда на этот раз я подъезжала к Хабаровску, по краевому радио передавали ваш рассказ «У моря», меня тогда поразила какая-то странная музыка, магия слов в этом рассказе, она меня потом долго преследовала. Прямо наваждение какое-то...»; «Я ни на что не претендую. Просто мне интересно говорить с человеком, написавшим такой красивый, музыкальный рассказ. Я так люблю литературу, могу всю ночь слушать вас, ведь это вы написали. А еще ваш рассказ «Таежная песня»... Слышите, опять музыка. Я его наизусть знаю» [3, с. 67]. После встреч с Лилианой, ставшей впоследствии его женой П. Проскурин снова, и на этот раз окончательно поверил в свой дар художника слова, в свой дар творца. Убежденность в своем выборе быть писателем привела к тому, что П. Проскурин отстаивал каждое свое слово в написанном, не признавая право редакторов безжалостно исправлять текст, нивелируя выражение творческой индивидуальности. «В начале лета я отнес в журнал «Дальний Восток» два или три своих новых рассказа, помнится – «Таежная песня», «Залом», еще что-то, кажется, «Самородок». И они попали на редактуру к ответственному секретарю журнала Рустаму Константиновичу Агишеву. Это был человек импозантный, даже величественный, только что напечатавший роман «Зеленая книга» и, естественно, перешагнувший за черту, отделяющую начинающих от литературных мэтров, и в столицах, и здесь, в провинции», – вспоминает П. Проскурин в мемуарах. – «Когда я увидел выправленный им свой рассказ «Залом», где было переписано и переставлено с места на место чуть ли не каждое слово, я вначале оторопел, затем перешибив себя, тупо просмотрел густую правку и взорвался, заявив, что в таком виде рассказ «напечатан быть не может и я его забираю». Литературный мэтр, татарин по национальности, потрясенный наглостью молодого автора, в первые минуты мог разговаривать лишь междометиями; он никак не мог понять, что он

не так сделал, чем нехороша его профессиональная правка. Назревал ненужный взрыв, но очень кстати подвернулся все тот же Сергей Леонтьевич Рослый, и, так как серьезно ссориться никто не хотел, он унес рассказ к себе, и на том ненужный конфликт был исчерпан» [3, с. 63-64]. Новый этап в восприятии языка сформировался у П. Проскурина в 90-ые годы. Писатель отвергает утонченный стиль, формальные изыски, лишённые «подлинной живой жизни» [3, с. 70]. Именно с этих позиций им оценивается эволюция творчества Л. Леонова от романа «Русский лес» к «стеклянной поверхности», лишённой «русского» и «русскости» «Пирамиды»: «Когда-то я писал о творчестве Леонида Леонова статьи в газетах и журналах, ставя его дарование чуть ли не рядом с Шолоховым, но время шло и вносило свои коррективы, и в леоновских романах, в его образах и характерах начинали все больше проступать авторские схемы, его некая отдаленность от подлинно живой жизни; безукоризненно, даже изысканно красиво исполненная картина со временем начинала отдавать синтетикой, слабые и в самом начале, запахи жизни выветривались и становились неощутимыми, бесцветными, и здесь дело не мог спасти ни до предела отточенный стиль, ни замысловатые психологические конструкции, ни броские декларативные построения о добре и зле, о любви и дружбе» [3, с. 70-71].

Писатель все больше с разрушением советского государства осознает свой дар как народный, как выражение исконно русского, славянского менталитета. Его Россия направлена не географически, а прежде всего духовно на Восток. Это ее вектор развития в противовес зажавшейся Европе, озабоченной скопидомством и умножением материальных ценностей. И опять П. Проскурин обратится к формуле «живая жизнь» для определения своей позиции в период образования искусственной «перестроенной» России. Для него «подлинная жизнь» характеризуется как «кровью, жестокостью, грязью», так и «божественными прозрениями и взлетами, обжигающими страстями и свершениями» [3, с.71]. «Живую жизнь» и отличает пророческое видение сердцем, когда за хаосом разрушения и уничтожения познается воля творца, ведущая человека к постижению истины. П. Проскурин в своем обращении к русскому языку, несомненно, апеллирует к известнейшему тургеневскому определению русского языка: «Во

дни сомнений, в дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» [6, с. 172]. Писатель сохраняет лишь одну тургеневскую метафору: «правдивый», добавляя две авторские: «чуток» и «страшен»: «И хочется воскликнуть: О Господи, и в самом деле чуток и правдив, страшен русский язык! Он мгновенно едва кто-либо успевает произнести несколько слов, тотчас выявляет и своего и чужого, и друга и врага; стоит только прислушаться сердцем, и вы по двум-трем фразам тотчас определите, кто же перед вами в действительности» [3, с. 71]. Парадоксальное замечание писателя о русском языке, выявляющем друга и врага, развитие его тезиса об «агрессивности живой жизни»: «Любая живая жизнь агрессивна, а человек, да еще творческий, – тем более; ему тем более не хочется упустить из наработанного в прошлом и в то же время не промахнуться и в будущем. Закон же высокого искусства, высокой литературы един – только правду! В том числе и о самом себе» [3, с. 77]. В период прозападного уничтожения вечных русских ценностей, славянского менталитета язык и «живая жизнь» должны быть агрессивны, чтобы противостоять «холодной, казенной лощености» языка «записных ораторов», «их отшлифованному в долгой карьерной гонке ораторскому артистизму» и «олигархической власти» [3, с. 71, 77]. Агрессивная «живая жизнь» – отражение на современном этапе героического начала русской литературы (советского периода) и русского народа. Эта правда жизни и заключается, по П. Проскурину, в том, что «час истины неизбежен, и все будет названо своими подлинными именами...» [3, с. 79]. Русский народ и русский язык «должны выжить», только уже нет смысла ждать, пора «взвалить... тяжесть решения и ответов на собственную совесть...» [3, с. 79]. Писатель считает: «Уже и в новых, идущих на штурм очередного столетия российских поколениях все ощутимее начинает пробуждаться и звучать ген социальной справедливости, издревле присущий русскому народу и неизмеримо окрепший в советский период» [3, с. 79]. «Пророческий глагол» писателя вещает: Россия вернется «к своей судьбе» – «к социальному обустройству народной жизни

по типу советской эпохи двадцатого века, с безусловными, диктуемыми временем изменениями и дополнениями» [3, с. 79]. «А это и есть сакральность, – как считает писатель, – крестный русский путь от ... космической природы и предназначения» [3, с. 79]. В движении писателя по этому пути, в его содействии пробуждению жажды справедливости и правды у русского народа и состоит смысл обретения живого слова.

Список литературы

1. Гумилев Н. Полн. собр. соч.: В 10-ти т., М.: Воскресение, 1998-2007.
2. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. Пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 829 с.
3. Проскурин П. На грани веков. Роман-газета. М., № 22, 2005.
4. Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. «Живая жизнь» как философский мотив творчества Л.Н. Толстого // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. №1 (33), апрель, 2020. С. 22-30.
5. Трифонов Ю.В. Воспоминания о муках немоты, или фединский семинар сороковых годов / Воспоминания о Константине Федине: сборник / [сост. Н. К. Федина]. М: Советский писатель, 1988. С. 254-270.
6. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1980-2018.
7. Шкловский В.Б. Энергия заблуждения. М: Советский писатель, 1981. 352 с.

Логвинова И. В.

Московский государственный институт музыки
им. А.Г. Шнитке, г. Москва, РФ

**ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ НАСЛЕДИЯ
УЧЕНЫХ XIX ВЕКА КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ И СОХРАНЕНИЯ
РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА (ОБ ИЗУЧЕНИИ
НАУЧНОГО И ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М. П. ПОГОДИНА)**

Аннотация. В статье речь идет о том, что необходимо изучать и публиковать работы ученых XIX века, которые в советское время были забыты или запрещены как не удобные в идеологическом плане. Автор призывает поддерживать инициативу научных групп по изданию наследия М. П. Погодина, С. П. Шевырёва, братьев Аксаковых, А. С. Хомякова и др. Изучая научное и творческое наследие прошлых веков, мы сохраняем и развиваем культурную традицию русских научных школ, в чем видится залог того, что мы не потеряем свой уникальный культурный код, выработанный всеми предшествующими веками истории русской культуры.

Ключевые слова: культурный код, научная школа, научное и культурное наследие, М. П. Погодин, славянофилы, русская наука XIX века.

Logvinova I.V.

Moscow State Institute of Music named
by A.G. Schnittke, Moscow, Russia

**STUDY AND PUBLICATION OF THE HERITAGE OF XIXTH CEN-
TURY SCIENTISTS AS A WAY TO TRANSMIT AND PRESERVE
THE RUSSIAN CULTURAL CODE (ON THE STUDY
OF THE SCIENTIFIC AND CREATIVE HERITAGE
OF M. P. POGODIN)**

Abstract. The article discusses the need to study and publish the works of 19th century scholars who were forgotten or

banned during the Soviet era as ideologically undesirable. The author calls for supporting the initiative of scientific groups to publish the legacy of M. P. Pogodin, S. P. Shevyryov, the Aksakov brothers, A. S. Khomyakov and others. By studying the scientific and creative heritage of the past centuries, we preserve and develop the cultural tradition of Russian scientific schools, which is the guarantee that we will not lose our unique cultural code, developed by all the previous centuries of Russian cultural history.

Keywords: cultural code, scientific school, scientific and cultural heritage, M.P. Pogodin, Slavophiles, Russian science of the XIX century.

Можно сказать, что мы живем в эпоху перемен. Мир очень нестабилен, идут войны, беспокойно на Ближнем Востоке. Мир лихорадит. Однако, это повод обратиться к проблеме сохранения своего культурного кода. Мода на глобализацию должна остаться в прошлом. Почему? Кажется, мы уже достаточно убедились в том, что стирание границ между этносами, государствами, культурами приводит к тому, что цивилизация поглощает, побеждает культуру. Чем это опасно? Тем, что цивилизация, в основном, потребляет. В то время, как культура созидает. Цивилизация разрушительна (стирание личности в угоду производителям товаров и услуг, которым нужно, чтобы человек послушно покупал рекламируемое), а культура созидательна. Можно даже поставить вопрос так, что цивилизация направлена против Бога и Его заповедей, а культура направлена на послушание и следование Богу и Его заповедям.

В конце XVIII – начале XIX века формируется русский культурный код. У истоков его стоят такие выдающиеся русские ученые, как М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. П. Погодин, С. П. Шевырёв, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, М. Н. Катков и многие др. До недавнего времени у нас поддерживались научные проекты по изучению и изданию собраний сочинений выдающихся деятелей науки и искусства. Это были, например, РГНФ (Российский гуманитарный научный фонд) и РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований). И мы в течение ряда лет вместе с профессором А. Н. Николюкиным (1925 – 2023) издава-

ли труды В. В. Розанова, И. В. Киреевского, С. П. Шевырёва, Ю. Ф. Самарина, М. Н. Каткова. Над собранием сочинений А. С. Хомякова и братьев Аксаковых работает профессор А. П. Дмитриев (Пушкинский Дом, СПб.). Все эти собрания сочинений выходили (и продолжают выходить благодаря поддержке различных фондов, которая, к сожалению, случается в наше время все реже и реже) в издательстве «Росток» (Санкт-Петербург) [1]. Все собрания сочинений снабжены научными комментариями. Они изданы в новой орфографии, что облегчает современному читателю знакомство с наследием того или иного ученого.

Проблема состоит в том, что в советское время из науки изгонялось все, не соответствующее атеистической коммунистической идеологии. В опале оказались все писатели и ученые-славянофилы, все религиозные философы и просто верующие русские ученые, ратующие за великое будущее русской культуры. В частности, недостаточно востребованным ученым оказался М.П. Погодин (1800 – 1875), творческое наследие которого составляют не только труды по истории Руси от древних времен до первых русских царей, но и художественное творчество, мемуары, письма. Этот выдающийся русский историк, писатель, собиратель древностей, в честь которого названа в Москве улица, на которой он жил (и где находится его дом, в котором располагалось знаменитое его Древлехранилище), остается недостаточно исследованным. Не все его мысли были понятны не только его современникам, но и нам. Многие его труды остаются в забвении. В 2019 году фондом РФФИ был поддержан наш проект 19-012-00310 «Погодин М. П. Полное собрание историко-филологических трудов. В 9 томах. Т. 1 - 3». За три года работы над проектом были подготовлены к печати три первых тома полного собрания историко-филологических трудов М. П. Погодина. Однако, до издания пока дело не дошло, поскольку РФФИ прекратил выдачу грантов на издательские проекты. Фонд культурных инициатив, по-видимому, такие проекты не поддерживает, поскольку они носят сугубо научный характер и дают на выходе ни спектаклей, ни больших фестивалей с участием людей с ограниченными возможностями. Фонд РФ (Российский научный фонд), по-видимому, работает с ограниченным контингентом, поскольку выдает гранты только тем лицам, которые работают в

организациях, внесенных в список грантополучателей (Высшая школа экономики, МГУ, ИНИОН РАН и др.). К тому же условиями конкурса является обязательное участие в гранте лиц моложе 35 лет. Как будто молодой ученый – это понятие возрастное. До 35 лет человек в большинстве случаев еще не настолько опытен в науке, как ученый, которому уже за 40. Большинство интересных в плане сохранения научного и творческого наследия проектов не интересны молодому поколению ученых. Это тоже нужно учитывать грантодателям. Например, в моем научном коллективе, с которым мы создаем (сейчас по собственной инициативе, т.к. не можем найти фонд, который бы поддержал наш проект) собрание сочинений М.П. Погодина, нет молодежи в общепринятом смысле слова. Всем участникам уже исполнилось 40-45 лет. И все мы понимаем, что если не мы, любящие и понимающие значение М. П. Погодина в истории русской культуры и науки, то никто другой этим заниматься не будет. А М. П. Погодин поднимал очень важные и очень злободневные и сегодня вопросы, касающиеся и русской истории, и русского культурного кода, и политических вопросов, которые до сих пор актуальны (Крым, Восток и Запад), и художественного творчества, которое остается не до конца исследованным, и вопросов археологии, издательской деятельности, работы научных школ и т.д. До того, как фонд РФФИ прекратил поддержку научных и издательских проектов, нами было подготовлено к изданию 3 первых тома Полного собрания историко-филологических трудов М.П. Погодина [2].

До сих пор не было создано серьезного научно откомментированного полного собрания историко-филологических трудов М. П. Погодина (1800 – 1875), несмотря на огромный интерес к нему. При жизни основные исторические произведения М. Погодина вошли собрание исторических трудов в 5 томах (1872 – 1876), а также сборники писем и речей (1872, 1874). После смерти Погодина предпринимались попытки издания отдельных его книг и сборников статей. Но остается еще множество статей, заметок, критических разборов и рецензий по русской истории, напечатанных почти во всех русских периодических изданиях того времени (1821 – 1875), а также рукописи, хранящиеся в рукописном отделе РГБ. До сих пор еще есть и другие русские ученые XIX века, научное наследие которых остается не исследованным, хотя они очень

актуальны в наше время. Сохраняя и изучая научное и культурное наследие можно лучше понять настоящее. К сожалению, у нас сейчас, кажется, мало кто это понимает.

Хотелось бы поставить проблему изучения и сохранения культурного и творческого наследия наших выдающихся ученых XIX века, а также начала XX века, которые были незаслуженно забыты или запрещены в советское время. Как можно сохранить их наследие и использовать его в современной науке? Давать студентам и молодым ученым темы, связанные с открытиями, сделанными в прошлые века. Можно давать задания, требующие работы в архивах и библиотеках, работы с библиографией. Больше рассказывать в публичных лекциях о выдающихся ученых прошлого, с именами которых связан современный научный прогресс. Можно делать публичные лекции о забытых мыслителях и ученых прошлого, чьи труды актуальны сегодня. Необходимо также создание фондов, поддерживающих проекты в области гуманитарных наук. Нам нужны такие фонды, какими были РГНФ и РФФИ.

Проблема изучения наследия ученых конца XVIII – XIX в. особенно актуальна в связи с вызовами современности. Для большинства из этих вызовов можно найти решение в трудах тех ученых, которых запрещали в советское время. По поводу славянофилов в своей статье справедливо отмечает И. В. Чуркина, что негативное отношение к ним было сформировано еще критиками, запрещавшими некоторые издания: «По свидетельству А.И. Косшелева, после революции 1848–1849 гг. генерал-губернатор Москвы граф С.П. Закревский называл членов кружка А.С. Хомякова то «славянофилами», то «красными», то «коммунистами» <...> Отношение к славянофилам их оппонентов – западников оказало влияние на оценку их деятельности и идеологии со стороны либеральных и демократических кругов России последующих поколений» [3]. Не понятые своими либеральными оппонентами и критиками в XIX в., славянофилы попали под запрет и в Советском Союзе, как идеологически вредные (так как были православными и проповедовали в своих трудах православную этику и философию). Исследовательница приводит показательный пример: «Еще более отрицательно относились к идеологии славянофилов социал-демократы. Один из их лидеров Г.В. Плеханов написал статью «И.В. Киреевский», посвященную одному из ос-

нователей славянофильства. «Нам всем уже давно пора, – писал он, – отделаться от того, весьма распространенного предрассудка, согласно которому славянофильское учение заключало в себе какие-то прогрессивные элементы. Таких элементов в нем не было». И далее Плеханов добавлял: «Именно из мнений славянофильской школы, и особенно из мнений ее основоположников, между которыми И.В. Киреевский занимает такое видное место, выросла вся та реакционная политическая идеология, на которую до сих пор опираются наши враги народной свободы и народного просвещения»» [4]. Таким образом, все религиозные мыслители, все истинные патриоты Отечества и православные люди были объявлены врагами народа. Однако, несмотря на то, что их труды были запрещены, они не были забыты совершенно. Десятилетиями они сохранялись в архивах и спецхранах библиотек, ждали своих исследователей, издателей. Попытка зачеркнуть прошлое не удалась. Прошлое нельзя отменить, переписать. И об этом свидетельствует интерес ученых к писателям и мыслителям прошлых эпох.

Подводя итоги, хочется сказать, что изучая наследие прошлых веков, мы сохраняем и развиваем культурную традицию русских научных школ. Ведь многие научные школы были сформированы до революции 1917 года (например, такие яркие, как школа музыкальной психологии, которую сформировал В. М. Бехтерев [3], или сравнительно-историческое литературоведение, в основании которого лежат труды Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, С. П. Шевырева, Ф. И. Буслаева). В советское время труды многих ученых XIX в. были забыты и объявлены реакционными. В исследовании, а также издании этих трудов видится залог того, что мы не потеряем свой уникальный культурный код, выработанный всеми предшествующими веками истории русской культуры. А для этого нужно возбуждать интерес молодежи к исследовательской деятельности, к науке, к работе в архивах и библиотеках. Этот интерес может воспитываться, прививаться в филологических кружках и секциях, на публичных лекциях для молодежи, на просветительских ресурсах в сети Интернет и каждый из нас может прививать этот интерес в рамках своих лекций, а также на конференциях, посвященных юбилею того или иного выдающегося ученого и мыслителя прошедших веков.

Список литературы

1. Издательство «Росток» // <http://rostokbooks.ru/shop>
2. Логвинова И.В. К вопросу об издании Полного собрания историко-филологических трудов М.П. Погодина // Литературоведческий журнал. 2022. № 1 (55). С. 98-108.
3. Орлова Е. М. Влияние музыки на человека в творчестве В. М. Бехтерева: Становление музыкальной психологии. М.: Перо, 2015. 239 с.
4. Чуркина И. В. К вопросу об отечественной историографии славянофильства // Славяне и Россия. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otechestvennoy-istoriografii-slavyanofilstva> (дата обращения: 03.11.2023).

УДК/ББК: 811.161.3

Матусевич Е.Н.

Мозырский государственный педагогический университет, г.
Мозырь, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В Беларуси языковая ситуация представлена билингвизмом: помимо произведений белорусских классиков основательно изучаются произведения русских писателей, предмет русская литература входит в школьную программу. Мировая же литература и творчество зарубежных писателей изучают в университете. Таким образом, произведения русских писателей близки нашему народу, так как творчество классиков русской литературы наравне с нашей культурой – фразы произведений используются также часто в обычной жизни, как и фразы белорусский классиков.

Ключевые слова: крылатые фразы, билингвизм, мировоззрение, языковой портрет.

Matusevich E.N.

Mozyr state pedagogical university, Mozir, Belarus

THE FEATURES OF THE BILINGUALISM SITUATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. There is a bilingualism situation in the Republic of Belarus. We learn Russian and Belarussian writers. The Russian literature lesson is taught in the school. The world literature is taught in the university. So Belarus people use words and phrases from the Russian literature writers works like from the Belarussian ones.

Keywords: wings phrases, bilingualism, outlook, language portrait.

Белорусам легче осваивать иностранные языки, ведь с самого детства в обиходе два языка. Мозг постоянно работает на изучение, поиск отличия и запоминание слов. Исторически сложилось влияние многочисленный воин на территории, когда земли становились полем боя для многих поколений.

И каждая века истории внесла в развитие нашей культуры, даже языка свой вклад. К примеру, 600 лет назад на нашей земле появилось такое понятие как китабы, когда молитвы из Корана (вначале) писались белорусскими словами арабской вязью [1].

Русско-турецкие войны на Балканах с участием белорусов также не прошли бесследно для речи [2].

Остановимся на одном регионе земли белорусской – Полесье.

Полесье – родина многих выдающихся классиков белорусской литературы и не только (Иван Шамякин, Иван Мележ, Иван Науменко, Евгения Янищиц). Мозырщина – не исключение (Софья Шах), и мы это читаем в каждом номере местной газеты “Жыццё Палесся”. Очень колоритно выбраны названия заголовков статей и рубрик – это слова из песен, известные выражения и крылатые фразы, зачастую на русском языке. Но такой творческий подход демонстрирует неудержимый порыв писать красиво, со смыслом, чтобы не только донести информацию до читателя, а достучаться до его сердца, путём слов с ёмким смыслом. Насладимся подборкой примеров из газеты.

Припятский альянс;

Сделать великим путь, которым идёшь;

Уроки жизни за 45 минут;

На заборе толкового не посоветуют;

Чистые руки: бескорыстие, честь, ответственность;

Чтобы тебя не земле не теряли, постарайся себя не терять;

Семья – это труд друг о друге забота;

Приказано жить;

Хлеб наш насущный всегда был в почёте!

Не стоит повторять чужих ошибок;

Зерно в колосу – поспеши сжать полюсу!

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались;

Сомненье прочь – смелее, в добрый путь!

Дорогу к славе прокладывать трудом;

Мы желаем счастья Вам!

Старательность и труд в поле зовут!
Осторожность не бывает лишней;
Высшее образование или доверие?
Пусть гордятся нами дети;
Мошенники любят простаков;
Достигнуть качества – достичь успеха;
Модное этно;
Июль жнёт, долго спать не даёт;
Времени мало не бывает;
А у нас в квартире газ! А у нас без потерь молотить убит-
ков не чинить!
Новоселье дарит надежду;
Без сквернословия свободнее дышать;
Так закаляется сталь;
Инициативы учтены;
На рынок – ровными стежками;
Рисуйте, даже если не считаете себя художниками;
По труду и награда;
Мозырь – центр Полесской области. [3]

Тема войны до сих пор на устах каждого – эта память в основе патриотического воспитания детей и молодёжи. Без прошлого нет будущего. Перевод военной тематики особенно сильно представлен в художественной литературе, так как зачастую писатели и были участниками военных событий, они чувствовали боль своим нутром, в те минуты и запомнились их ощущения, выраженные в последствии на языке оригинале – белорусском. Как бы качественно не переводили на русский язык эти тексты, невозможно искусственно навязать эмоции ил описать не существующие реалии. Важным моментом в тонкой грани передачи точности в переводе военной тематики является и личностные особенности переводчика, который своим трудом, мировоззрением накладывает отпечаток и на качество перевода. Дамы избежать механического перевода букв, желательно, чтобы переводчиком текстов были близкие по духу к автору произведения люди.

Владимир Короткевич написал на белорусском языке так эмоционально сильно свое произведение, что передать боль, утрату, любовь, войну на русском невозможно, но причиной это-

го является сила слова оригинального текста, о каком бы языке не шла речь.

Партизанская балада (Памяці Арцём'евай)
На нашай любай і чыстай, на нашай сіняй зямлі
Зяберам і асотам зараслі пустыя палі,
Зяберам і асотам, горкай пустой травой,
Бязозкаю і ваўчкамі, і павітухай тугой.
Вязуць жанчын да танкаў, дзяцей з аўтаматаў б'юць.
Вёскі на выспы лясныя ад свастыкі чорнай бягуць.
Хаты стаяць пустыя, лісіцы спяць у хлявах,
Восы, стракатыя восы гнёзды звiлі ў чарапах.
А ноччу па ўсёй краіне пад ветру халоднага спеў
На горах засеяных нівах расце небывалы гнеў.
Пахне згарэлым порахам нават старцоў рызман,
Ляжаць пад адхонам саставы з надпісам:
«Deutsche Reichsbahn».

Гэта было ў сорок першым на прыдняпроўскай зямлі
Ў звычайнай маленькай вёсцы з смешнаю назвай
«Казлы».

Чалавек пастукаў у шыбу і ў дзверы ўваліўся
як куль,

І сказаў: «Зачыні, Паўліна, непадалёку — патруль.
Я нарваўся на вартавога. Ён даў мне ў плячо штыхом,
Але ён не пабачыць таксама ў Нямеччыне родны дом.
Перавяжы мне рану — іначай не дабрыду».
— «Заставайся».

— «Нельга, Паўліна, хату тваю падвяду» [4].

Перевод на русский язык «Партизанской балады» Влади-
мира Короткевича.

О, наша любимая, чистая, синяя наша земля...
Жабером и осотом заросли пустые поля,
Жабером и осотом, горькой пустой травой,
Берёзками и волчками, повиликой тугой.
Давят танками женщин, детей с автоматов бьют.
Деревни в чащи лесные от свастики чёрной бегут.
Хаты стоят пустые, лисицы ночуют в хлевах.
Полосатые дикие осы гнёзда выют в черепахах.
А ночью, по всей стране, под ветра холодный напев

На горем засеянных нивах растёт небывалый гнев.
Пахнет сгоревшим порохом каждый рваный кафтан,
Лежат под откосом составы с надписью «Deutsche
Reichsbahn».

Случилось то в сорок первом на приднепровской земле
В самой обычной деревне со смешным названием «Козлы».
Человек постучал в секло и в дверь ввалился как куль,
И сказал: «Затвори, Павлина. Недалеко здесь патруль.
Нарвался на часового. Он дал мне в плечо штыком,
Но и он не увидит в неметчине свой родной дом.
Перевяжи мне рану. Иначе не добреду».
- «Оставайся»
- «Нельзя, Павлина, дом твой я подведу»...

Несколько лет назад в России было изменено название
структуры Милиции на Полицию. В нашей стране ни на каком
уровне даже мыслить об этом нереально, так как это прямая асо-
циация с полициями в годы оккупации. Это языковая пара –
идеальный пример разного восприятия военных лет в силу раз-
личных ситуаций, в которых оказались люди в годы ВОВ.

Даже слово «женщина» в белорусских реалиях - это иная
женщина, не та, которую представляют на территории других
государств. Благодаря социальной политики государства в насто-
ящее время Женщина в Беларуси - высокообразованная, свобод-
ная в выборе профессии, и прежде всего Мама. Примером для
восхищения служили такие уроженки земли белорусской, кото-
рые кровью вписали своё имя в память народа. Речь идёт о Вере
Хоружей, которая родилась в Бобруйске, закончила рабочую
школу в Мозыре.

Вера Хоружей пишет письмо Сталину с просьбой отпра-
вит ее в тыл врага, понимая, что ее опыт деятельности в подполье
бесценен. На момент отправки этого письма, Вера Захаровна –
мать двоих детей... Понимая опыт этого подпольщицы и ее за-
слуги перед отечеством ее посылают в самое пекло войны, в го-
род Витебск, где шли жесточайшие бои. В 1960 году ей присвое-
но посмертно звание Героя Советского Союза, а в Витебске на
здание возле Успенского собора находится мемориальная доска с
информацией о том, что в военные годы в этом здании тюрьмы
находилась Вера Хоружей.

Эта женщина – образ белорусских женщин, которые отличаются от представительниц прекрасного пола, так как на их плечи порой возлагались непосильные ноши. Такой была и ноша Зинаиды Тусноловой-Марченко, которая, будучи медсестрой на своих плечах вынесла более 120 раненых солдат. Сама была ранена, перенесла ампутацию конечностей, но, как и в годы ВОВ, так и после военные годы боролась с врагами до конца. Она – жена, мать, активистка. Она – образ силы духа советского человека с белорусской пропиской...

И после войны именно женщины работали на благо Родины, воспитывали детей, строили города, поднимали производства, они с достоинством несли свой крест, имя которому история.

Двигаясь дальше по этнографической лестнице, мы найдём и другие интересные примеры. Так белорусское слово «водар» - ещё один пример национально-этнографического характера.

Русский аналог слова “запах” не может передать всей глубины смысла этого слова, как и английский smell.

Бусел или аист – это пример магической силы слова, который имеет даже выражение-синоним – Земля под белыми крыльями. Это птица каждый год прилетает на белорусскую землю, чтобы свить гнездо и научиться свое потомство летать. В настоящее время аист – это символ страны, который описывает и основу семейных ценностей.

В целом слова “наши дети – будущее государства” являются социальным девизом. Мы об этом слышим на всех уровнях. Поэтому и относимся с уважением и любовью к каждому ребёнку, независимо наш он или нет.

Качество белорусской жизни – в каждом нашем дне. И не важно на каком языке написано – «Зроблена ў Беларусі», «Сделано в Беларуси» или «Made in Belarus». Но в широком смысле для экономики страны Референдум 95 был пророческим ходом для государства, ведь язык – техническое средство коммуникаций многих отраслей и документооборота, благодаря которому наши санатории переполнены гражданами Российской Федерации и основными деловыми партнёрами также являются российские компании.

Нижэ перэчислены словы, якія маюць рускі варыянт выкарыстання, але фанетычнае паходжанне мае ў беларускаму варыянце больш прыцягальнае.

Абібок (па-добраму неак гучыць гультай).

Адзінота (у слове нават чуецца гэты смутак)

Адчуванне (чуць)

Апавяданне (весці кімсьці размову)

Абставіны (абставіць нешта)

Асалода (аж смашна адчуць гэтую хвіліну жыцця)

Ахова (напрошвацца значэнне схаваць, зберагчы)

Каханне (рамантызм нават у гукавым спалучэнні)

Ашукаць (дрэннае дзеянне, але па-добраму ўспрымаецца)

Забараніць (бараніць ад дрэнных вынікаў)

Загад (парадак)

Палац (нешта невядомае)

Мяжа (канкрэтыка)

Адраджэнне (цяжкае вымаўлення перадае цяжкасць паяўлення змянення)

Крыж (цяжкасць выпрабавання ў гукавым спалучэнні)

Крыўда (часовае нешта)

Кафля (нешта хатняе, добрае)

Лазня (лазіць)

Літасць (нават злоснае слова ў беларускім варыянце мае мілагучнае выкананне)

Маладосць (нешта рамантычнае)

Мара (мара чысціні прыйшла ў кожны наш дом у выглядзе сціральнага парашку)

Насенне (сеяць)

Рушнік (для рук)

Носьбіт (носіць біты сучаснага культурнага коду)

Паволі (вольна, без прымусу)

Паляванне (лавіць)

Пакуты (гукавое спалучэнне перадае сумны настрой і цяжкасць абставін)

Папера (ангельскае paper)

Падарунак (даваць у рукі)

Пачуцці (пачуць сябе)

Певень (нехта смешны, але важны)

Перамога (змагчы зрабіць)
Скарб (адна галосна перадае ўжо сэнс каштоўнасці)
Спажывец (жыве)
Праца (і не так цяжка)
Блакiтны (прыгожа гучыць)
Бэз (нешта французскае чуецца ў слове)
Бялізна (бялюсенькае)
Хмары (хмуры)
Шэпт (гучаць гукі даўжэй)
Вавёрка (нехта маленькі і прыгожы)
Выхаванне (клопат)
Вясёлка (уяўляецца адразу нешта вясёлае)
Грошы (чуем як б'ецца метал)
Цацкі (нешта смешнае)
Дах (які жах, калі няма даху)
Дрэнны (цяжкасць абставін перадаецца гукамі)
Жывёла (жыве)
Жыхар (знакавы гаспадар)
Жыццё (сэнс)

Исследователем было проведено анкетирование среди учеников учреждений образования разного возраста пар слов на русском и белорусском языках. Выводы следующие – большая часть учеников выбирает автоматически белорусский вариант, так как являются по национальности беларусами (о чём сами устно сообщали во время исследования).

После получения таких данных было принято решение провести анализ слухового восприятия пар слов на русском и белорусском языках среди граждан турецкой республики. Участвовали разные группы людей, из разных городов, различных профессий, разного возраста. Результаты получены следующие – турецким гражданам нравятся по фонетическому звучания одинаково, как белорусские, так и слова на русском языке.

Для фонетического анализа были представлены следующие пары слов: дзіця – ребёнок, смачны – вкусный, жыццё – жизнь, сябар – друг, бясконцы – бесконечный, спадніца – юбка, сядзіба – усадьба, крыніца – источник, кірмаш – рынок, вясёлка – радуга, шлях – путь, кахаць – любить, пацалунак – поцелуй, чырвоны – красный, дапамога – помощь, бусел – аист.

Первоначальный вывод данного исследования напрашивается следующий – в большинстве ситуаций гражданам Республики Беларусь более близки по семантики слова и понятия на белорусском языке, так как жизненные обстоятельства, исторические события диктуют свою языковую картину, так как аналогов понятий в русском языке мы не встретим.

Языковым бичом последнего десятилетия является использование матерных слов. Интересным является поиск с научной точки зрения этого явления в белорусском языке. Анализ показал практическое полное отсутствие эквивалентов на белорусском языке, так как плохое отношение ситуации или человеку выражается проклятиями. Таким образом «спасательным кругом» в белорусском обществе может выступить белорусский язык. Так как мат – это проблема современности. Хотя необходимо отметить положительную тенденцию личностного контроля эмоций с экранов телевизора, что приводит к недопущению нецензурной лексики и оскорблений. Речь журналистов, чиновников очень красивая, выверенная, с учётом преданности стране и профессии.

Вывод: Большая часть проблем современности из-за слов. Только истинное понимание проблемы в корне может разрешить проблемы с тонкостями перевода.

Языку и его роли в обществе наделяется недостаточно внимания. Общая заинтересованность всех структур приведет к единой социальной оболочке граждан. И не важно, на каком языке он говорит, важно – что он говорит и как.

Список литературы

1. Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом и их графико-орфографическая система. Вильнюс: 1968.
2. Проказов Б.Б. Подросткам о русско-турецкой войне 1877-1878 годов. За други своя. Белорусская православная церковь. Минск, 2008.
3. Жыццё Палесся. Мозырь: Редакция газеты “Жыццё Палесся”.
4. Караткевіч У. Збор твораў: У 8 т. Т.1. Вершы, паэмы. Мінск: Маст. Літ., 1987. С. 4-6.

Минкин К.С.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ
Научный руководитель – **Никитина И.Н.**
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
И СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ:
ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В данной статье авторы анализируют лирические произведения о Специальной военной операции на Украине с позиции сравнительно-сопоставительного метода с целью выявления идейно-тематической общности обозначенных поэтических текстов и текстов периода Великой Отечественной войны. Отмечается преемственность традиций предшествующих литературных эпох авторами новых поэтических произведений, в частности, это проявляется как на идейном уровне, где главная мысль стихотворений – борьба с нацизмом и спасение русских земель от оккупантов, так на уровне отдельных тем и мотивов (знамени, письма и др.). При этом авторы замечают новаторство писателей, обусловленных современной тактикой ведения войны.

Ключевые слова: СВО, лирика о СВО, сопоставительный метод, поэтика, идея, тема.

Minkin K.S.

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia
Scientific supervisor – **Nikitina I.N.**
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF POETIC TEXTS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE: IDEOLOGICAL AND THEMATIC ASPECT

Abstract. In this article, the authors analyze lyrical works about a Special military operation in Ukraine from the perspective of a comparative method in order to identify the ideological and thematic commonality of the designated poetic texts and texts of the Great Patriotic War period. The continuity of the traditions of previous literary eras is noted by the authors of new poetic works, in particular, this is manifested both at the ideological level, where the main idea of the poems is the fight against Nazism and the salvation of Russian lands from invaders, and at the level of individual themes and motives.

Keywords: SVO, lyrics about SVO, comparative method, poetics, idea, theme.

Происходящие на сегодняшний день военные события в зоне проведения Специальной военной операции на Украине и связанные с ними лирические и прозаические тексты, появившиеся в последние два года, дали импульс в развитии русской литературы XXI века. Т.В. Цыплакова отмечает, что «постмодернистские произведения часто строятся по принципу коллажа (от франц. collage (букв. «наклеивание») – соединение разрозненных элементов, из которых вырисовывается общая картина)» [8, с. 175].

Идейно-тематическая и поэтическая системы стихотворений о Специальной военной операции на Украине во многом основываются на традициях лирики о Великой Отечественной войне и логически продолжают её, что обусловлено двумя факторами: во-первых, довольно малым временным промежутком между творчеством современных авторов-фронтовиков и поэтов XX века, во-вторых, схожей идейной направленностью лирики: лейтмотивом становится идея борьбы с нацизмом и неонацизмом в современном творчестве.

Одной из ключевых особенностей лирики о Специальной военной операции становится чёткая поляризация силового поля, разделяемого на «мы»/«вы», «наши»/ «ваши», выстраивание подобной оппозиции отвечает идейным задачам: с одной стороны,

она подчёркивает противостояние русского военного, отождествляемого с «мы» и «нашим»: «*Мы* своих не бросаем!» [10, с. 7], «*Мы* выстоим. *Мы* выдержим. Я знаю» [10, с. 8]. «*Нас* сломить не мог никто никак» [10, с. 9], — толстовская идея соборности, роевости и единения приобретает национальный характер, что продиктовано использованием сочетания «Русский мир», подчёркивающего солидарность всех сограждан в ожесточённой битве: «Русский мир сейчас един» [11, с. 21], «С надеждой глядит Русский мир на Россию» [10, с. 16], «Мы защитим наш Русский мир!» [10, с. 84] — с противником, который описывается с помощью местоимений второго лица или же следующих лексем: «оккупанты» («Со всей Европы оккупанты» [11, с. 5]), «фашисты и нацисты» («И фашисты и нацисты беспрестанно бьют по мне» [10, с. 12]), «нацистско-бандеровская чёрная орда» [10, с. 12] («...решающий бой/ с нацистско-бандеровской чёрной ордой» [10, с. 12]). Стоит заметить, что в некоторых произведениях конфликт стратегический перерастает в духовно-нравственный, связанный с поддержкой СВО, здесь прослеживается аналогичное деление на «мы»/«вы», где последние предстают как люди, или остающиеся в стороне от происходящих событий, или откровенно не поддерживающие ход СВО, например, это можно увидеть в стихотворении В. Силкина, где само название подчёркивает тематическую направленность, «Антидеятелям культуры»: Что же вы стреляете ей в спину,/ Где же *ваша* совесть, господа? /С *вашей* поддержкой не покинут / Этот мир нацисты никогда. [11, с. 4].

Осязаемый образ конкретного врага, подчёркиваемый оппозицией, наблюдается и в песнях Владимира Высоцкого о ВОВ, где русский боец громит «их сонных» [2] (стихотворение «Чёрные бушлаты»), «...они под тобою» [2], «я вышел им наперерез» [2] (стихотворение «Их восемь - нас двое...») — оппозиция в названии также подчёркивает данную тематику). В этой связи можно резюмировать, что «они» выступают символом жестокости, бездумья и неправоты. В то время как «мы» осенены высокой миссией освобождения отечества, призванные «отбирать *наши* пяди и крохи» [7, с. 286].

Ещё одной неотъемлемой чертой повествования о событиях СВО становится обращение к историческому прошлому в различных формах: с помощью аллюзий, связанных с персонали-

ями, участвовавшими в военных событиях против захватчиков, например, видим это в произведении В. Силкина «Сон и явь», где звучат строки: «Нас сжигали и били/ У Каялы-реки» [10, с. 67], — отсылка к освободительной войне против татар-монгол — битве на реке Калке. Это же видим и у В. Шигина в стихотворении «Моя Новороссия»: «Гремела на южных просторах / Победная поступь полков: / *Потемкин, великий Суворов, Румянцев и Ушаков...*» [11, с. 15], — или у И. Витюка: «Русь поднимали неустрашимо: *Невский, Суворов, Сталин и Путин*» [11, с. 17]. Показательным в этом отношении для сравнительного анализа является стихотворение Всеволода Рождественского «Памятник Суворову», написанное в год начала Великой Отечественной войны, где образ Суворова становится «виденьем русской славы боевой» [4, с. 162], который должен вдохновить своими былыми подвигами, презентованными с помощью аллюзий: «Она брала твердыни Измаила, / Рубила в клочья прусских усачей. / В Италии летела с гор лавиной, солдат на нов», [4, с. 162] — отсылающих нас ко штурму Измаила (1790 г.), Семилетней войне (1756 – 1763 гг) и Итальянскому походу Суворова (1799 г.) — тем событиям, которые принесли Российской Империи славу и показали силу и нестигаемость русского духа. Так, автор, ставя в пример военачальника, пытается разбудить патриотические настроения и мотивировать сограждан противостоять врагу. Мы понимаем, что обращение к историческому прошлому, выдающимся персоналиям в стихотворениях и ВОв и СВО помогают актуализировать гражданско-патриотические настроения.

Одной из особенной идейно-тематического поля стихотворений о СВО становится обращение поэтов к литературному наследию прошлого, это можно увидеть в стихотворении Елены Егоровой «Украинская трагедия», где она упоминает образы Н.В. Гоголя и Т.Г. Шевченко, чьи судьбы были неразрывно связаны с Украиной, и использует реминисценцию из стихотворения поэта «Завещание»: «Украина милая» [9, с. 324], — таким образом герой размышляет над утраченным «Бендеры сынами» [11, с. 78] наследием, лирическое «Я» искренне сожалеет и надеется, что когда-то современники вспомнят, что «их предки единокровные» [11, с. 79]. Другим поэтическим произведением, содержащим интертекст, связанный с именем Гоголя становится стихотворе-

ние В. Хатюшина «Русский свет», где автор отсылает читателя к событиям, о которых повествуется в повести «Тарас Бульба», он пишет, что украинцы «избрали путь Андрия» [10, с. 24], который в своё время предал Отечество. В этом прослеживается ориентация современной власти Украины на отношения с Польшей, некогда являвшейся её врагом (о чём и рассказывается в повести), однако, вспоминая опыт, описанный Гоголем ещё в девятнадцатом столетии, лирический субъект современного стихотворения как бы предвещает развязку этих событий: «Теперь узнают, сколько стоят,/ с врагом горячие объятия» [10, с. 24].

Особое место в идейно-тематическом комплексе стихотворений обоих периодов занимает образ знамени: во времена Великой Отечественной войны этот атрибут становится символом славы, непоколебимости русского духа, именно поэтому боец Твардовского Степан Валенко не страшится броситься за знаменем, пока «бой жестокий был в разгаре» [6, с. 267], «пули шьют над головой» [6, с. 267], а «убитый» и окровавленный герой Р. Рождественского именно с помощью знамени возвращается с поле боя. В данной балладе предмет принимает гиперболические, отчасти магические свойства, ведь «задыхалась буря. / Парня пуля не брала – / сплющивалась пуля!» [5, с. 141] – это же подчёркивает и использованное автором сравнение в последней строчке: «Как на вещей посох» [5, с. 141], — что позволяет сделать вывод о значимости этого атрибута для русского солдата: покуда развеивается знамя — не покидает сила и дух бойца. Расширяются границы многозначности символа знамени за счёт события, ознаменовавшего окончательную победу русских над немецкими фашистами — вооружения Знамя Победы над Рейхстагом, что повлияло на трактовку символа в поздних стихотворениях о ВОв и новых о СВО. Например, герой В. Силкина говорит: «Мы никому не отдадим Победы, / Ни перед кем мы не склоним *знамен*» [11, с. 6], — что отсылает нас к событиям 1945 года. Эта же мысль прослеживается в поэтическом тексте И. Витюка: «... мы вернемся за славой – В сиянье российских победных *знамен*» [11, с. 16]. А в произведении современной поэтессы И. Овчаренко видим синкретизм двух смыслов: «Идёшь в атаку с мужеством / Под *знаменем* своим. / Победа! Обретение» [11, с. 100], — где знамя символизирует сво-

боду, стойкость, а следующая за ней лексема отсылает к грядущей победе на Украине в понимании героя.

Отдельное место в идейно-тематическом комплексе лирики о СВО занимает тема семьи, любви и верности, во многом повторяющая излюбленные сюжеты Твардовского, Симонова, Окуджавы и других писателей-фронтовиков. Например, зачистую, обращаясь к данной теме, авторы используют форму письма, где герой извещает родных о том, что жив и скучает по близким. Показательным в этом отношении становится стихотворение Эдуарда Асадова «Письмо с фронта» (1943 г.) и «Ты дождёшься меня» Игоря Витюка (2022 г.):

Ты дождёшься меня –
Точно знаю!
Я вернусь из огня! –
Обещаю!
Жди! – И силы найдёшь
Ты в молитве!
И беду отведёшь
В грозной битве! [10, с. 113]

Несмотря на то, что адресатами являются разные люди: Асадова – это мать, а у И. Витюка – жена, в обоих стихотворениях прослеживается мысль, подчёркивающая героический пафос и решительный настрой героя, у Э. Асадова видим строчки: «Ты знай, я не сдамся, покуда дышу!» [1] – а у И. Витюка: «Верю: в схватке любой/ Всё осилю» [10, с. 113]. Идентичен и источник духовного подъема двух субъектов – любящий и ждущий с фронта человек и долг перед Отечеством: «За жизнь, за тебя, за родные края» [1] (Э. Асадов), «За Тебя! За Любовь/ За Россию» [10, с. 113] (И. Витюк). Интересен факт различия: в сборнике современной поэзии не обнаруживаем стихотворений-писем, в которых жена не дождалась фронтовика, в то время как к подобной тематике обращается В. Высоцкий в песне «Письмо перед боем»: его лирический герой «погиб» ещё до начала битвы, прочитав письмо от возлюбленной, которая оставила его и ушла к другому: «В треугольном конверте Пулевое ранение я получил!» [2].

Таким образом, анализ лишь некоторых содержательных доминант в лирике двух исторических периодов позволяет прийти к закономерному выводу: поэты последний двух столетий чёт-

ко осознали, что законы жизни едины, а военные действия наиболее острым и трагическим способом обнажают их, заставляя человека задуматься о семье и дружбе, Родине и долге. Обращение к историческому прошлому и устному народному творчеству тоже вполне закономерно, поскольку способствуют актуализации идеи объединения и сплочения, а прохождение через смерть лишь усиливает подобную проблематику – так создается, как пишет Даренский В.Ю., «общность людей Родины. Отказавшиеся войти в эту общность становятся Предателями в сакральном смысле этого слова» [3, с. 100], – что особо ярко прослеживается в текстах современных поэтов.

Список литературы:

1. Асадов Э.А. Полное собрание стихотворений в одном томе. М.: Эксмо, 2015. 910 с.
2. Высоцкий В. С. Собрание сочинений: в 5 т. / Владимир Высоцкий. М.: СЛОВО/SLOVO, 2018. Т. 3: Стихотворения и песни. 688 с.
3. Даренский В. Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне / В. Ю. Даренский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2014. № 1(15). С. 90-110.
4. Рождественский В.А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1985. 591 с.
5. Рождественский Р.И. Избранные произведения: в двух томах; предисл. Е. Сидорова. М.: Художественная литература, 1979. С. 139-141.
6. Твардовский А.Т. Собрание сочинений в шести томах. Том 2. М.: Худ. лит., 1977. 431 с.
7. Уварова С. В. Сопоставительная характеристика военной темы в поэзии Высоцкого и Окуджавы. С. 279–286. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/uvarova-sopostavitelnaya-harakteristika.htm>
8. Цыплакова Т.В. Классические традиции в современной русской литературе: литературоведческий и методический аспекты // Вестник КГУ. 2008. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskie-traditsii-v->

sovremennoy-russkoy-literature-literaturovedcheskiy-i-metodicheskiy-aspekty (дата обращения: 23.11.2023).

9. Шевченко Т.Г. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1954. 823 с.

10. «Своих не бросаем!» Книга стихотворений / В.А. Силкин, И.Е. Витюк. М.: Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2022. 104 с. (Современная военная поэзия: книжная серия ЦДРА).

11. «Сила V правде!» / Сост.: В.А. Силкин, И.Е. Витюк. М.: Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2022. 135 с. (Современная военная поэзия: книжная серия ЦДРА).

Морарь К.А.

Пермский институт ФСИН России, г. Пермь, Россия

Горина Е.А.

Пермский институт ФСИН России, г. Пермь, Россия

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК: ЯЗЫК ПРИМИРЕНИЯ ИЛИ ЯЗЫК ПОРАБОЩЕНИЯ?

Аннотация. Каждый язык по-своему красив, неповторим и уникален. Человечество не может позволить себе потерять хоть один из языков, живущих ныне народов. Если же будет единый язык, то человечество потеряет своё культурное наследие. Язык для каждого народа — целая история, которая складывалась на протяжении многих веков, а может быть даже эпох. У всех должен быть свой язык, так как именно он делает тот или иной народ особенным.

Ключевые слова: язык, культурное достояние, единство, культура речи, фундаментальные основы.

Morar K.A.

Perm Institute of the Federal Penal Service
of Russian Federation, Perm, Russia

Gorinova E.A.

Perm Institute of the Federal Penal Service
of Russian Federation, Perm, Russia

GLOBAL LANGUAGE: LANGUAGE OF RECONCILIATION OR LANGUAGE OF ENSLAVEMENT?

Abstract. Each language is beautiful, inimitable and unique in its own way. Humanity cannot afford to lose even one of the languages of the peoples living today. If there is a single language, then humanity will lose its cultural heritage. For every people, language is a whole story that has evolved over many centuries, and maybe even epochs. Everyone should have a different language, since it is this that makes this or that people special.

Keywords: language, cultural heritage, unity, speech culture, fundamental principles.

Глобальный язык – это язык примирения или порабощения? Достаточно неоднозначный вопрос, на который каждый ответит по-разному, исходя из своих знаний и предположений.

Наше мнение относительно этого вопроса субъективно; допустим, что хотя бы один язык утратит свою силу в этом мире, тогда будет утрачено культурное наследие, накапливавшееся с каждым годом, каждым веком и каждой эпохой, и это станет невыгодным для того или иного народа [4, с. 39-47]. Именно поэтому можно сделать вывод о том, что формирование единого языка станет не самым лучшим вариантом языкового развития в мире. Но если рассуждать абстрактно, то кажется, что единый язык сблизил бы многие страны между собой. Ведь ведутся различные международные переговоры и конференции, так для того чтобы не было заградительного барьера и каждый человек, независимо от своей нации, этнических признаков, места проживания смог бы с легкостью коммуницировать с другими людьми, это однозначно облегчило бы взаимоотношения для всех.

Да, не спорим, сейчас существуют информационные технологии, доступные для всей численности населения, например, взять тот же самый переводчик с одного языка на другой или же при просмотре фильма на иностранном языке, с помощью субтитров можно вполне понять, на чем основывается тот или иной сюжет [2, с. 101-124]. Благодаря этому, у человека формируются фундаментальные основы понимания чужого языка. Но изменение на какой-либо другой и принятие нового станет длительным процессом, и не каждый сможет приспособиться к этому, поскольку большая часть населения будет против этого нововведения [1, с. 56-62].

Наличие многих языков имеет свое преимущество в том, что народы разных субъектов страны обмениваются абсолютно любыми словами, сведениями и соответственно новой информацией, применяя все это в своей речи, в результате чего заимствованные слова становятся родными и привычными к нашим устам.

Каждый язык несет в себе свою оригинальность, свои свойства и отличительные черты, присущие только ему [3, с. 112-

124]. Индивидуальность всегда считалась высшей особенностью, потому что это принято только в нашем народе, только в нашем обществе, мы гордимся своим родным языком и испокон веков наш Российский народ верен ему. Поэтому точного ответа нельзя дать, но это достаточно интригующий и интересный вопрос, над которым бы стоило поразмышлять.

Список литературы

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во ХГУ, 1972. С.56-62.
2. Бердичевский А. Языковая сложность // Вопр. языкознания. М., 2012. № 5. С. 101–124.
3. Kosyreva M. S. Global words in the Russian language: monograph [Globalismy v russkom yazyke]. М.: Yuniti-Dana, 2016. P. 112-124.
4. Михальченко В.Ю. Национальные языки в эпоху глобализации: Языки России и Монголии // Вопросы филологии. М., 2010. № 1 (34). С. 39–47.

Морозова И.А.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ
Научный руководитель – **Печенкина О.Ю.**
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

**ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ДВИЖЕНИЯ»
В ПОЭМЕ В.В. МАЯКОВСКОГО
«ОБЛАКО В ШТАНАХ»**

Аннотация. В статье проанализированы глаголы со значением движения, найденные в поэме «Облако в штанах» Владимира Владимировича Маяковского. В русском языке есть небольшая группа глаголов, обозначающих различные способы перемещения в пространстве. Это глаголы движения являются архаическим и структурно- семантическим типом русского глагола. Движение – изменение положения предмета в пространстве или изменение его частей, например, вращательное, колебательное движение; перемещение в пространстве в каком-либо направлении, например, идти, бежать; а также телодвижение, жест, например, махать руками.

Ключевые слова: движение, глагол, вид, действие, приставка, поэма.

Morozova I.A.

Bryansk State University named after
academician I.G. Petrvovsky, Bryansk, Russia
Scientific supervisor – **Pechenkina O.Yu.**
Bryansk State University named after
academician I.G. Petrvovsky, Bryansk, Russia

Abstract. The article analyzes verbs with the meaning of movement found in the poem “A Cloud in Pants” by Vladimir Vladimirovich Mayakovsky. In the Russian language there is a small group of verbs that denote different ways of moving in space.

These verbs of motion are an archaic and structurally semantic type of Russian verb. Movement - a change in the position of an object in space or a change in its parts, for example, rotational, oscillatory movement; moving in space in any direction, for example, walking, running; as well as body movement, gesture, for example, waving your arms.

Keywords: movement, verb, type, action, prefix, poem.

В русском языке существует небольшая группа глаголов, которая указывает на различные способы передвижения в пространстве. Они, по определению Н.С. Авиловой, считаются архаическим и структурно-семантическим типом глагола в русском языке [1, с. 107]. Эта группа включает глаголы однонаправленного движения (бежать, брести, везти, вести и др.) и неоднаправленного (бегать, бродить, возить, водить и др.). Оба типа, будучи глаголами несовершенного вида, противопоставлены по значению однонаправленности - неоднаправленности. Эта своеобразная «парность», семантическая и морфологическая взаимосотнесенность обоих членов противопоставления (бежать - бегать, нести - носить) является наиболее характерной приметой глаголов движения [6, с. 64].

Традиционно выделяются четырнадцать пар глаголов движения. Но некоторые исследователи (Н. С. Авилова, Г. А. Багдасарова, Ю. М. Гордеев, В. Л. Ибрагимова, Л. А. Телегин и др.) расширяют круг, включая «глаголы, означающие перемещение, но не входящие в группу соотносительных парных глаголов движения типа идти - ходить (например, гулять, блуждать, рысь, семенить и др.)» [1, с. 107].

Также в русском языке есть глаголы статики, это обширный класс русской глагольной лексики. Под статичностью понимается отсутствие любого изменения (изменения во времени, температуры, давления, массы и т.д.) и отсутствие движения. Движение - изменение положения предмета в пространстве или изменение его частей, например, вращательное, колебательное движение; перемещение в пространстве в каком-либо направлении, например, идти, бежать; а также телодвижение, жест, например, махать руками [4, с. 81].

Глаголы движения — это 17 пар глаголов, каждая пара которых обозначает одно и то же действие. Один из глаголов называется однонаправленное движение (движение в определённом направлении), а второй ненаправленное или разнонаправленное движение. Движение может совершаться: 1. С обозначением направления или без обозначения направления; 2. В одном направлении, в разных направлениях или без указания направления [6, с. 37].

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить то, что специфичность глаголов движения в морфологическом отношении проявляется в следующем: при присоединении приставок, они не вступают в видовую оппозицию, и, во-вторых, те из них, которые по своей морфологической природе являются не-предельными и непереходными, становятся предельными и переходными [2, с. 376].

Глаголы движения в поэме В. Маяковского можно условно разделить на четыре группы: 1) глаголы движения без приставок; 2) глаголы движения с приставками; 3) глаголы однонаправленного движения; 4) глаголы неоднаправленного движения. Напомним, что глаголы последних двух групп, являясь глаголами несовершенного вида, противопоставлены по значению однонаправленности - неоднаправленности [2, с. 117].

Теперь рассмотрим несколько примеров глаголов движения из каждой группы и проведём анализ этих слов.

Глагол «*броситься*» из предложения: «*На лице, обгорающем из трещины губ обугленный поцелушко броситься вырос*» [5. с. 267], совершенного вида, с формообразующим глагольным возвратным постфиксом -ся. Согласно словарю Ожегова, одно из значений этого глагола - «*быстро устремиться*». В данном контексте поэт с помощью глагола движения создаёт метафору. Любовное чувство лирического героя горит пламенем, и этот пожар перемещается от головы и лица в сердце. Герой страдает от неразделенной любви, «*сгорает*».

Следующий глагол без приставки: «*Спит*» в предложении: «*Вселенная спит, положив на лапу с клещами звезд огромное ухо*» [5. с. 269]. С помощью этого глагола В. В. Маяковский выражает «*богоборческий мотив*». Делает это он следующим образом: раз Бог не смог создать совершенный мир счастливых лю-

дей, он должен уступить место новому Человеку. Этот вызов не услышан («*Вселенная спит...*»). Единственный выход отсюда по логике поэта – выход в реальное действие, в революцию.

Перейдём к рассмотрению глаголов движения с приставками. Например, глагол «*спрыгнул*» из предложения: «*Слышу: тихо, как больной с кровати, спрыгнул нерв*» [5, с. 263]. Это глагол движения совершенного вида с приставкой с-, которая имеет значение движения сверху вниз. Этот глагол В. В. Маяковский использовал с целью создания приёма развёрнутой метафоры. Фразеологизм «*нервы расходились*» разрастается у Маяковского в целую картину в данном предложении.

Глагол «*испешеходили*» из 2 части поэмы: «*Топорицились, застрявшие поперек горла, пухлые taxi и костлявые пролетки грудь испешеходили*» [5, с. 265]. Глагол движения совершенного вида с приставкой ис- имеет значение распространение движения по всем направлениям, является неологизмом. Напомним, что неологизм - это слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или для выражения нового понятия. Данный глагол является авторским неологизмом. Владимир Владимирович Маяковский создал множество слов-неологизмов, в нашем случае, глагол, значение которого он усилил с помощью приставки ис-, не стал общеупотребительным. Глагол «*испешеходить*», образованный от существительного пешеход, включён в Словарь неологизмов. Если пешеход означает идущего пешим ходом или пешком, то испешеходить - это значит «*проходить пешком*», по аналогии с глаголом истоптать.

Теперь рассмотрим глаголы движения однонаправленного движения. Глагол «*лезут*» в предложении: «*Скажите пожарным: на сердце горящее лезут в ласках*» [5, с. 266], несовершенного вида без приставки, который обозначает движение, которое происходит в один момент или в определённом направлении. В данном предложении Маяковский описывает «пожар» сердца, который вспыхивает от неизбежного и очень острого чувства одиночества, желания любить, быть любимым и понятым.

«*Нести*» из 4 части поэмы: «*Значит — опять темно и понуро сердце возьму, слезами окапав, нести, как собака, которая в конуру несет перееханную поездом лапу*» [5, с. 271]. Нести – глагол движения несовершенного вида без приставки, обозна-

чает движение, которое происходит в один момент или в определённом направлении. В данном контексте этот глагол помогает автору использовать приём сравнения. Чувства поэта вновь растоптаны невзаимной любовью. Автор сравнивает свое разбитое сердце, пропитанное слезами, с раздавленной лапой пса.

Глагол «*тащу*» из предложения: «*Детка! Не бойся, что у меня на шее воловьей потноживотые женщины мокрой горю сидят, — это сквозь жизнь я тащу миллионы огромных чистых любовей и миллион миллионов маленьких грязных любяют*» [5, с. 264], имеет переносное значение. Поэт испытывает тяжесть от тех «любовей», которыми окружили его поклонницы. В. В. Маяковский стучит в двери той, которую он любит, но та, видимо, не верит его словам. Автор обещает Марии верность со своей стороны, также герой начинает хотеть не только обладать телом женщины, но и ее душой.

Перейдем к рассмотрению глагола неоднаправленного движения. Глагол «*ходят*» во второй части поэмы: «*А оказывается — прежде чем начнет петься, долго ходят, размолов от брожения, и тихо барахтается в тине сердца глупая воображения*» [5, с. 278]. Глагол движения «*ходят*» несовершенного вида без приставки обозначает движение, которое происходит много раз или в различных направлениях. Во второй части автор рассказывает, как он создает стихи. Поэт пишет о том, что раньше считал процесс написания стихотворений чем-то «чистым», лёгким, романтичным. Поэту приходит вдохновение, и он начинает творить. На деле же этот процесс для В. В. Маяковского оказывается сложным, мучительным и болезненным для сердца. В статье «*Как делать стихи?*» В. В. Маяковский пишет: «*Я хожу. Размахивая руками и мыча еще почти без слов, то укорачивая шаг, чтоб не мешать мычанию, то помычиваю быстрее, в такт шагам. Так обстругивается и оформляется ритм — основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом. Постепенно из этого гула начинаешь вытаскивать отдельные слова*» [5, с. 456]. В этой же работе он говорит: «*Старые правила с «грезами, розами» и александрийским стихом не годятся*» [5, с. 454]. Глагол «*ходят*» употреблён в переносном значении. Поэтические замыслы автора как бы передвигаются в сознании автора, прежде чем появляются на бумаге.

Анализ глаголов со значением движения в поэме «Облако в штанах» Владимира Владимировича Маяковского позволил понять, что они передают информацию о перемещении предметов, людей, животных и т.д. от одного места к другому, позволяют выразить направление движения, способ передвижения, длительность перемещения и т.д. Изучение глаголов со значением движения формирует и развивает навыки употребления глаголов движения [3, с. 224].

Список литературы

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
2. Быкова Л.А. Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке // Уч. зап. Харьк. ун-та. Т.ХСІХ: Труды филол. ф-та. Т.6. Харьков, 1958. 233 с.
3. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык: учебное пособие. М.: Просвещение, 1967. 432 с.
4. Кильдибекова Т. А. Глаголы действия в современном русском языке: Опыт функционально-семантического анализа. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 157 с.
5. Маяковский В.В. Собр. соч. в 12 т. / В. В. Маяковский; Под общ. ред. Н. Н. Асеева, Л. В. Маяковской и др. М.: Художественная литература, 1939. 502 с.
6. Черненко Е.В., Лучкина Н.В. Глаголы движения: учебное пособие для иностранных учащихся подготовительных факультетов. Ростов н/Д: Изд-во РостГМУ, 2016. 112 с.

Нарскина С.М.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ
Научный руководитель – **Селифонова Е.Д.**
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

ПАРЕМИЙНАЯ ОБРАЗНОСТЬ РУССКИХ И КАЗАХСКИХ ПОСЛОВИЦ О РОДИНЕ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу русских и казахских пословицы о Родине. Представлена сравнительная характеристика образов Родины в мировоззрении народов. Рассматриваются образность, её виды; метафора, как ведущее средство создания образа.

Ключевые слова: пословица, паремия, образность, метафоричность, культурный концепт, концепт Родина, анималистические образы, двупланность.

Narskina S.M.

Bryansk State University named after
academician I.G. Petrvovsky, Bryansk, Russia
Scientific supervisor – **Selifonova E.D.**
Bryansk State University named after
academician I.G. Petrvovsky, Bryansk, Russia

PAREMICAL FIGURATIVENESS OF RUDDIAN AND KAZAGH PROVERBS ABOUT MOTHERLAND

Abstract. This article is devoted to the comparative analysis of Russian and Kazakh proverbs about motherland. A comparative characteristic of the figures of motherland in the worldview of peoples is presented. The article considers figurativeness, its types; metaphor as the leading method of creating a figure.

Key words: proverb, paremia, figurativeness, metaphoricalness, cultural concept, concept of motherland, animalistic figures, duplicity.

Культуры русского и казахского народов на протяжении многих столетий имели взаимное влияние друг на друга. Современный культурный облик обеих стран невозможно представить без элементов, появившихся в рамках диалога культур. Язык всегда являлся самой перцептивной областью, где изменения в мировоззрении людей находили своё отражение. Представления об окружающем мире прочнее всего закреплены в устном народном творчестве: пословицах, поговорках, сказках, обрядовых песнях. Особый интерес среди учёного сообщества вызывают *пословицы*, выступающие одновременно единицей языка и культуры. В пословицах отражены национальные модели мира, стереотипы [2, С.7].

Пословицы или *паремии* представляют собой речевые клише, близкие по образности и афористичности крылатым словам, однако, в отличие от последних, являются анонимными изречениями [1, [http](#)]. Паремиям присуща образность, понимаемая как семантическая двуплановость, созданная языковыми средствами и основанная на представлении одного предмета через другой [4, с. 49].

Согласно классификации В.В. Виноградова, пословицы не относятся к переменным сочетаниям слов, лексическая и грамматическая фиксированность позволяют формировать обобщённо-образный характер слов, из которого складывается значение. Из этого следует, что лингвистическая фиксированность создаёт семантическую неизбежность и неделимость пословиц. Образность неделимой языковой конструкции рассматривается через её *двуплановое* содержание (дословное и переносное значения).

Переносное значение формируется через образность. *Образность* – это стилистическая категория, одна из коннотативных характеристик слова, как способность слова заключать в себе конкретно-чувственный образ, зафиксированный в сознании носителя. Образность синонимична понятию *метафоричности*. Метафора в пословицах способствует появлению коннотативных значений, проявлению внутреннего мира человека. Метафора позволяет понять отношение человека к любому концепту. В свою очередь *концепт* – это мыслительный образ, стоящий за языковым знаком. Концепты

составляют семантическое пространство языка, по этому пространству можно судить о структурных знаниях в их конкретно-национальном преломлении [1, с. 5].

Образность может быть *полной* и *частичной*. При *полной* образности происходит переосмысление всего выражения, используются сложные метафорические конструкции; *частичная* образность характеризуется реализацией образа через элементарные метафорические конструкции. Полная образность представлена *реальностью* и *нереальностью* прямого значения пословиц. Образные пословицы с реальным прямым планом в отличие от пословиц с нереальным прямым планом не нуждаются в толковании переносного смысла. Частичная образность представлена тремя видами: 1) образными пословицами с метафорическим компонентом; 2) образными пословицами с метонимическим переносом; 3) образными пословицами с компонентом, выраженным сравнением [2, http].

Метафора и метонимия, в свою очередь, и создают основу образа пословицы, благодаря наглядно-чувственным элементам. Неделимость пословичных выражений даёт нам право утверждать об осознании реципиентом метафоричности всего высказывания, а не отдельных метафор, его составляющих. Иными словами сама пословица становится развёрнутой метафорой, формируя определённый образ/представление в сознании человека.

Совокупность стереотипных представлений и знаний о каком-либо феномене формируют устойчивые *культурные концепты*, выступающие базисом культуры народа [3, http]. Концепты выступают способом восприятия человеком окружающего мира. То есть слово выступает образной единицей, формирующей национальную идентичность личности.

Большинство концептов формируется в результате переосмысления социальных, политических, экономических и иных изменений жизни общества. При этом народы на протяжении веков находятся в диалоговом пространстве, что не может не отразиться на способах восприятия мира, поэтому устойчивые культурные концепты совпадают по названию, но отличаются смысловой наполненностью. Так, *концепт Родины* присущ русской и казахской культурам [3, С. 24]. Выясним, какие характерные осо-

бенности имеет данный концепт в рамках рассматриваемых культур на примере пословиц.

Несмотря на то, что русские и казахские народы на протяжении истории находятся в тесном сотрудничестве, их восприятие мира различно. Казахский народ издревле считается кочевым, они перешли к оседлой жизни лишь в середине 18 века. Основным промыслом казахов считалось скотоводство, поэтому *анималистические образы* присутствуют практически во всех жанрах народного творчества, эти же образы способствует раскрытию концепта Родина. Славянские народы совершили переход к оседлой жизни в 403 тыс. до н.э. Бесспорно, данное обстоятельство сказывается на осознании людьми своей родины, своего места в мире.

В казахской культуре с трудом можно встретить образные пословицы о родине с реальным прямым планом, которые актуализируются в фигуральном и прямом значении. Так, пословица *Отанға опасыздық еткенің, Өз түбіңе өзің жеткенің* – букв. ‘Родину предать – себя заживо закопать’ [4, http] имеет реальный прямой план и построена на причинно-следственных связях внутри языковой структуры. В русском языке есть аналоги данной пословице - *Кто отечество предаёт, тот нечистой силе свою душу продает; Кто родиной торгует, того кара не минует*. Русский инвариант пословиц со схожим коннотативным значением также имеет реальный прямой план. Таким образом, мы можем утверждать о едином представлении носителей русской и казахской культуры о предательстве родины.

Обратимся к пословичным единицам, обладающих смыслом долга родине/ гражданского долг. В казахском языке пословица *Отан үшін күрес -Ерге тиген ұлес* – букв. ‘Джигита доля – за Родину стоять’ [4, http] имеет реальный прямой план и имеет аналог в русском языке - *Где не жить — родине служить*. Пословица также имеет реальный прямой план и отличается от казахского варианта тем, что здесь отсутствует указание лица, в понимании русского человека каждый вне зависимости от своей национальности должен служить родине. Здесь на уровне семантики проявляется такая национальная особенность, как восприятие единства, неотделимости себя от народа.

Үйде оңбаган, Түзде де оңбайды - букв. ‘Если не нашел счастье дома, не обретишь и на чужбине’ [4, http] – данная пословица

ца имеет реальный прямой план и построена по принципу противопоставления (антитезы). В русском языке пословица с синонимичным коннотативным значением имеет нереальный прямой план, где под анималистичным образом птицы подразумевается человек, а под образом гнезда - дом - *Глупа та птица, которой своё гнездо не мило.*

Говоря о парадигме анималистичных образов, строит привести ряд пословиц казахской и русской культуры:

Сағынған елін аңсайды, Сарыала қаз көлін аңсайды – досл. ‘Гусь тоскует по озеру родному, человек – по Родине’ [4, http] – в данной пословице мы видим частичную образность, выраженную сравнением (гусь сравнивается с человеком). После раскрытия данного образа общий смысл пословицы становится ясным (тоска по родине). Анималистический образ гуся появляется в пословице с коннотативным значением преданности родине: *Елінен безген ер болмас, Көлінен безген қаз болмас* – букв. ‘Не видать добра гусю, покинувшему озеро родное’ [4, http]. Стоит отметить, что данная пословица несёт частичный образ с метафорическим компонентом, поскольку здесь нет прямого сравнения как в вышеуказанной пословице. Поэтому для понимания данной языковой единицы необходимо указать образно-расширенное значение: человека, покинувшего родину, ждёт беда.

Пословица *Отансыз адам – Ормансыз бұлбұл* - букв. ‘Человек без Родины, что соловей без леса’ [4, http] построена с использованием компонента двойного сравнения (человек-соловей, Родина - лес). *Жат жердің қаршығасынан Өз елінің қарғасы артық* – досл. ‘Чем чужеземный ястреб, лучше своя ворона’ [4, http] – в данной пословице также присутствует компонент двойного сравнения, где за образом ястреба – человек, а за образом вороны – казах/джигит.

Проведя анализ анималистических пословиц казахского языка, можно прийти к выводу, что большая их часть построена по принципам нереальных прямых значений, где ведущим средством выступает метафора. Использование в качестве анималистического образа птицы (гусь, ястреб, ворона, соловей) может быть объяснено тем, что птица являлась тотемным животным для людей, через её образ отражается мифологическое сознание каза-

ха-кочевника. Более того, птица в казахской культуре олицетворяет счастье и свободу.

Рассмотрим русские пословицы, обладающие синонимичным значением.

Концепт тоски по родине раскрывается в пословице *И хлеб по своей стороне скучает*. Данная пословица с реальным прямым планом и частичной образностью, поскольку за образом хлеба стоит человек. Данное метафорическое выражение можно объяснить тем, что хлеб имеет сакральный смысл и является символом христианства.

Концепт тоски по родине раскрывается в русских пословицах и через анималистичные образы (образ собаки) - *На чужбине и собака тоскует*. Союз «и» предаёт несколько отрицательную коннотацию образу. Действительно, согласно Ветхому Завету собака считается «нечистой».

Особого внимания заслуживает образ птицы в русских пословицах: *На чужой сторонушке рад своей воронушке; На чужой стороне и орел — ворона*. В приведённых пословицах образ вороны олицетворяет земляка, однако раскрывает смысл, противоположный казахской пословице о ястребе и вороне, ведь коннотация пословицы такова, что на чужой стороне даже враг кажется другом. Приведённые пословицы имеют сравнительный компонент (животное сравнивается с человеком).

Со своей стороны и собачка мила – пословица с реальным прямым планом и частичкой образностью раскрывает концепт свой-чужой, и вновь образ собаки имеет сниженную коннотативную окраску.

Проведя анализ пословиц русского языка, можно прийти к выводу о том, что анималистичные образы не совпадают с образами казахского языка. В представленных пословицах образы животных имеют отрицательное значение, что также объясняется религиозными воззрениями.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что паремии/пословицы представляют собой неделимые языковые образования, в которых находит своё отражение семантическая двуплановость. Неделимость этих конструкции, их образность отражают особенности национального самосознания народа. Концеп-

ты, выражаемые через пословичный фонд языка, обладают различной смысловой наполненностью.

Рассмотренные пословичные единицы в казахском и русском языках подчёркивают различия в осознании мира, несмотря на то, что представители данных народов издревле проживали в условиях диалога культур. Заметные различия наблюдаются через анималистические образы, отражающие мифологическое сознание народа.

Преобладание нереального плана даёт нам право утверждать о необходимости рассмотрения целостности образа, создаваемого пословичным выражением, а не составляющими его образами. Образы же отражают сознание человека, в совокупности представление и убеждений.

Список литературы

1. Никишина И.Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике. Сб.статей. Язык, сознание, коммуникация. Отв.ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. МАКС Пресс. 2002. Вып. 21.
2. Равшанова Х. Выпускная квалификационная работа на тему: Структурные особенности односоставных предложений в языке русских пословиц. Санкт-петербург? 2023.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры. 1997.
4. Ясюкевич Е.Н. Виды паремийной образности (на материале русских и английских пословиц и поговорок).

Ссылки на электронные ресурсы

[1, [http](http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1593069)] – Понятие паремия (филология). [Электронный ресурс]: Академический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1593069> (дата обращения: 23.11.2023).

[2, [http](http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/205111/1/49-53.pdf)] – Е.Н. Ясюкевич. Виды паремийной образности (на материале русских и английских пословиц и поговорок) [Электронный ресурс]: Мавознауцтва. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/205111/1/49-53.pdf> (дата обращения: 23.11.2023).

[3, [http](http://)] – Понятие «культурной константы». Пространство, время, тело, смерть. [Электронный ресурс]: Файловый архив

студентов. URL: <https://studfile.net/preview/8581712/page:2/> (дата обращения: 23.11.2023).

[4, http] – Буквальный перевод казахских пословиц на русский язык. [Электронный ресурс]: Русско-казахский словарь.

URL:

https://sozdik.kz/kk/error/?error_code=human_check_required&rand=96f26b10352a00f95cab7f9b84d91c47 (дата обращения: 23.11.2023).

Петрова Н.Е.

Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Беларусь

**ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ «РУБРИКАЦИЯ НАУЧНОГО
ТЕКСТА» НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ
ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ВУЗЕ**

Аннотация. В статье рассматривается изучение научного стиля речи в техническом вузе на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ). Особое внимание уделяется рассмотрению темы «Рубрикация научного текста». Представлены теоретические материалы, которые можно использовать в обучении студентов, а также различные типы заданий, апробированные автором на занятиях по РКИ в техническом университете. Цель статьи – представить материалы, позволяющие повысить эффективность обучения студентов негуманитарных специальностей.

Ключевые слова: технический университет, русский язык как иностранный, научный стиль речи, научный текст, рубрикация научного текста.

Petrova N.E.

Belarusian State University of Informatics
and Radioelectronics, Minsk, Republic of Belarus,

**STUDY OF THE TOPIC «SCIENTIFIC TEXT
RUBRICATION» IN RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE CLASSES AT THE UNIVERSITY**

Abstract. The article discusses the study of the scientific style of speech in a technical university in the classroom of Russian as a foreign language (RFL). Special attention is paid to the consideration of the topic «Scientific text rubrication». Theoretical materials that can be used in teaching students are presented, as

well as various types of tasks tested by the author in RFL classes at a technical university. The purpose of the article is to present materials that make it possible to improve the effectiveness of teaching students of non-humanitarian specialties.

Keywords: technical university, Russian as a foreign language, scientific style of speech, scientific text, scientific text heading.

Изучение научного стиля, научного текста в высших учебных заведениях имеет очень большое значение. Именно на занятиях по языку (родному или иностранному) студенты технических учреждений образования получают необходимые компетенции для языкового оформления собственных научных работ, подготовка которых является необходимым элементом в системе высшего образования.

Одной из важных тем, которую необходимо детально рассмотреть на занятиях со студентами, является «Рубрикация научного текста», потому что этот учебный материал существенно поможет обучающимся оформить собственные мысли не только орфографически и грамматически правильно, логично, последовательно и т.п., но и в пределах строгих норм русскоязычного академического дискурса. Как справедливо отмечается, «научная работа представляет собой подчинённое единой цели сочинение, её рубрикация тоже должна служить оптимальному раскрытию темы» [1]. Именно рубрикация «отражает логику научного исследования и потому предполагает чёткое подразделение рукописи на отдельные логически соподчинённые части» [2, с.33], каждую из которых необходимо озаглавить. В первую очередь в эффективном делении научного текста на части и наименовании каждой из них сложности возникают у студентов-иностранцев, которые, изучая русский язык недолгий период времени, должны наравне с носителями продуцировать собственные научные тексты.

На занятиях в техническом вузе для изучения рубрикации научного текста предлагаем использовать теоретический материал, представленный ниже.

Текст – это написанное, напечатанное или устное сообщение, характеризующееся смысловой и структурной завершенностью. Научный текст – это разновидность текста общелитера-

турного языка с рядом лексических, грамматических, структурных и композиционно-смысловых особенностей.

Рубрикация текста научной работы представляет собой её разделение на части, графическое отделение одной части от других, а также использование заголовков и нумерации. Рубрикация отражает логику научного исследования, поэтому особенно важно точно определять границы частей научного текста и расположить их в правильном порядке.

Композиционно-смысловую структуру научного текста можно представить следующим образом: 1) план развернутого содержания; 2) план свёрнутого содержания.

План развернутого содержания обязателен для курсовых и дипломных работ, диссертаций. Он реализуется в разбивке текста на композиционные блоки (части): введение; основная часть текста; результаты и заключение. Перечисленные части дополняются списком использованной литературы, иногда добавками и иллюстрациями. План развернутого содержания показывает, каким образом развивается логика мысли в тексте.

Введение – это часть научного текста, в которой определяется актуальность, формулируется цель, размещаются необходимые сведения об объекте и предмете исследования, основных задачах работы, методах и путях её достижения. Обратите внимание на различия между объектом и предметом научного исследования. Объект исследования – более широкое понятие, целая область научного знания. Предмет исследования – более узкое понятие, отдельная проблема или определённая сторона объекта, его особенности, которые будут исследованы в работе. Предмет должен являться частью объекта исследования. Например, объект исследования – *магнит*; предмет исследования – *свойства магнитов*; объект – *тригонометрические уравнения и их системы*; предмет – *способы отбора корней в тригонометрических уравнениях и системах*; объект – *мультимедийные технологии*; предмет – *методика использования мультимедийных технологий на лекциях в вузах*; объект – *информационные технологии*; предмет – *информационные технологии в образовании*.

Цель работы – это ответы на следующие вопросы: *зачем? для чего?* проводится исследование, какие положительные изменения произойдут (увеличится эффективность чего-либо и т.

п.) в результате исследовательской деятельности. Примеры удачно сформулированной цели: *повышение качества обслуживания клиентов на основе разработки и внедрения системы автоматизированной поддержки процессов; повышение эффективности проектной деятельности путем автоматизации процессов управления ресурсами.*

Основная часть научного текста должна быть посвящена раскрытию, доказательству, аргументации ключевых положений исследования, сформулированных во введении. В начальных разделах основной части обычно содержится информация теоретического, обзорного, аналитического характера. Следующие разделы более практико-ориентированные, в них даются анализ и обобщение полученных результатов, их объяснение, показывается практическая ценность.

Заключение (выводы) – это итоговое изложение основного содержания работы, краткий ответ о том, каким образом достигнута цель и поставлены задачи.

План свернутого содержания представлен заголовком работы (текста), аннотацией и содержанием, в котором отражены названия всех частей и разделов текста.

Заголовок научного текста преследует цель кратко, но достаточно полно отразить основное содержание научного текста и его главную идею. Заголовок работы впервые акцентирует внимание читателя на авторской концепции. У читателя должно появиться мнение о целесообразности дальнейшего детального знакомства с текстом. То, что в заголовке выражено в краткой форме, затем в тексте раскрывается в подробностях. Заголовок – это наивысший уровень обобщения содержания текста.

Вторым уровнем обобщения содержания научного текста является аннотация. В аннотации кратко излагается содержание всего текста. Она выполняет информационную функцию. Этот небольшой по объему вторичный текст (обычно аннотация состоит из 4 – 7 предложений), который предельно насыщен по содержанию. Главная цель аннотации – знакомство читателя с основными проблемами, которые рассматривает автор рассматривает в работе.

В содержании научного текста кратко представлены все важнейшие смысловые его компоненты: темы, подтемы и суб-

подтемы. Содержание служит основанием для развёртывания всей информации в тексте.

Теперь рассмотрим эффективные в обучении практические задания, которые можно использовать на занятиях по РКИ при изучении темы «Рубрикация научного текста». С первого курса иностранные студенты должны овладеть навыками составления плана. Сначала они учатся составлять вопросный план, затем номинативный и тезисный. То же касается и структуры плана: после овладения навыками составления простого плана, студенты учатся составлять сложный план.

Умение составлять сложный план востребовано на всех специальностях и уровнях высшего образования. Правильно и логично сформулированные заголовки отдельных частей плана считается залогом успеха в подготовке любой научной работы. Освоение студентами техники составления сложного плана поможет им и в реализации коммуникативных потребностей, и в учебно-профессиональной деятельности [3, с.165].

Как показывает наш опыт, в обучении составлению сложного плана эффективным оказывается использование следующей памятки: *1. Внимательно прочитайте научный текст. 2. Разделите его на основные смысловые части и озаглавьте их (пункты плана). 3. Разделите на смысловые части содержание каждого пункта и озаглавьте их (подпункты плана). 4. Проверьте, не совмещаются ли пункты и подпункты плана, полностью ли отражено в них основное содержание изучаемого материала. 5. Прочитайте текст второй раз и проверьте, все ли главные мысли отражены в плане. 6. Запишите план* [4, с. 124].

Помимо составления плана, на занятиях по РКИ в техническом вузе активно используется такой приём, как комментированное чтение, в первую очередь научных текстов, что также является эффективным средством развития необходимых компетенций продуцировать собственные научные тексты, делить их на части, использовать заголовки и т. п. Комментированное чтение научного текста, его анализ, пересказ, задания на подбор заголовков, поиск ключевых слов, восстановление текста, задания на определение лексических, морфологических и синтаксических особенностей и др. – всё это формирует необходимые навыки и умения в пределах темы «Рубрикация научного текста». Кроме

этого, разнообразная работа с научными текстами по специальности развивает речь студентов технических вузов, формирует правильное восприятие и продуцирование информации, расширяет и обогащает словарный запас иностранных обучающихся, совершенствует их профессиональную коммуникативную компетентность [5, с. 8].

Также рекомендуем использовать следующие виды заданий, которые будут не только актуальны в изучении рубрикации научного текста, но и помогут сменить репродуктивные формы работы с текстом на продуктивные:

1. Выделить основную мысль текста.
2. Определить главную и второстепенную информацию в каждом абзаце текста.
3. Найти ключевые слова в абзаце или тексте.
4. Разбить текст на абзацы.
5. Подобрать пропущенные слова (предложения), необходимые по смыслу.
6. Разместить предложения абзаца или небольшого текста в правильном порядке.
7. Определить предложения, которые являются введением текста, его основной частью, заключением.
8. Озаглавить текст или каждую его часть.
9. Найти в тексте средства связи: лексические (повторы слов, местоимения, синонимы и др.); лексико-грамматические (союзы, наречия, вводные слова и др.); грамматические (синтаксический параллелизм, порядок слов и т.п.).
10. Найти в тексте клише, характерные для научного стиля речи.
11. Соотнести смысловые части текста с пунктами плана.
12. Восстановить недостающие пункты плана.
13. Закончить текст.
14. Заменить сложные предложения простыми, двусоставные предложения на односоставные.
15. Различные задания на использование в научной речи вводных слов.
16. Передать содержание абзаца своими словами.
17. Сократить предложения или абзацы.
18. Оценить актуальность информации в тексте.

19. Выразить своё впечатление от прочитанного текста.

20. Опираясь на пункты плана, пересказать текст.

На заключительном этапе обучения рубрикации научного текста большое внимание уделяется обучению аннотированию. Также изучаются средства организации научного текста: ссылки, цитаты, нумерация, использование шрифтов и т. п. Особая роль отводится оформлению библиографического описания источников в соответствии со стандартами университета, в котором студенты проходят обучение. Предлагаются различные задания на корректность оформления списка литературы в научных работах, ссылок, цитат и т.п.

Таким образом, обучение РКИ позволяет проводить комплексную подготовку будущих специалистов к написанию собственных научных работ. Предлагаемая нами система заданий позволит иностранным студентам не только приобрести навыки продуцирования собственных научных текстов, но и избежать ошибок в оформлении курсовых и дипломных проектов, которые являются необходимыми элементами обучения в системе высшего образования.

Список литературы

1. Принципы рубрикации текста [Электронный ресурс]. URL: <https://upload.pgu.ru/iblock/19e/Method-rekomendatsii-povopolneniyu-i-zashchite-kursovykh-rabot-.pdf> (дата обращения: 16.11.2023).

2. Лопастейская Л.Г., Куракова С.А. Приемы изложения научных материалов. Рубрикация текста // Вестник науки. 2019. № 8 (17). Том 2. С. 31–34.

3. Арцыменя Д.Ф., Петрова Н.Е. Лингводидактический аспект обучения компрессии текстов по специальности на занятиях по русскому языку как иностранному в техническом вузе // Мир культуры: искусство, наука, образование: сборник научных статей. Челябинск. 2021. Вып. 10. С. 163–166.

4. Петрова Н.Е. Изучение научного стиля речи на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2021. № 1. С. 121–128.

5. Арцыменя Д.Ф., Петрова Н.Е. Аннотирование как составляющая профессионально ориентированного обучения РКИ в техническом вузе // Современные методы и технологии преподавания русского и иностранных языков в технических вузах: материалы науч.-метод. семинара с междунар. участием. Могилев: Белорус.-Рос. ун-т. 2021. С. 8–13.

Резник Н. В.

Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и дизайна,
г. Санкт-Петербург, РФ

ВЛИЯНИЕ СССР НА РУССКУЮ НАРОДНУЮ КУЛЬТУРУ

Аннотация: В статье рассмотрена причина существования псевдорусской культуры. Описано политика Советского Союза в отношении русской народных письменных и словесных произведений. Описано почему и как Советской властью переписывались сказки. А также описан механизм создания просоветских былин, частушек и плачей о советских героях. Затронута тема урбанизации и её влияние на сохранение крестьянских традиций и песнопений.

Ключевые слова: СССР, Русская народная культура, История, Народный костюм

Reznik N.V.

St. Petersburg State University of Industrial Technologies
and Design, St. Petersburg, Russia

THE INFLUENCE OF THE USSR ON RUSSIAN FOLK CULTURE

Abstract. The article considers the reason for the existence of pseudo-Russian culture. The policy of the Soviet Union in relation to Russian folk written and verbal works is described. It describes why and how fairy tales were rewritten by the Soviet government. It also describes the mechanism of creating pro-Soviet epics, ditties and lamentations about Soviet heroes. The topic of urbanization and its impact on the preservation of peasant traditions and chants is touched upon. Like the Soviet Union came up with its own "Russian" culture and a fairy tale about a pike where Ivan makes a wish "At the behest of a pike, at my will", in fact it was "at God's behest", but for

the USSR it had to be changed, because Christianity was no longer the religion of the state/

Keywords: USSR, Russian folk culture, History, Folk braid

Есть интересная особенность русской культуры. Тот, кто был на конкурсах или фестивалях эстрадных танцев или хорового пения хорошо представляет, как выглядит танцевальный коллектив с «русским народным» репертуаром. Скорее всего костюмы у всех будут выглядеть абсолютно одинаково, это будут приталенные платья с юбкой-солнце, юбка будет расписана хохломой. Или трапециевидный сарафан длиной $\frac{3}{4}$ всё так же очень далёкий от настоящего костюма. На головах будет подобие кокошника – очень высокий по сравнению с размером человека головной убор, выглядящей как плоскость с 3мя округлыми пиками, скорее полукругами, центральный из которых выше других.

Такие костюмы яркие, и почти всеми россиянами воспринимается как настоящий русский народный костюм. Но если мы обратимся к музейным экспозициям, архивным фотографиям, фольклористам, то ни юбки-солнце по колено, ни хохломы, ни даже такого вида «кокошников» мы не увидим. Костюм будет выглядеть совсем иначе. Но как же так получилось, что подлинный народный костюм, россияне могут увидеть только в музее и в архивах?

Советская власть, оказала значительное влияние на различные сферы жизни, включая культуру. Коммунизм - это идеологический и не религиозный строй. Чтобы создать новое коммунистическое общество из народной культуры нужно было убрать всё связанное с религией и предыдущим строем общества – Российской Империей. Для людей, пришедших к власти, стояла задача донести и укоренить новую идеологию в умах всего огромного населения страны. Советская власть стремилась создать новое общество на основе марксистских принципов и идеологии коммунизма. Все ресурсы, включая культуру, были направлены на достижение этой цели. Путём подавления национальных элементов, коллективизации и индустриализации страны.

В первую очередь избавлялись от церквей, и всё связанное с религией в народной культуре было либо вычеркнуто, либо изменено, как например слова сказки «По щучьему велень». Главный герой

сказки - Емеля-дурачок, вовсе не был дурачком, он покорный богу и добрый человек. «...бедный мужичок; сколько он ни трудился, сколько ни работал — все нет ничего! «Эх, — думает сам с собой, — доля моя горькая! Все дни за хозяйством убиваюсь, а того и смотри — придётся с голоду помирать ... Видно, я богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться, авось господь и смилуется». — отрывок из сказки под редакцией Афанасьева.

Отпустил мужичок шуку к деткам не по дурусти, а из милосердия присущего настоящему христианину. За это он получил благословение божье и теперь произнеся слова «По щучьему велению, по божьему благословению» он мог получить всё что ему захочется. Но в советское время сказку переписали, убрав бога, чтобы она проходила цензуру социалистического общества. Слова «по божьему благословению» заменили на уже гораздо более известные нам «по моему хотению», а предысторию о том, что он трудящийся человек убрали. Смысл сказки очень изменился со сменой слов, зато она не противоречила основам коммунистического общества [1, С. 328—330.]

Помимо изменения сказок из народной культуры были полностью вычеркнуты духовные стихи, являвшиеся большой частью народного творчества. К сожалению, данный вид народной культуры утерян из-за не угодности советской власти.

В 30-е годы советской властью был сформулирован тезис о расцвете фольклора. М. Горький на первом съезде писателей, в 1934 г., провозгласил «начало искусства слова - в фольклоре». После этого на страницах периодических изданий стали регулярно печататься фольклорные произведения и статьи, разъясняющие природу фольклора и способы его собирания. В те годы появилось большое множество не очень качественных сборников, песен, частушек, плачей и другого народного творчества [3, С. 237].

Ю.М. Соколов на первом совещании писателей и фольклористов предложил положить предел стихийности, активно вмешиваться в фольклорный процесс. Был сформулирован тезис о праве вмешательства идеологии в фольклорную культуру [3, С. 237].

И в начале 30-х годы фольклористам было сказано найти в деревнях произведения, воспевавшие счастливую советскую действительность, но достаточно скоро стало понятно, что подобных произведений сказители не создают, а потому было принято реше-

ние научить народных сказителей создавать такого рода произведения. В фольклористике возник новый тезис о возможности литературного сотрудничества собирателей и сказителей, который невозможно было представить в предреволюционной науке. Так государственная идеология стала создавать новый русский фольклор. [5]

С этого момента началась индустрия написания советских плачей, новин, частушек и сказок. Были писаны плачи о Ленине и других значимых для СССР личностях – С.М. Кирове, А.М. Горькове, Н.К. Крупской, В.П. Чкалове, А.К. Серовой, П.Д. Осипенко и тд.

Частушка – вид устной народной словесности, являющийся главным жанром крестьян и иллюстрирующим мир и взаимоотношения людей с точки зрения деревенского человека. Собиратели и исследователи частушек неоднократно подчеркивали, что это жанр традиционного фольклора, позволяющий публично обсуждать наиболее болезненное: человеческие взаимоотношения, социальные события – все, что, так или иначе, не соответствует норме, все, о чем не принято говорить открыто [8].

Русская частушка — это рефлексия русского крестьянства над событиями истории. Поэтому в СССР считалось что «Частушка — это орудие классовой борьбы». Была поставлена цель создания просоветских и проколхозных частушек, однако из придуманных в деревнях по большей части частушки были антисоветские. Это было настоящее народное творчество, только фольклористам нельзя было такое записывать. И в архиве такое не хранилось, поэтому большое количество таких частушек потеряно.

Но цель создания просоветских, проколхозных частушки успешно была выполнена. И к концу 30х годов существовали специальные курсы частушечников. В книге «Фольклор России в документах советского периода 1933-41 гг. Сборник документов» приводится ряд документов, иллюстрирующих коррекционную работу с крестьянским населением в отношении советской и антисоветской агитации. Например, учебный план «Принципы художественного и идеологического отбора словесных текстов частушек» для занятий словесников на конференции-семинаре частушечников, датируемый февралем 1935 года. В этом учебном плане представлена технология постепенного отсеивания «советских» и «антисоветских» частушек.

И тут важно заметить, что культура не искореняется, но её цензурируют и вводят в определённые рамки. В большем ко-

личестве присутствует синтезированная народной культуры. Это достигалось путём сотрудничества литераторов и сказителей, первый выступал в роли рецензента. Литератор предлагал темы, рассказывал об объекте сказа, помогал с окончательной формулировкой замысла и соответствием исторической правде, а сказитель сочинял произведение. [3, 238]

После великой отечественной войны очень многие города были стёрты с лица земли, всё было разрушено и требовало восстановления, а для этого нужны были люди. Деревня всегда была важнейшим источником пополнения рабочей силы для промышленности. В годы четвертой пятилетки в связи с гигантским размахом восстановительных работ потребность в рабочей силе резко возросла. Она в значительной мере покрывалась за счет крестьянства. В соответствие с Законом о пятилетнем плане была восстановлена система оргнабора рабочих из числа колхозников. [2]

Для того, чтобы люди переехали из деревень в города, был создан образ душевной и скучной, бесперспективной деревни. Люди стали стесняться своего происхождения из деревни, все кто мог уехать на заработки уехали из деревень. Часть сельской молодежи, подростков призывалась в училища и школы профессионально-технического обучения, ремесленные училища, школы ФЗО. В 1946 - 1950 гг. в училища и школы профтехобразования было принято 3568 тыс. учащихся, из них 2754 тыс., около 75% всех принятых, - сельская молодежь. В дальнейшем эта молодёжь пополняла ряды рабочего класса [6. С. 95-103]. В деревнях остались только старики, перестала бурлить жизнь, а вместе с умирающим старшим поколением умирала и настоящая русская культура.

Кроме того, было навязано особое отношение к песнопениям. Раньше любая женщина пела, но в период послевоенных лет было создано мнение, что поющие на улице - это пьяницы. Хотя в деревнях петь вводить хороводы было неотъемлемой частью повседневную жизнь.

Сейчас деревни действительно грустные, хотя после войны даже с учётом потерь и разрушений всё не было так тихо и безжизненно. Люди сохраняли культуру, была молодёжь знакомилась и водила хороводы и пляски, пели песни. После войны из-за гибели сильной половины общества, с которой было связано большое количество традиций, культура изменилась. Мужские песнопения,

встреча гостей с хлебом и солью были традициями только сильной половины общества. Но после войны женщины не редко пели мужские песни, ведь они хотели сохранить культуру.

Даже в XXI веке происхождение из древней является чем-то стыдным, как правило о таком не говорят, скрывают, умалчивают. Но так было не всегда, ведь до Советской власти население Российской Империи на более чем 80% состояло из крестьян, живущих в деревнях, и это не считалось чем-то постыдным, это было нормой. И это одно из влияний советского союза на русскую культуру: стыд за своё происхождение.

Традиционная русская культура, весь русский фольклор пропитаны язычеством и православием. Хотя русские традиции не уничтожались таким жестоким образом, как православие, они все же выживали, замещались и искоренялись псевдорусской культурой. В СССР не существовало фольклорных творческих коллективов, были только псевдорусские.

Помимо словесного творчества советская власть затронула и народные танцы. Создавались псевдорусские эстрадные коллективы. Один из ярких примеров ансамбль "Березка". Он всегда был узнаваем по своему фирменному плывущему шагу. Однако женщины на Руси так никогда не ходили и не танцевали – этот шаг изобретение балетмейстера этого коллектива. В Советском Союзе было немало прекрасных хореографических коллективов, но они никогда не были фольклорными, и в их репертуаре никогда не было традиционных русских танцев. [8]

Тем не менее тезис о том, что фольклор нужен народу в советском союзе очень чётко понимался и в 1972 году вышел указ о том, что все гуманитарные высшие учебные заведения должны проводить для студентов фольклорную практику.

Советская власть, оказала значительное влияние на различные сферы жизни, включая культуру. К сожалению, создавая новое коммунистическое общество советская власть прибегла к методам искоренения некоторых видов русской народной культуры. Последствиями таких действий стали потеря национальной идентичности, языкового многообразия и ограничение свободы самовыражения. Однако, несмотря на эти преграды, народная культура продолжает жить и восстанавливаться в современной России.

Список литературы

1. Афанасьева А. Н. Народные русские сказки. М.: Изд-во Наука, 1984. Т.1 С. 328-330.
2. Волков И. М. Колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы (1946 - 1950 гг.) // М.: Либмонстр Россия (LIBMONSTER.RU).: 02.12.2016. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/колхозное-крестьянство-ссср-в-первые-послевоенные-годы-1946-1950-гг> (дата обращения: 26.11.2023).
3. Гринько Е.Д., Зюзина И.А, Смолицкий В.Г., Тумашева И.В. Фольклор России в документах советского периода 1933 - 1941 гг.: Сборник документов. М.: Гос. Респ. центр русского фольклора, 1994. — 254 с.
4. Иванова Т. Г. Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (о жанровой природе песенного советского эпоса) // Мастер и народная художественная традиция русского севера: Доклады Международной конференции «Рябинские чтения - 99». Петрозаводск, 2000. С. 84-85
5. Козлова И. В. Фольклор в свете идеологического дискурса 1930-х годов (писатель Н. П. Леонтьев и народная сказательница М. Р. Голубкова). [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 74-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklor-v-svete-ideologicheskogo-diskursa-1930-h-godov-pisatel-n-p-leontiev-i-narodnaya-skazatel'nitsa-m-r-golubkova> (дата обращения: 26.11.2023).
6. Логинова Л. Ю. Труд в СССР: Статистический сборник. М.: Изд-во Финансы и статистика. 1968.
7. Полякова Е. А., Молявко А. Г. Советские самодеятельные хореографические коллективы: формирование и развитие [Электронный ресурс] // Учёные записки (АГАКИ). 2022. № 1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-samodeyatelnye-horeograficheskie-kollektiviy-formirovanie-i-razvitie> (дата обращения: 26.11.2023).
8. Эмер Ю. А. Частушка как народная рефлексия советской ценностной системы [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. Ун-та. 2008. № 313. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastushka-kak-narodnaya-refleksiya-tsennostnoy-sistemy> (дата обращения: 26.11.2023).

Савичева Е. С.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В данной статье исследуется лингвокультурологический аспект фразеологии. Подчёркивается, что использование сопоставительного метода при исследовании фразеологических единиц, входящих в состав разных языков, способствует формированию представлений о сходствах и различиях языковых картин мира. Основываясь на анализе примеров фразеологических единиц разных народов, делается вывод о том, что исследование фразеологического фонда языка помогает более полно изучить и осмыслить быт, историю, традиции и культурные особенности изучаемой страны.

Ключевые слова: культура, картина мира, язык, фразеология, фразеологизм.

Savicheva E.S.

Bryansk State University named after
academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF PHRASEOLOGY

Abstract. This article examines the linguistic and cultural aspect of phraseology. It is emphasized that the use of the comparative method in the study of phraseological units that are part of different languages contributes to the formation of ideas about the similarities and differences of linguistic worldviews. Based on the analysis of examples of phraseological units of different peoples, it is concluded that the study of the phraseological fund of the language helps to more fully study and comprehend the way

of life, history, traditions and cultural characteristics of the studied country.

Keywords: culture, worldview, language, phraseology, phraseology.

Окружающий нас мир, наша действительность воспринимаются и анализируются при помощи языка, который не просто передаёт, но и создаёт образ мира и конкретной культуры. Внутри каждого языка слова живут, наполняются культурными и ценностными смыслами, выстраивают образы, которые возникают благодаря ассоциативным связям. Так, люди, которые говорят на разных языках, по-своему воспринимают окружающий мир. Язык при этом можно считать зеркалом культуры, отражающим менталитет, быт и традиции народа. Немаловажную роль в передаче культурных ценностей и смыслов, по мнению многих учёных, играет именно фразеология, заключившая в себе национально-культурную специфику народа. В.Н. Телия отмечает, что «история фразеологического состава языка – это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоционально значимое» [7, с. 82].

По мнению М.Л. Ковшовой, «проводником в культурное пространство служит сам образ фразеологизма – он «будит» в сознании смыслы, ассоциации, установки культуры, и связь с этими культурными смыслами осуществляют компоненты фразеологических образов» [4].

Ассоциации, формируемые в сознании носителей культуры и языка, являются уникальными, потому как зависят от множества факторов, будь то быт, история, традиции страны и т.д. В.Н. Телия подчеркивает, что «культурно-национальная специфика идиом заключается в возможности интерпретирования их значения в категориях культуры. Образная мотивированность фразеологизмов напрямую связана с мировидением народонаосителя языка» [7, с. 214-215].

Лучше всего сходства и различия картин мира, отражённых в языке народов, проявляются при сопоставлении фразеологических единиц разных языков.

Так, русское выражение «как рыба в воде» означает, что человек попал в свою среду, представляющуюся ему более удобной. В китайском языке можно встретить чэньюй, имеющий схожий перевод 如鱼得水 (как рыба, попавшая в воду). Данное устойчивое выражение имеет схожий с русским вариантом смысл. Однако здесь стоит заметить, что рыба имеет большое значение в китайской культуре, а потому и данное устойчивое выражение также обретает дополнительные смыслы. Так, в Китае рыбные блюда являются неотъемлемой частью любого крупного застолья, так как иероглиф, обозначающий рыбу (鱼 - у), созвучен с иероглифом изобилия (余 - у). Потому рыба, ассоциирующаяся с достатком и благополучием, стала неотъемлемой частью множества устойчивых выражений, получивших положительную оценку. А учитывая контекст, в котором данное устойчивое выражение было использовано в классическом китайском романе «Троецарствие» («Найдя Чжугэ Ляна, я стал так же счастлив, как рыба, попавшая в воду»), данный чэньюй также изображает рыбу, вернувшуюся в свою стихию и получившую дом, а потому обозначает человека, который познал счастье и потому также используется для описания гармоничных отношений между близкими людьми.

Известный учёный В.Г. Гак в своих исследованиях выделил объективный и субъективный фактор национальной специфики ФЕ. Объективный фактор национальной специфики фразеологизмов В.Г. Гак связывал с явлениями, присущими культуре одного народа [2, с. 260].

Приведём примеры фразеологизмов, связанных с историческим наследием страны. Так, для того, чтобы сказать, что что-то является мнимым и показным, в русском и китайском языках используются разные устойчивые выражения, связанные с историей и культурными особенностями стран. В Китае говорят: «叶公好龙» (Е Гун любит драконов). Данный чэньюй основан на древней легенде, повествующей о князе, который рассказывал о

своём увлечении драконами, изображал их на чайниках, одежде и стенах, но при встрече с настоящим, испытал не благоговение, а испуг. В русском языке аналогом чего-то показного и мнимого можно считать «потёмкинские деревни». Данный фразеологизм связан с именем князя Г.А. Потёмкина, который при посещении Екатериной II Крыма приказал построить показательные селения с красивыми избами.

Субъективный фактор заключается в том, что слова, отражающие одни и те же явления действительности, имеют разные интерпретации во фразеологии разных языков. В русском языке лошадь ассоциируется с трудолюбием и усердием («конь не пахарь, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник»), «конь живой и конь стальной – помощники в работе», «не в том сила, что кобыла сива, а в том, чтобы воду возила»), в китайском же языке старая лошадь также является символом мудрости и опыта (老马识途 – «старая лошадь знает дорогу», 老骥伏枥, 志在千里 – старый конь лежит в стойле, а мысли его простираются на тысячу ли (стар, но полон высоких помыслов и стремлений)).

А.Г. Назарян также отмечает, что «национальное своеобразие фразеологии проявляется в структурно-грамматических, лексических, стилистических, фонетических и семантических особенностях фразеологических единиц, при этом наиболее показательными являются различия именно на уровне семантики» [5, с. 34]. Данное утверждение показывает, что представители одной культуры при описании и познании мира могут уделить какому-то фрагменту действительности намного больше внимания, чем представители другой, а потому вариативными будут являться и образы, отражающие отношение народа к миру.

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский считают, что такие несовпадения фразеологических систем являются не влиянием национальной картины мира, а языковыми случайностями. Лингвисты отмечают, что «большинство идиом, как и других образно-метафорических единиц лексикона, относительно редко обладают абсолютными эквивалентами в других языках, что объясняется не столько их национально-культурным своеобразием, сколько несовпадением техники номинации» [1, с.252].

Существует и другая позиция, согласно которой различие фразеологических систем связано с различной интерпретаци-

ей мира, обусловленной национально-культурным влиянием. Об этом факте свидетельствует наличие мотивированных лакун во фразеологии. Данные лакуны являются национально-специфическими элементами культуры, зависящими от экстралингвистических факторов. Мотивированным, в данном случае, будет считаться отсутствие фразеологизмов, отражающих исторические события, культуру, быт или особенности религии конкретного народа, в составе других языков. Например, рус. «отложить в долгий ящик», «филькина грамота»; кит. 精卫填海 (Цзинвэй засыпает море), 环肥燕瘦 (Хуань – полная, Янь – худая); англ. pull someone's leg, pay through the nose.

По мнению В.Н. Телия, «фразеологизмы способны выступать в роли экспонентов культурных знаков, не только синхронно включаясь в действующую систему культурно-национального миропонимания, но и транслируя ее фрагменты из поколения в поколение, участвуя тем самым в формировании миропонимания, как отдельной языковой личности, так и языкового коллектива» [6, с.310].

Стоит отметить, что изучение фразеологического фонда языка занимает важное место в системе лингвокультурологических исследований. Фразеологические единицы, входящие в состав разных языков, являются уникальными хранилищами, способными передавать информацию об особенностях быта, традиций, культуры и истории народа.

Таким образом, сопоставление фразеологических фондов языков позволит выявить и проанализировать сходства и различия языковых картин мира, сформировавшихся в результате долгого культурно-исторического процесса развития страны.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Гак В.Г. Меронимические фразеологизмы // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 260–265.
3. И Биньюн. 100 китайских идиом и устойчивых выражений. Книга для чтения на китайском языке. М.: КАРО, 2017. 208 с.

4. Ковшова М.Л. О репрезентации культурных смыслов во фразеологии // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. М., 2007. С. 224–232.

5. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа. 1987. С. 287.

6. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к пониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302–314.

7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЛИЧНЫХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПРОЗЕ ГЕОРГИЯ МАРЧУКА

Аннотация. Цель работы – систематизация структуры антропонимического пространства художественных произведений брестского писателя Георгия Марчука с учетом исторических традиций белорусского именослова, выявление прагматической значимости личных имён собственных как социально заданного и национально специфического средства регулирования межличностных отношений. В статье анализируется диапазон смысловых и формальных вариаций собственных личных имен, которые являются существенным элементом идейно-тематического содержания художественного текста и важным средством номинации, характеристики и оценки персонажей литературных произведений Г. Марчука. Особое внимание уделяется выявлению роли контекста в раскрытии семантического и эмоционально-экспрессивного потенциала поэтонимов. Показано, что онимы в рассмотренных произведениях играют важную роль: создают портреты героев, выражают их взаимоотношения, передают национальный колорит, отражают менталитет белорусского народа, его культурно-исторические корни. Основным методом исследования является описательный. В работе впервые осуществлено комплексное лингвопрагматическое описание антропонимикона прозы современного брестского писателя. Материал исследования может быть использован при разработке и преподавании в вузах курсов лингвистического анализа художественного текста, стилистики, ономастики.

Ключевые слова: оним, поэтоним, антропоним, личное имя собственное, эмоционально-оценочная форма имени.

Sviridovich K.V.
Brest State University named
after A.S. Pushkin, Brest, Belarus

PRAGMATIC SIGNIFICANCE PERSONAL PROPER NAMES IN THE PROSE OF GEORGE MARCHUK

Abstract. The aim of the work is to systematize the structure of the anthroponymic space of the artistic works of the Brest writer Georgy Marchuk, taking into account the historical traditions of the Belarusian nameologist, to identify the pragmatic significance of personal proper names as a socially defined and nationally specific means of regulating interpersonal relations. The article analyzes the range of semantic and formal variations of proper personal names, which are an essential element of the ideological and thematic content of a literary text and an important means of nominating, characterizing and evaluating the characters of G. Marchuk's literary works. Special attention is paid to identifying the role of context in revealing the semantic and emotional-expressive potential of poetonyms. It is shown that onyms in the considered works play an important role: they create portraits of heroes, express their relationships, convey national flavor, reflect the mentality of the Belarusian people, its cultural and historical roots. The main method of research is descriptive. For the first time, a comprehensive linguopragmatic description of the anthroponymicon of the prose of a modern Brest writer is carried out in the work. The research material can be used in the development and teaching of courses in linguistic analysis of literary text, stylistics, and onomastics at universities.

Keywords: onym, poetonym, anthroponym, personal proper name, emotional and evaluative form of the name.

Давид-Городок, Горынь, столинские деревни и городки с их неповторимыми названиями и людом стали источником вдохновения для Георгия Марчука. С малой родиной писателя объединяет не только то, что здесь живут родственники, что здесь могилы предков, но и окружение, люди, которые сформировали человеческий и художественный мир прозаика. Г. Марчук пишет историю Полесья, в

большинстве персонажей его произведений можно узнать земляков писателя – людей с богатым духовным миром и мечтой о спокойной жизни на своей земле. Создавая образы полешуков, автор умело использует образно-изобразительные возможности имен собственных, которые являются ценным памятником материальной и духовной культуры славян.

Актуальность представленной работы определяется повышенным вниманием лингвистов к изучению онимов в аспекте связи языка и культуры, в том числе этнических традиций именослова. Онимы являются компонентами лексико-грамматической системы языка, но образуют в ней автономную подсистему, сохраняют историко-лингвистическую, социальную и культурологическую информацию. В работах по ономастике все большее внимание стали уделять лингвопрагматическому аспекту. Изучение ономастикона с целью выявления как лингвистической, так и экстралингвистической информации свидетельствует об актуальности исследования.

Новизна исследования в том, что в работе впервые антропонимикон прозы брестского автора рассматривается с привлечением лингвистических, социально-культурных и исторических фактов.

Цель работы – систематизировать структуру именослова художественных произведений с учетом исторических традиций белорусского ономастикона XX века, выявить прагматическую значимость личных имён собственных как яркого показателя статуса личности в социуме и действенного регулятора взаимоотношений между людьми.

Как известно, любое художественное произведение представляет читателю картину человеческой жизни и людских взаимоотношений. Поэтому главное место в ономастическом пространстве художественного полотна принадлежит антропонимам. Именно на них приходится наибольшая смысловая и эмоциональная нагрузка в произведении. Анализ собственных личных имен, выделенных из отмеченных произведений брестского автора, показал, что Г. Марчук реалистично подошёл к подбору именований своих героев. Антропонимы, использованные в его произведениях, принадлежат национальной белорусской именословной системе. Именослов проанализированных произведений на 98% представлен

заимствованными именами, вошедшими в отечественную антропонию с принятием христианства. Так, из греческого языка (51% от употребленных имен) были заимствованы имена *Александр, Алексей, Анастасия, Мифодий, Тимофей, Евфимий, Карп, Петр, Евлампий, Леонид, Анатолий, Василий, Трифон, Эдуард, Халимон, Герасим, Зося, Зинаида, Лариса, Евгений, Евгения, Татьяна, Елена, Мирон, Денис, Анисим, Степан, Андрей, Лидия, Екатерина, Кристина, Галина* и др., из латинского (около 12 %) – *Клавдия, Валентин, Валентина, Виктор, Сергей* и др. Из древнееврейского (около 26 %) в белорусский именованослов вошли имена *Иван, Янина, Мария, Иосиф, Михаил, Михалина, Гаврила, Семен, Адам, Илья, Яков, Елизавета, Данила, Фома, Соломон, Анна* и др. Отмечаются имена славянского происхождения (2%): *Владимир, Глеб, Вячеслав, Светлана, Людмила, Станислав* и др. Группа имен, заимствованных из других языков, составляет 9 % от общего числа имен. Например, из древнеперсидского языка через греческий пришло имя *Дарья*, из древнескандинавского – *Олег, Ольга*, из египетского – *Сидор*, из шумерского – *Нина*.

Все зафиксированные в произведениях Г. Марчука антропонимы можно разделить на две группы. Во-первых, это имена, фамилии, псевдонимы реальных лиц, во-вторых, это имена, прозвища, фамилии героев, созданных фантазией писателя.

Фамилии, имена, псевдонимы политических деятелей, писателей, мыслителей используются как средство социальной типизации. В прозе Г. Марчука воссоздаются события, происходящие в полесских деревнях и местечках в послевоенные десятилетия. Средством отражения исторического колорита являются имена и фамилии руководителей советского государства *Владимира Ильича Ленина* и *Сталина*, первого космонавта в мире *Юрия Гагарина*, писателей *Евгения Евтушенко, Якуба Коласа, Михаила Лынькова, Янки Мавра*, шахматистов *Алехина* и *Капабланки*, режиссеров *Бондарчука* и *Герасимова*. Реальные деятели прошлого – это исторический «контекст» художественного полотна, живая среда, наиболее выразительный и правдивый фон действия.

Влияют на мировоззрение и на творчество писателя близкие, родные люди, идущие по жизни рядом с ним. Имена родных (матери *Мари*, бабушки *Наст*, прабабушки *Татьяны*)

упоминаются в романе Г. Марчука «Цветы провинции». Многие исследователи ономастической лексики характеризуют собственное имя как «гипертрофированно номинативную» (А.А. Реформатский), лишенную значения (семантики) (М. И. Толстой) языковую единицу, содержащую информацию о национальной принадлежности и социальном статусе личности. Применение имени на страницах художественного произведения модифицирует как содержательную природу, так и функции онимов. Литературные собственные имена (поэтонимы) не только социально и национально характеристические, но и наполненные смыслом и конотационно насыщенные языковые единицы. Внутренняя форма имен может содержать важную информацию о литературном персонаже. Разумеется, не каждый читатель задумывается над этимологией имени героя. Между тем, этимологическая семантика антропонимов позволяет раскрыть важные грани художественного образа.

Имя матери главного героя романа «Цветы провинции» **Мария** происходит от еврейского языка и означает «спасительная, прекрасная» [1, с. 58]. **Мария** – имя Божией Матери, преподобной **Марии** Египетской, **Марии** Магдалины. Семантика заряженного положительной энергией имени соответствует характеру героини. Чистым, Божьим человеком является мать главного героя романа: «У твоей матери ангельское сердце» [4, с. 234]. Описание внутреннего мира и трагической судьбы героини наполняет имя положительной экспрессией. Так, **Мария** почитает родителей, отказывается, исполняя волю матери, от любимого парня. Женщина очень любит сына. Героиня уступает выгодное место работы девушке-сироте, переживает, что покупка сруба из-за стечения неблагоприятных обстоятельств приносит несчастье другим людям. Такому честному человеку с обостренным чувством ответственности и вины за свои поступки трудно жить на этом свете. Возможно, горький личный опыт Г. Марчука (мать писателя **Мария** покончила жизнь самоубийством) явился причиной того, что женские персонажи с трагической судьбой носят в произведениях автора имя **Мария**. Это **Маня** Летун из романа «Крик на хуторе», которая, жертвуя жизнью, спасает честь молоденькой сестры. Это и **Мария** Журавлева из романа

«Савва Дым и его женщины», которая не может жить в атмосфере обмана и предательства и поэтому делает попытку покончить жизнь самоубийством.

Имя бабушки главного героя произведения **Настя** (**Настасья**) происходит от греческих слов ‘*возрожденная, воскресшая*’ [1, с. 55]. По нашему мнению, этимологическое значение имени является своеобразной гранью в характеристике героини произведения. Баба **Настя** вырастила, воспитала, помогла встать на ноги сироте-внуку. Юноша уверен, что бабушка останется жить в душах близких людей даже после смерти. Внутренняя форма имени актуализируется в речи внука на похоронах бабушки: *«И если есть бессмертные души на Земле, если это правда, то попрошу Бога, чтобы он отдал душу моей бабушки сыну»* [4, с. 213].

Значение греческой основы имени прабабушки Г. Марчука **Татьяны** – ‘*основательница, создательница*’ [1, с. 392]. Именно **Татьяна** является *основательницей* рода Марчуков на земле: *«Это она привезла из Пинска приказчика Михайло, она своим умом и расторопностью поставила его на ноги <...>. Никто лучше ее не пек хлеб, борщ не варил. Подрезали ей земли. Опять на ноги стала. От нее, от **Татьяны**, все мы, святые и грешные»* [4, с. 274].

Благодаря гибкости, пластичности, личное имя в нашем языке приобретает статус своеобразного свидетельства национальности, возраста, вероисповедания личности. Варианты имени являются показателями значимости, авторитета, веса человека в обществе. Видоизменения онимов передают тонкие нюансы человеческих отношений. Г. Марчук умело использует в своих произведениях прагматический потенциал антропонимов и их многочисленных форм. В произведениях писателя находим богатую россыпь морфологических, лексических и фонетических вариантов имен, напр.: **Мария – Маня – Манечка, Лариса – Лора, Трифон – Тифан, Иван – Иванко – Янка – Янек, Иосиф – Юзеф, Адам – Адашь – Адастик, Даша – Дашечка**.

Герои художественных полотен Г. Марчука – жители Давид-Городка, Столина, полесских деревень и местечек. Поэтому естественно и органично вплетаются в языковую ткань произведений формы имен, носителей коннотации диалектности,

передающих оканье (*Олена, Юрко, Михалко, Иванко*), замену звука [ф] звуком [п] (*Просья*), звуком [х] (*Халимон*), наличие приставного [г] (*Гэля*).

Имя издавна служило свидетельством статуса человека в обществе. Так, до объединения Западной Беларуси с Советским Союзом формой обращения к собеседнику и средством выражения уважения к представителям шляхты (даже к тем, которые не имели ни богатства, ни высоких должностей и ничем не отличались от обычных крестьян) были сочетания имен с показателями социального рангования. Эта традиция сохранялась и в советское время. Информацию о применении традиционных форм обращения к шляхтичам дает диалог персонажей романа Г. Марчука «Без ангелов»: «*Что вас здесь в сороковом не раскулачивали? Пан Стась, пан Одолик, пан Винцусь ... одни паньы*» – «*У нас такой обычай: что шляхтук, то и пан, а шляхта на своем огороде равна воеводе. Это сейчас оружие позабিরали, а раньше мой отец, дед навоз будут из сарая на воз бросать, а при сабле на боку, как положено ... на сеймики в Гродно ездили ... тогда людей уважали*» [2, с. 60]. Находим такие формы именования и в романе «Цветы провинции»: «*Соседка передала, что пани Зося все еще в магазине*» [4, с. 232]. Правда, в советские времена такие формы именования вытеснялись с обихода другими этикетными формулами.

В народной среде средством выражения уважения младшего к старшему, к почитаемому человеку остались вокативы дядя, тетя, дед, баба в сочетании с личным именем: «*Баба Лисавета, а можете вспомнить три самых счастливых дня в вашей жизни?*» [4, с. 227]; «*Я тебя, сыночек, ищу. Дед Евхим хочет тебя видеть. Пойдем к нам*» [4, с. 46].

Формы именования **отец, батюшка** в сочетании с именем употребляют верующие, считающиеся духовными детьми священника: «*На подводе везли в самом конце траурной колонны сосредоточенного отца Мефодия*» [4, с. 14].

В произведениях писателя использованы стилистические возможности личных имен с их обилием официальных и неофициальных эмоционально окрашенных вариантов. Этими вариантами онимов писатели передают тончайшие оттенки взаимоотношений героев. Использование каждой формы имени

обусловлено прагматическим контекстом. Такой контекст определяется социальным статусом носителя имени, а также характером и тональностью отношений героя с людьми.

Показателем уважения к человеку, а также свидетельством официальности взаимоотношений является употребление полной формы имени: *«Странно, сколько себя помнит Савва, он не слышал, чтобы его однокласснику называл кто иначе, как Галина. Возможно, это шло от ее совсем не детской серьезности, вдумчивого отношения к учебе, ее доброте и скромности»* [3, с. 14].

Именованье по имени в сочетании с отчеством в неофициальной обстановке подчеркивает исключительность человека, его неординарность, признанную людьми, уважение к нему: *«Глеб Иванович расписывал в церквях алтари, писал иконы святых мучеников ... Он был единственный художник на городок и знал себе цену, хотя и никогда своим талантом не хвастался... Когда выпадало Глебу Ивановичу украшать где-нибудь в деревне старую церковь, соглашался с большой охотой и за небольшие деньги»* [4, с. 91]. Персонаж Г. Марчука – не только талантливый, но и добрый, отзывчивый, чуткий человек. С сочувствием и вниманием он относится к сироте Адасю, к старым деду Тимоху и бабе Насте, к вдове Сороке, которая из-за бедности вынуждена воровать дрова у соседей.

Диапазон чувств, выражаемых с помощью эмоционально-оценочных форм имен, очень широк. Это нежность, дружеская фамильярность, насмешка, ирония, сочувствие. Образуются формы субъективной оценки с помощью суффиксов -к-, -аньк-, -усь-, -цусь-, -очк-, -ук-, -юк-, -чук- и др. Восприятие экспрессивной окраски формы имени зависит от возраста, поведения носителя имени, авторского отношения к герою. Например, формами *Лисонька, Лиска* выражается симпатия к пожилой женщине: *«Лизавета, дед на нее говорил Лисонька, была моложе моей бабушки. Если у Насти на лице было тридцать три морщины, у Лиски – на одну больше, если Настя знала сто пословиц, Лиска – сто одну»* [4, с. 45].

Оттенок насмешки, фамильярности имеет форма имени *Костик*, которой назван герой новеллы «Ночная рыбалка». Это хоть и нерасторопный в карьере, но добродушный, безобидный,

немолодой уже человек: *«Константину Ивановичу Пузану до пенсии остались считанные годы, но до сих пор местечко не переучится, чтобы не звать его как-то иначе. Как прицепилась к Пузану с детства этот детско-забавное **Костик**, так и не смог он с годами выкорчевать или видоизменить его. И дети, и старики звали **Костиком**. Смирился, привык, не злился ни на кого за такое панибратство, даже не кривился. Жена, правда, всю его короткую семейную жизнь ворчала: “И что это ты как местечковый дурак. С малюзгой водишься, в футбол, в лапту играешь. Голова поседела, а тебя все **Костик** да **Костик**”. Ничего он ей не отвечал»* [4, с. 101].

Важную информацию о характере человеческих взаимоотношений несет и факт сознательного неиспользования собственного имени. Это указывает на то, что носитель имени не имеет для другого человека особой ценности, значимости. Так, герой романа «Савва Дым и его любовницы», вспоминая некогда любимую женщину, отмечает: *“Я от нее, поверишь, ни разу не услышал своё имя. Ей-богу, никогда не сказала: “Ваня, я тебя люблю” или “Ваня, Поцелуй меня”. За два года имя свое от нее не услышал»* [3, с. 107]. Очевидно, женщина, которая избегает употреблять имя мужчины, не переживает по отношению к нему искренних и глубоких чувств.

Последовательное употребление различных форм личного имени выполняет в художественном произведении функцию передачи динамики образа. Так, в новелле Г. Марчука «Евдоха Шабуня» находим строки: *«Тётя Евдокия поседела и сделалась бабой Евдохой»* [2, с. 103]. Изменение форм именованного персонажа свидетельствует о взрослении героини, которая подходит к концу своего жизненного пути, перенося тяжелые испытания: потеряла мужа, похоронила трагически умершую лучшую подругу.

Таким образом, широкий диапазон вариантов собственных личных имен является средством создания национального и регионального колорита, инструментом передачи тонких оттенков эмоций и чувств персонажей, способом выражения характера и тональности людских взаимоотношений.

Список литературы

1. Барыс С. Як у нас клічуць?: Беларускія імёны. Мінск: Медысонт, 2010. 124 с.
2. Марчук Г. Без ангелов: роман, расказы. Мінск: Худ. лит., 1993. 256 с.
3. Марчук Г. Савва Дым и его любовницы: роман. Мінск: Худ.лит., 1990. 381 с.
4. Марчук Г. Цветы провинции: роман, новеллы , афоризмы. Мінск: Худ. лит., 2004. 416 с.

Семенова С.А.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА МОСКВЫ
В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

Аннотация. В данной статье анализируются топонимы, употребленные в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В аспекте значимости лингвистической топонимики отмечаются ключевые лексические и грамматические инструменты, применяемые писателем для изображения Москвы. Особый интерес представляют топоним Патриаршие пруды и связанные с ним исторические факты. Рассматриваются спорные аспекты топонимической достоверности романа. Подчеркивается значимость глубокого анализа использования топонимов в творчестве М.А. Булгакова.

Ключевые слова: топоним, Москва, М. А. Булгаков, роман «Мастер и Маргарита», Патриаршие пруды, Чертолье.

Semenova S.A.

Bryansk State University named after
academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

**LEXICAL AND GRAMMATICAL MEANS
OF REPRESENTING THE IMAGE OF MOSCOW
IN THE NOVEL BY M.A. BULGAKOV
«THE MASTER AND MARGARITA»**

Abstract. This article analyzes the toponyms used in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». In the aspect of the importance of linguistic toponymy, the key lexical and grammatical tools used by the writer to depict Moscow are noted. Of particular interest are the toponym Patriarchal Ponds and related his-

torical facts. The controversial aspects of the toponymic authenticity of the novel are considered. The importance of an in-depth analysis of the use of toponyms in the works of M.A. Bulgakov is emphasized.

Keywords: toponym, Moscow, M.A. Bulgakov, novel «The Master and Margarita», Patriarch's Ponds, Chertolye.

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» является одним из самых значимых произведений в русской литературе XX века. В своем произведении писатель создает многообразный, уникальный и сложный образ Москвы, который появляется перед читателями как живой организм, насыщенный атмосферой мистики и реальности. Поэтому главной целью работы является анализ отдельных московских топонимов, точнее, обозначаемых ими объектов с позиций истории и лингвострановедческого подхода.

В начале двадцатого века топонимика, наука о названиях мест, утвердила свое положение среди лингвистических и смежных дисциплин, включая лингвострановедение. Фокус этой области знаний направлен на изучение культурной семантики языковых символов, что, по сути, является анализом культуры и истории сквозь призму языковых элементов. Процесс долгого развития национальной культуры находит свое отражение в семантике топонимов, которые, как отмечает В.В. Молчановский (1984), «характеризуются высокой страноведческой репрезентативностью и обилием культурно-исторических ассоциаций» [7].

Многочисленные филологические работы о романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» выполнены преимущественно в литературоведческом ключе. Языковой стороне романа уделялось гораздо меньше внимания. Как правило, лингвистические изыскания находят свое место лишь в отдельных замечаниях, зачастую весьма интересных и глубоких. Поэтому взглянуть на роман со стороны лингвистической топонимики, а именно проанализировать лексико-грамматические средства, которые использовал автор для репрезентации Москвы, достаточно интересно. Таким образом, тема данного исследования в этом плане, несомненно, актуальна.

М.А. Булгаков использует разнообразные лексико-грамматические средства для репрезентации столицы: *от де-*

тальных описаний до символов и метафор. Он привносит в текст элементы фантастики, что добавляет особую «изюминку» в образ города. С помощью такого подхода автор не только создает уникальную картину Москвы 1930-х годов, но и выражает свое отношение к тому времени – периоду бурных социальных перемен и тоталитарного режима.

Примером служит использование конкретных топонимов – названий улиц, зданий и площадей: «Патриаршие пруды», «Садовое кольцо», «Грибоедов». Это придаёт тексту аутентичность и делает изображение Москвы более точным. К элементам фантастики можно отнести взлетающий дом №50 на Большой Садовой или персонажа Воланда как символа сверхъестественного начала в московском облике.

Особое внимание следует уделить использованию автором художественной детали в описании московских зданий и интерьеров. С его помощью он передает не только видимые свойства объектов, но и переводит читателей в определенную эпоху, воссоздавая атмосферу того времени.

Лексика, используемая М.А. Булгаковым для описания Москвы, отражает конкретные аспекты жизни города, его атмосферу и динамику. С помощью *красочных эпитетов, метафор и сравнений* автор создает живую картину мегаполиса, наполненную мелькающими наблюдениями за повседневной жизнью. Писатель активно применяет *коннотативные слова*, передавая атмосферу города: его шум, толпы людей, разнообразие архитектуры.

Особый интерес представляют *местоимения и адъективы*, используемые в описании Москвы: они не только дают возможность читателю увидеть город глазами персонажей, но и раскрывают его символическую природу. Так, например, повторяющиеся определения «белая» или «загадочная» подчеркивают связь Москвы с высшими силами и мистическими событиями романа.

Грамматические структуры также способствуют созданию образа Москвы. Например, использование времён прошедшего времени и несовершенного вида глагола позволяет автору перевести читателя в прошлое и подчеркнуть беспрестанность происходящих событий. *Анафоры и параллелизмы* служат для создания ритма и акцентирования важности определённых деталей. Использование *повествовательных форм настоящего вре-*

мени помогает передать непостоянство и быстротечность происходящего в городе.

Приведём конкретные примеры использования лексико-грамматических средств репрезентации Москвы. За основу возьмём особое место в географии романа «Мастер и Маргарита» – *Патриаршие пруды*.

Данный топоним образован словосочетанием, состоящим из имени существительного в форме множественного числа именительного падежа и прилагательного во множественном числе. Прилагательное согласуется с существительным.

Роман «Мастер и Маргарита» начинается именно на *Патриарших прудах*. М.А. Булгаков намеренно делает акцент на начале повествования, указывая, что к тому времени уже не существовало такого множественного названия, как Патриаршие Пруды, и не осталось ничего от патриархальности.

Соответствующие переименования произошли в 1925 году во время антирелигиозной кампании, когда Пионерский пруд вместе с Патриаршими переулками и улицами, которые названы в честь церквей на них, получил новое название.

Вступительная сцена, где Михаил Берлиоз и Иван Бездомный встречаются Воланда, происходит именно на Патриарших. И действительно, сложно найти другое место в Москве, которое было бы более связано со злыми духами, чем это патриархальное жилище.

В эпоху давности, когда Москва ещё не обрела своего современного имени, место это было священным для древнего языческого культа, где они проводили свои жертвоприношения. В особых случаях, когда торжественность требовала, голова жертвы подвергалась обезглавливанию. Именно поэтому смерть Берлиоза была настолько необычной.

В средневековье данная территория была известна как козлиные болота. Но причина такого названия не была связана с козлами, а скорее со зловещими интригами, которые злые духи учинили местным жителям. В те времена пастухи, которые держали своих животных на этих землях, замечали, что время от времени в их стадах внезапно появлялся чёрный козёл. Некоторые считали его воплощением дьявола, другие – нерождённым потомком сатаны. Неизбежно, когда этот козёл проникал во дво-

ры людей, наступала смерть, а когда он попадал в стадо коз, молоко исчезало. Однако было известно, что единственный способ отпугнуть козла – это обернуться крестом.

Также среди болот, где пастухи водили коз, протекал мрачный ручей под названием *Чертори*. Это слово не изменяется и всегда действует как приложение в предложении. Ручей Чертори бежал вдоль стен Белого города, который известен сегодня как Бульварное кольцо, и впадал в реку Москва близ Чертольских ворот.

Загадочное название *Чертольские ворота* образовано сочетанием двух множественных форм – прилагательного и существительного. Это объединение происходит от существительных в словосочетании «чертям раздолье», сформированных методом сложения и происходящих от наименования «ручей Черторый» (Чертори).

Великий патриарх Иоаким, который официально вступил в свою должность 26 июля 1674 года, впервые встряхнул тамошний злой дух. Он ушел из военной службы в 1655 году, став монахом, но сохранил военные привычки. Поэтому, борясь с демонами и кикиморами, патриарх применил военные методы.

В 1683 году он наметил план осушения болот, известных как козлиные, путем создания трех прудов. Что касается знаменитого ручья ЧУР-Ториского, патриарх посчитал нужным его засыпать. Несмотря на то, что болота были успешно осушены, ручей продолжил свое существование.

В 1832 году была предпринята попытка уничтожить ручей Чёторы, в ходе которой два из трёх Патриарших прудов были иссушены. Однако, несмотря на все усилия, ручей продолжает течь и сегодня. В своих работах Л.М. Сорокина акцентирует внимание на том, как в географии её романа прослеживается священное противостояние света и тьмы, представленное в виде Патриарших прудов и Чертоля – священное место сталкивается с названием оврага, который был «вырыт чёртом» [9, с. 9-10].

К интригующим деталям относится и то, что иногда по аллеям вокруг пруда можно заметить двух необычных мужчин: один из них – толстяк с гигантской бородавкой, а второй – в длинном кожаном плаще, с козлиной бородой и в огромной шляпе.

Удивительно, что, несмотря на развитие технологий, изображения некоторых людей не фиксируются ни на пленке, ни на

цифровых устройствах. Есть предположения, что это фигуры двух человек, предположительно членов группы гипнозеров, активно действовавших в период 1925-1935 годов. Один из них был известен под именем Биндер, второй – Орлеан. Они впервые были замечены в мебельном магазине, где работал продавец. Вслед за событиями того дня, около 16:00, оба посетителя появились в магазине № 4 треста «Мосмебель», расположенном в Москве. Они подошли к продавцу с просьбой приобрести два шкафа. Продавец, на тот момент известный как Студеницер, пояснил Биндеру и Орлеану, что желаемые ими шкафы можно приобрести по розничной цене в 179 рублей, но предварительная запись является обязательной. Положение было введено на заре 34-го года, начиная с первого дня января, с целью борьбы с недобросовестными гражданами, которые создают толпы в мебельных магазинах. Взглянув назад, студент шёпотом ответил на что-то, сказанное Орлеаном. После этого мгновения, обернувшись настороженно, они все втроем перешли в заднюю комнату. Здесь Биндер и Орлеан каждый передали Студеницеру по сорок рублей, состоящих из десятирублевых банкнот. Когда Студеницер, приняв взятку и передав деньги Биндеру и Орлеану, покинул заднюю комнату, его остановили представители Рабочей и Крестьянской полиции. В ответ на вопрос о содержимом его карманов Студеницер, будучи окружённым свидетелями, заявил, что в его владении восемь золотых монет, полученных как оплата за окраску и упаковку мебели. Он имеет право на шестнадцать рублей из этой суммы, в то время как сорок рублей предназначены для Мездрикова, управляющего магазином. Оставшиеся двадцать четыре рубля идут на оплату труда грузчиков, красильщиков и упаковщиков. Однако, когда Студеницер был вынужден предъявить содержимое своих карманов, вместо заявленного золота там нашлись восемь мекток с номером 10, произведенных компанией Росглавино.

Прежде чем стать начальником четвертого мебельного магазина, Мездрикова, так же как и бывшего продавца Студеницера, увезли на полицейскую станцию. Полицейская машина прибыла за ними через полчаса после их ареста.

В связи с их задержанием весь отдел был расформирован 14 мая 1934 года, но был обнаружен не в квартире №50, а в жилом помещении №13 по адресу Большая Садовая, дом 10.

События этого дня были описаны в газете «Известия», а затем они нашли отражение в романе М.А. Булгакова, где появилось упоминание о червонцах.

Возле входа находился киоск, где продавались безалкогольные напитки. Это место выбрали Бездомный и Берлиоз, когда они оказались на площади возле Патриарших прудов. Однако липовая аллея, которую помнили М.А. Булгаков и его персонажи, сильно изменилась.

После реставрации в 2003 году *Патриарший пруд* обрел новый облик: дорожки были вымощены, а старые деревья заменены на новые. Это позволило воссоздать атмосферу 1929 года, которую можно было бы представить, просмотрев архивы или используя силу воображения. Интересно, что выражение «липовая аллея» можно толковать как метафору для обозначения подделки. Само выражение включает в себя прилагательное и существительное, оба в единственном числе и именительном падеже. При этом, прилагательное гармонично сочетается с существительным. Также стоит отметить, что данное выражение может использоваться с предлогом «под».

Трамваи, которые в романе «Мастер и Маргарита» курсировали от Малой Бронной к Ермолаевскому переулку, и в «Великом канцлере» путешествовали от Садовой к Малой Бронной, на самом деле были плодом фантазии М.А. Булгакова. Ни на Малой Бронной, ни на Ермолаевском переулке трамваи не ездили.

Топоним *Малая Бронная* состоит из двух женских прилагательных в именительном падеже единственного числа. Суффиксальный метод использовался для образования части топонима «Бронная» от слова «броня». «Малая» была добавлена в название из-за её короткой длины – длина улицы составляет меньше километра.

Важным моментом является в романе то, что Берлиоз внезапно умер на пересечении Садовой и Бронной, причем расстояние от турникета до Садовой составляет 87,4 метра. Зачем тогда М.А. Булгаков не переместил место смерти Берлиоза на Садовую? Во-первых, есть необходимость в быстром развитии событий в романе, которое не позволяет отправляться далеко в Садовую. Во-вторых, Берлиозу суждено было уйти из жизни на Патриарших прудах, откуда Иван Бездомный гонялся за таинствен-

ным незнакомцем и куда он будет возвращаться каждый год, притягиваемый весенним полнолунием.

Топоним *Ермолаевский переулоч* произошел от имени *Ермолай*, известного Священномученика, с использованием суффиксального метода. Топоним включает в себя прилагательное и существительное в форме именительного падежа, единственного числа и мужского рода, которые согласуются друг с другом.

М.А. Булгаков придумал вращающийся объект, за который Берлиоз случайно схватился и поскользнулся, хотя вертушек в этом месте ранее не наблюдалось.

Подводя итоги анализу топонимов в романе «Мастер и Маргарита», можно отметить, что М.А. Булгаков неслучайно использовал те или иные московские топонимы. Анализ топонима *Патриаршие пруды* показывает, что вписанные в художественную реальность романа появление Воланда со свитой и гибель Берлиоза на Патриарших прудах имеют под собой глубокие исторические и литературные корни. Конечно, исследование географии романа должно быть комплексным. Ведь невозможно ограничиться анализом текста одного произведения. Такое комплексное исследование, учитывая значительный интерес современных литературоведов и лингвистов к творчеству М. А. Булгакова, является делом ближайшего будущего.

Лексико-грамматические средства, используемые М.А. Булгаковым для создания топонима *Москва* в романе «Мастер и Маргарита», способствуют формированию уникального образа Москвы как места действия романа и влияют на общее восприятие произведения. Они делают изображение города живым и насыщенным, позволяя читателю более ярко представить себе мир, созданный писателем.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Астрель, АСТ, 2010. 640 с.
2. Барандеев А. В. История географических названий: русская топонимия в терминах. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 320 с.

3. Богданов А. П. Непреклонный Гермоген / А. П. Богданов // Русские патриархи (1589-1700): в 2-х томах. М.: Терра; Республика, 1999. Т. 1. С. 199-247.

4. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 192 с.

5. Вострышев М. И. Москва: все улицы, площади, бульвары, переулки. М.: Алгоритм, Эксмо, 2010. 546 с.

6. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01. М., 1994. 432 с.

7. Молчановский В. В. Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. М., 1984. 201 с.

8. Сидоров А. Трамвайная линия в «Мастере и Маргарите» // Проза. Ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/08/03/720> (дата обращения 12.11.2023).

9. Сорокина Л. М. Сакральная география Москвы в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Архангельск, 2010. 24 с.

10. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 175 с.

Сенкевич В.И.

Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ В СВЕТЕ АНТИНОМИИ ДИСКУРСА И ЛОГОСА

Аннотация. Статья посвящена антиномии культуры и цивилизации – тому, что отражается в институциональном дискурсе и преломляется в инстанции логоса. Вопрос цивилизованного пользования языком противопоставляется проблеме культуры речи. Доминирующий посыл статьи – необходимость вернуться к самой реальности и логистике ее воплощения в языке, инструментирующем смысл высказывания и вселяющем уверенность в говорящих. В статье реализуется антиномический путь познания всего подлинного через то, что им не является. Подведенные итоги окажутся полезными в сфере инновационных технологий, разрабатываемых феноменологической лингвистикой.

Ключевые слова: культура, цивилизация, дискурс, логос, опыт недискурсивного познания.

Senkevich V.I.

Brest State University named after A.S. Pushkin,
Brest, Belarus

CULTURE AND CIVILIZATION IN THE LIGHT OF ANTINOMY OF DISCOURSE AND LOGOS

Abstract. The article is dedicated to antinomy of culture and civilization – what is reflected in institutional discourse and refracted in the instance of logos. The issue of civilized use of language is contrasted with the problem of speech culture. The dominant message of the article is the need to return to reality itself and the logistics of its embodiment in language, which instruments the meaning of the statement and inspires confidence in the

speakers. The article realizes the antinomian path of cognition of the authentic through what is not authentic. The summarized results will be useful in the sphere of innovative technologies developed by phenomenological linguistics.

Keywords: culture, civilization, discourse, logos, experience in non-discursive cognition.

Несмотря на то, что вопрос о соотношении культуры и цивилизации занимает мыслителей издавна, решенным на сегодняшний день его признать нельзя. Цивилизация обычно отождествляется с культурой; слова «культура» и «цивилизация» употребляются синонимически. Считается, что культура по отношению к цивилизации является частным понятием. Утверждается, что цивилизация, более универсальная категория и имеет определенную специфику по отношению к различным нациям и разным народностям [4].

Подобное утверждение неправомерное. Цивилизация – принципиально не то, что культура. Уместно говорить об антиномии – «культура (vs цивилизация)». Сущность цивилизации становится доступной на пути *апофатического* познания – противопоставления ее тому, чем она не является, т.е. культуре. Этот подход оправдывает себя при анализе культурных проявлений в языке и описании языковых феноменов, рассматриваемых в аспекте цивилизации.

Культуру обычно определяют как собрание материальных и духовных ценностей, употребляющихся в качестве средства индивидуально-групповой идентификации и дифференциации людей. Кодовый концепт такого определения – «идентификация» (*сохранять культурную идентичность*). Отношения тождества и различия являются основополагающие в области культуры. Однако кроме существующего тождества и различия есть совпадение и разница. Различие порождает отношения системного единства. Разница не относится к системе – способу существования универсального и специфического. «Разное» замечается в аспекте (дис) гармонической целостности и сплоченности. Статус «разного» феноменальный. Разница ориентирована на сферу сознания (есть «для кого»-разница): *...но ведь для тебя большой разницы нет, правда?* (А. Веселова). Рознь (ср.: *не чета*) не име-

ет отношения к системному несоответствию и распознается в ситуации реального несовпадения (несходство).

Ситуация (не) совпадения выступает базовой для описания доминирующих манифестаций цивилизации. Ключевым здесь оказывается смысл слова «абы». Для цивилизованного человек есть разница, где находиться, из чего пить и есть, с кем водиться и т. п. Жизнь по рутинной установке «абы день до вечера» осознается «низкой»: *Душа возвышенного жаждет* (В. Арсентьев). Равнодушием (бел. «абыякавасць») ко всему превосходному характеризуется только «подлое» сословие: *абы сыт, абы тепло, абы доволен* и т.д. [1, с. 27].

Цивилизованность характеризуется в аспекте «не абы». Нередко в народном восприятии – это городское: – *А мой не абыякую бярэ... Яна гарадская, – адазвалася Варавуліха* (К. Каліна). Однако не всегда: *«Ты ны жмы мынэ до плота и ны лизь абы куды. Я тоби ны городская. Як пожэнымся – тогды»* (диал.). Элементы возвышенной цивилизованности замечаются и в животном царстве. Конь известен тем, что из *абы* какого ведра пить не станет.

Культура проявляется в происходящей деятельности (*дело культуры, деятели культуры, правовая культура*). Цивилизованность обнаруживается в (не) вербальном поведении (Ср.: *«Что делать?»*), однако: *«Как себя вести?»*). В любой деятельности возможны ошибки, поведению же сопутствуют заблуждения. Цивилизованный человек предпочитает не выбирать, а искать. Результатом выбора должно быть лучшее, итогом поиска становится превосходное (селективное) [6, с. 117].

Отсутствие селекции в поведении кого-либо в обыденном языке характеризуется словом «блуд» (чешск. *blud*, польск. *bląd*): бел.: – *Знайшоў каго!.. Ету с-сучку!.. Якая яшчэ ў дзеўках лезла пад усякаго!.. Якой толькі адно на ўме!.. Толькі адно – штоб склешчыца!.. Абы з кім! Абы – жарабец!.. Абы – кныр!.. Абы – склешчыца!.. Ету... Ету... Якая век па завуголлях бегае!.. Суку завугольную!.. Якая ля кожнага вугла! Ля кожнага плоту!.. Абы з кім!.. Абы – кныр!..* (І. Мележ).

В свете цивилизации варварский язык знаменуется неконтролируемым словоблудием (ср. *блядословие*). В широком смысле ле цивилизованный этос характеризуется фундаментальным

интенциональным состоянием сознания – *интеллигенцией*. Это «...высшее состояние человека разумного, избавленного от всякой грубой, телесной, материи, бессмертного и в состоянии неощутительно влиять на вещи» [2, с. 299].

Проблема связи языка и культуры обретает актуальность, когда язык понимается как системно организованное явления. В языке, как и в любой знаковой системе, то, чем знак отличается, и является его содержанием. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу («в языке нет ничего, кроме различий» – Ф. де Соссюр). Функционируя в речи в качестве средства коммуникации, язык не может не быть формой проявления культуры.

Бытующее в современной лингвистике понятие «культура речи» связано с нормативной регламентацией [7, с. 120]. Требование кодификации речевой культура проявляется в «правильности» (соблюдение нормы) и «чистоте» выражения. Суждения о культуре речи обычно содержат идеологические и философские декларации, относящиеся к общей культуре носителя языка, сохранению культурных традиций и духовных ценностей. Языковая личность обременена культурой. Как «ноша» определяются: информация (*носитель информации*), знания (*носитель знания*), идеология (*носитель идей*), культура (*носитель культурных традиций*) и т.п.

Однако при исследовании культуры речи забывается, что кроме понятий «культурный код», «(де) кодирование», «кодификация», есть слова «шифр», «ключ», «ключевое слово», «интерпретация». Посредством языка не только объясняют проблемы, но и проливают свет на что-то, освещают вопросы. Декодирование сменяется дешифровкой в сфере, где ничего не «идет» (течет) и не причиняется, а само осуществляется (источается) и вызывается (ср. пол. *powodować*). Источник непременно есть у творчества. Представление о том, что кодифицировано, здесь сменяется восприятием всего признанного – стандартного (привычного). Стандартизация – аспект радения о цивилизованном (штатном) состоянии вербального поведения, воплощающегося в «живом слове живого человека» (М. Бахтин).

Культурная идентификация и различия, а также идея сохранения культурной значимости не имеют никакого отношения

к феномену *аутентификации* – распознанию и сбережению своей аутентичности (др.-греч. *αὐθεντικός* – подлинный). Цивилизованный человек не играет социальную роль, а выступает в статусе (состоянии) автора. Действительное (настоящее) в этой сфере противопоставляется подлинному, выгода уступает место пользе, удовлетворение – удовольствию и т.д. Аутентифицируя что-, кого-либо, не различают, а распознают, замечая его уникальность.

В лингвистике антиномия культуры и цивилизации обнаруживается в противопоставлении дискурсивного (рассудочного) и всего логистического (интуитивного); дискурс (vs логос). Логос – ключ к глубинам человеческой мудрости, воплощенной в искусстве слова; дискурс – код, открывающий сокровищницу мировой культуры. Применительно к языку антиномия логоса и дискурса предстает как искусство слова и культура речи. Риторика как «наука убеждать» противопоставляется ораторскому искусству. В глобальном смысле дискурсивно-логистическая антиномия осмысливается как противопоставление «*логики*» (слова) и «*ургии*» – дела (греч. *εργο*, *-ергия*; *ergasis*; *ergon* – действие), сущности (*essentia*) и существования (*existentia*).

Институциональный по определению дискурс начинается с утверждения «*Значит так!*». Однако человеческая сущность противится определенному «такому». – *Ах, ты такая?! – Я не такая! Другая* (разг.). Болезненно восприимчив к «Другому» «народ не такоўскі» (бел.) – поэты: *Не пой, красавица при мне ты песен Грузии печальной. Напоминают мне оне Другую жизнь и берег дальний* (А.С. Пушкин). *Za Bugiet, za Bugiet życie jest drugie, lecz niebo jedyno nad nami* (М. Сулима). Мотив «Другого» звучит в народном песенном творчестве: *В ёго е другая – тая ны такая Ны прыгорнэ до сэрдэнька, Як Галына тая* (диал).

Нельзя объяснить теоретически и практически подтвердить, что значит «Другое», – «не такое», и все тут. Знаменательно, что в языке мудрецов и поэтов – «*все не то*» и «*все не так*». У Конфуция: «*Все не то, чем кажется и не наоборот*». У Вл. Высоцкого: «*...ничего не свято! Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята...*». В «нетаковстве» не демонстрируется номинированная личность, зато манифестируется (обнаруживается) архетип титулованной самости: бел. *Народ то быў усе не такоўскі:*

Сам Пушкін, Лермантаў, Жукоўскі і Гоголь шпарка каля нас Прайшлі, як павы, на Парнас (Аноним. поэма).

«Другое» не имеет определения, однако предельно знакомо и реально для каждого. Это состояние, находящее воплощение и исполнение в Другом языке. В нем недискурсивным (творческим) путем приближается сама реальность – не настоящая, однако подлинная (аутентичная). Человек здесь не понятийная категория, а феноменальное неделимое состояние души и плоти. Деятельность уступает место поведению. Чтобы «поговорить», «познакомиться», «встретиться» не требуется причина – нужен повод. Повод не бывает бывшим, а е с т ь всегда. Его только стоит поискать.

Язык цивилизации логистический. В нем избранная дорога сменяется найденным путем, ведущим, по сути, к самому себе. Отсюда древний завет – *Nosce te ipsum* («Познай самого себя»). Манифестирующее логос слово – поступок пользователя, а не институциональный акт носителя культуры. Ничего, практически, не делая, каждый поступает словом – решает, стоит или не стоит что-то говорить, как-то отзываться, поддерживать кого-либо: *Едва ли стоит говорить, что к этому времени я уже успел настроиться на самое худшее* (А. Чехов). За свои поступки, говорящий не несет персональной ответственности, однако отвечает (жарг.: *За базар ответишь*).

Язык культуры является языком практического и теоретического знания. В другом языке знание уступает место опыту непосредственного познания: *Я тебя не знаю и знать не хочу, однако с удовольствием с тобой познакомлюсь – познаю до известного предела* (разг.). Свойственная культуре результативная гносеологическая практика в сфере цивилизации сменяется осуществляющимся «по ходу» опытом познания.

Только для опытного познания характерен не свойственный прагматике деятельности критерий подлинности: *подлинная сущность, подлинное искусство, подлинны чувства, подлинная свобода, подлинный текст, подлинное исполнение, подлинный смысл* и др. Все подлинное оказывается правдивым, аутентичным, образцовым, достоверным, реальным и несомненным. Подлинность – не свойство предмета (явления), а неотъемлемая жиз-

ненная характеристика всего, что мифологизируется (*живое слово, живой звук, живое впечатление, живое вещество* и др.).

Знания же определяются как *настоящие (истинные), новые, исторические, системные, специальные* т.д. Настоящему не известны «чудные мгновения» непосредственного восприятия, но в нем культивируется монументальность и концептуальная деонтология (от др.-греч. *δέον* ‘долг’): *настоящая работа, настоящий друг, настоящий мастер, настоящий праздник* и т.д. Знание определяется как *неподдельное, истинное, сущее, идентичное, примерное, действительное, соответствующее, оригинальное, убедительное* и т.д. Однако не стоит отождествлять результативное положение «Я знаю» и итоговое состояние «Мне известно». Последнее – сфера цивилизации. В выражение «*Знаю я вас*» проявляется высокомерность. Все, что «сегодня не такое, как вчера», познается непрерывно и неисчерпаемо – еще и еще раз. Познавательная «разовость» (неподражаемость) отсутствует в приходящем знании (*Раз на раз не приходится* – посл.).

Опыт познания не деятельность, которая происходит, а проходящее состояние. Здесь нет дела как проявления воли, и ничто не организовано на определенном уровне. Зато все устроено в известной степени. Ничто не дано как видимое, однако находится в свободном доступе. Феномен свободы отсутствует в том, что происходит. Свобода – характеристика состояния, (*свободно проходить*). Не говорится о «свободе дела», однако в языке привычно сочетание «свобода слово». Свобода – феномен цивилизации, а не категория культуры.

Любое знание создает дистанцию к реальности, отделяет от нее, порождая личное позиционирование («я» и «ты»), противоположность предмета и явления, субъекта и объекта. «Мы не можем сделать объектом нашего понимания, не можем заставить существовать для нас предмет, если не превратим его в образ, в концепцию, в идею, иными словами, если он не перестанет быть тем, что есть, не превратится в тень, в схему самого себя» [5, с. 50].

Парадоксально оказывается, что путь познания лежит через незнание. «Чем меньше мы знаем, тем больше мы задумываемся» [3, с. 15]. Подлинный философ знает, что ничего не знает, однако это не мешает ему находиться в состоянии посвящения –

«в курсе» всего. Знаменитая фраза Сократа – «Я знаю, что ничего не знаю, но другие не знают и этого».

В сфере цивилизации не требуется делание культа со всего, служащего опорой и поддержкой человека в его жизни. Носитель культуры не принадлежит сфере цивилизованного пользования и служения. Человек пользуется не средствами с целью прийти к тому или иному результату, а использует инструменты для достижения эффективности предпринимаемых попыток осуществления (реализации) своих интенций – задуманного.

Знанию недоступна характерная для цивилизации проксе-матика познания (от англ. *proximity* ‘близость’) – приближение к самой реальности. Соблюдаемая точная дистанция не есть расстояние, которое держат или которого придерживаются. Чем больше человек образован, тем выше его культурный уровень и тем меньше оказывается у него шансов приблизиться к реальности целого и встретить на пути своем ближнего. Статусное слово «ближний» оказывается самым совершенным имперсональным воплощением и этическим опытом цивилизованного человека.

Культурное знание связано с любовью и избирательной жертвенностью: *Любовь есть жертвенное влечение (Остерегайтесь, как чумы, влечения)* (У. Шекспир). Однако только познающему доступна милость – неизбирательная (тотальная) влюбленность во «все» – трепет, восхищение, посвящение, преданность и т.д.: *Я сегодня влюблен в этот вечер, Близок сердцу желтеющий дол* (С. Есенин). *Господи, какое сокровище оставил нам этот датчанин, влюбленный в Россию!* (В. Михайлов). *Генка стал заходить к нему и дед, влюбленный в озеро, рассказывал ему удивительные истории, происходившие на его берегах* (А. Сухих).

Опыт познания корреспондирует с доминирующим феноменом цивилизации – пассионарностью (лат. *passio* из *pati* «мучиться»): *Нет, говорю, я жениться не могу, но порядок действительно моя пассия, и домом управлять я согласен* (Н.С. Лесков). *Ах! как несносно признаваться в своей пассии!* (Д.И. Фонвизин) Пассия не предмет любви-страсти, а неотделимое от целостности пользователя языка «мое», коему что-то посвящается: *... я тоже была влюблена в учителя. Это была моя первая... нет, моя вторая пассия.* (И. С. Тургенев). Цивилизации не свойствен

эгоизм и культ, однако здесь не обходится без нарциссизма и апофеоза; ср. ставшее нарицательным имя возлюбленной Дон Кихота – *дильцина* ‘обожаемая женщина’.

Итак, существует «русский язык как зеркало...». Это культура. Однако есть неотраженный свет – ответ. Без репрезентативного «как» русский язык есть *эхо*, которое не отражается и не реагирует, а непосредственно отзывается (прокатывается). Свет цивилизованного русского слова неотраженный. Это свет волшебной лампы Алладина, а не культовой свечи за упокой.

Список литературы

1. Анчел Е. Этос и история / пер. с венг.; предисл. М.А. Хевеши. М.: Мысль, 1988. 128 с.
2. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. 613 с.
3. Кохан В. Есть ли место философии в деятельности учителя? // Учитель наедине с собой: сб. науч. ст. / ред.-сост. М. Н. Кожевникова. СПб., 2014. С. 10–16.
4. Культура и цивилизация, их взаимосвязь [Электронный ресурс]. URL: https://historicus.media/kultura_i_tsivilizatsiya_ih_vzaimosvyaz/ (дата обращения: 17.11.2023).
5. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г. М. Фридендера. М.: Искусство, 1991. 586 с.
6. Сенкевич В. Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка. Седльце: W-wo Nauk. Un-tu Przygodniczo-Humanistycznego, 2020. 369 с.
7. Скворцов Л.И. Культура речи // Русский язык. Энциклопедический словарь. М., 1979. С. 119–121.

Умаева Э.Б.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ
Научный руководитель – **Печенкина О.Ю.**
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

**МЕТАФОРА И СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
ЭМОЦИЙ И ЧУВСТВ В РОМАНЕ
Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»**

Аннотация. В статье представлено описание метафор и сравнений, способствующих выражению эмоций и чувств героев в романе Л.Н. Толстого «Воскресение». С использованием лингвистических словарей выделены и охарактеризованы следующие типы метафор: метафоры восприятия человека как объекта, метафоры восприятия человека как вещества, метафоры восприятия человека как ребенка. Рассматриваются сравнительные модели: «человек-растение», «человек-природа», «человек-ребенок», «человек-чувства», «человек-насекомое», «человек-человек». Обоснована значимость изучения эмотивных тропов в художественных текстах. Установлено процентное соотношение метафор и сравнений в произведении Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: лексика, тропы, коннотация, Л.Н. Толстой, метафора, сравнение.

Umaeva E.B.

Bryansk State University named after
academician I.G. Petrvovsky, Bryansk, Russia
Scientific supervisor – **Pechenkina O.Yu.**
Bryansk State University named after
academician I.G. Petrvovsky, Bryansk, Russia

Abstract. The article presents a description of metaphors and comparisons that contribute to the expression of the emo-

tions and feelings of the characters in the novel by L.N. Tolstoy's "Resurrection". Using linguistic dictionaries, the following types of metaphors are identified and characterized: metaphors of perceiving a person as an object, metaphors of perceiving a person as a substance, metaphors of perceiving a person as a child. Comparative models are considered: "man-plant", "person-nature", "person-child", "person-feelings", "person-insect", "person-person". The importance of studying emotive tropes in literary texts is substantiated. The percentage ratio of metaphors and comparisons in the work of L.N. Tolstoy.

Keywords: vocabulary, tropes, connotation, L.N. Tolstoy, metaphor, comparison.

Одним из наиболее распространенных способов усиления образности являются тропы. В тексте романа «Воскресение» мы наблюдаем преобладание метафор над другими тропами. Это объясняется тем, что метафоры в отличие от сухого повествования воздействуют в качестве раздражителей на органы чувств, тем самым вызывая яркие эмоции у читателя.

В романе Л.Н. Толстого можно выделить следующие типы метафор:

1. Восприятие человека как объекта. В эту категории вошли метафоры, демонстрирующие отождествление человека с вещью: «Я почувствовала ..., что я перестала быть человеком и стала вещью» [3, с. 297]; «он признал себя негодяем, продавшим и на старости лет продолжающим *продавать свою совесть*» [3, с. 273]; «ничего ты не сделаешь с этой женщиной, - говорил этот голос, - только себе на шею *повесишь камень*, который утопит тебя и помешает тебе быть полезным другом» [3, с. 162]. Метафоричность в приведенных примерах носит отрицательный характер и раскрывает личные, потаенные в глубине души переживания Масловой и Нехлюдова.

2. Восприятие человека как вещества. «Весь *хрустальный человек*, всего насквозь видно... он не мог притворяться» [3, с. 411]. Такие метафоры делают акцент на качествах человека: честность, доброта, глупость, злость и так далее. Коннотация может быть как положительной, так и отрицательной.

3. Восприятие человека как ребенка. «*Бабенка-ребенок...пожалеть надо*» [3, с. 359]. Данная единица неоднозначна. С одной стороны, она восходит к инфантильности, с другой - к состраданию, пониманию и жалости.

Следующая классификация включает в себя авторские (окказиональные) метафоры и общие:

1. Авторские. К ним относится схема «человек-животное» и «человек-вещь». «...карие, *бараньи*, добрые, правдивые *глаза*» [3, с. 175]. Чаще всего метафоры, включающие в себя семантический компонент «бараний», указывают на отрицательную характеристику, но Л. Н. Толстой использует ее для создания положительного впечатления о человеке, что делает художественный прием исключительно окказиональным.

Автор в своем произведении называет человека животным: «...никто не жалел его, напрасно погубленное *рабочее животное*» [3, с. 393]. Нехлюдов при первой встрече с простым каторжником почувствовал всю его боль и отчаяние, ощутил произвольную утрату человеческого. Подобные метафоры выражают чувства жалости, несправедливости и жестокости.

Отрицательную характеристику приобретает схема «человек-сооружение». Например, «...*бордюром черных волос* у Игнатя Никифоровича» [3, с. 376]. Придуманная автором метафора указывает не на особенность внешности, а на восприятие героя, как неподвижного, тяжелого человека.

2. Общие. Отношение «человек-растение» часто встречается в литературе и используется в основном для выражения положительного отношения к человеку «чувствовал он, что она *цветочек-девочка*» [3, с. 334]. Цветы символизируют красоту, молодость, свежесть и чистоту, что мы и наблюдаем в данном случае.

Положительную коннотацию имеет модель «человек-часть тела»:

- 1) «чёрные *глаза*, *смеясь и радуясь* при виде Нехлюдова...»;
- 2) «При его виде молодая *кровь залила лицо...*» [3, с. 98].

Метафоры иллюстрируют полноту чувств персонажей через соотношение части к целому. Радуются не только глаза, а все тело и душа.

Последняя классификация эмоциональных метафор основывается на моделях «метафора-переживание», «метафора-насекомое», «человек-человек», «жизнь-смерть», «метафорасон», «антропоморфная метафора».

К первым относятся метафоричные выражения переживаний персонажей, раскрывается их психологическое состояние. Например, «с тех пор ей всё *стало постыло*, и она только думала о том, как бы ей избавиться от того стыда ... сама не зная, как это случилось, - *её прорвало*» [3, с. 10]. Первая метафора указывает на чувство отвращения к себе и к всему окружающему, вторая представляет собой безличную конструкцию и отождествляет эмоции героини с водой, которые вырвались наружу, освободились от оков не по своей воле.

«Но тут же он почувствовал, что теперь, сейчас, совершается нечто самое важное в его душе, что его внутренняя *жизнь стоит* в эту минуту как бы на *колеблющихся весах*, которые малейшим усилием могут быть перетянуты в ту или другую сторону» [3, с. 253]. Пример иллюстрирует душевные метания, колебания Нехлюдова, невозможность прийти к равновесию.

Муки совести мы можем наблюдать на примере модели «метафора-насекомое»: «*рой мыслей* об его поступке с ней закружились в его голове» [3, с. 92]. Сема «рой» подразумевает мелких насекомых, которые, словно палачи медленно и мучительно терзают душу Нехлюдова.

В тексте встречается метафора, основанная на общезыковой «червь сомнения». Толстой ее видоизменил: «я должна быть довольна - и довольна. но есть *червяк*, который *просьпается*». «Надо верить этому голосу», - сказал Нехлюдов...» [3, с. 241]. Сомнение выступает стимулом изменения жизни, самосовершенствования и развития нравственности.

Схема «человек-человек» подразумевает двойственность природы. Одна из личностей может не быть материально выражена, но читатели чувствуют ее присутствие. Например, «он увидел, что *Катюши не было*, а *была одна Маслова*» [3, с. 184]. На первый взгляд может показаться, что метафоры отсутствует, показана временная трансформация героини. Однако в чувственном восприятии Нехлюдова сема «Катюша» несет положительную оценку, в то время как «Маслова» -отрицательную, обусловлен-

ную всеми тяжбами жизни. Именно поэтому имя-олицетворение светлого, доброго, девственного начала, а фамилия-бремени, несчастий и мук.

В произведении встречаются метафоры, связанные с мотивом жизни и смерти. Например, «боюсь верить, но мне кажется, что *она оживает*» [3, с. 329]. Мы видим постепенную трансформацию внутреннего мира героини, которую ощущает Нехлюдов. Наступает новая светлая жизнь. Метафора «*Каменская ужасно убита*» [3, с. 348] выражает состояние отчужденности и бессилия перед жизненными испытаниями.

В романе встречаются антропоморфные метафоры:

- 1) «*Нехлюдов, загипнотизированный, пошёл за ними*» [3, с. 342];
- 2) «*Страх овладел им, как будто не он шёл судить, но его вели в суд*» [3, с. 74];
- 3) «Он взглядывал на её стройную фигуру в белом платье с складочками и на сосредоточенно радостное лицо, по выражению которого он видел, что точь-в-точь то же, что *поёт в его душе, поёт и в её душе*» [3, с. 87];
- 4) «*И сердце Нехлюдова радостно екнуло*» [3, с. 102].

Указанные метафоры включают в себя восприятие окружающей действительности, неразрывно связанной с человеческими качествами, поступками, состояниями души. В первом случае Нехлюдов поддается чувствам людей, следует за ними, словно под гипнозом. Во втором обстановка суда вселяет в героя чувство страха. В третьем мы видим влияние одного человека на другого, произвольное заражение чувствами.

Особое значение в произведении имеет мотив сна. «*Вчерашний соблазн представился ему теперь сном... и ему хочется хоть не спать, а еще поваляться, понежиться в постели, несмотря на то, что он знает, что пора вставать для ожидающего его важного и радостного дела*» [3, с. 275]. Сон- олицетворение прошлой праздной, бессмысленной и безнравственной жизни героя. Сон и гипноз в метафорах - символы бессилия, отсутствия власти над своими желаниями.

Таким образом, все метафоры, использованные Л.Н. Толстым в романе «Воскресение» для выражения эмоционального состояния героев, нам удалось классифицировать несколькими спосо-

бами. Следует отметить, что многие из них - распространенные, смысл которых заключен в нескольких образных единицах.

Сравнение состоит из нескольких компонентов. Один предмет сопоставляется с другим объектом на основе сходства определенных признаков. Такое сближение создает дополнительные семантические оттенки, что помогает ярко выразить эмоции героев, создавая тем самым эффект недосказанности, позволяя читателю дополнять и усиливать в сознании описанные чувства.

В романе «Воскресение» мы выделили несколько видов сравнения:

1. Представленные формой творительного падежа: «назвал себя Нехлюдов *буридановым ослом*» [3, с. 36], «она вскипела, назвала *старым чёртом*» [3, с. 187], «сказал Нехлюдов, тронутый этой переливающейся *материнской любовью*» [3, с. 535], «глядя на Нехлюдова с такой детской *нежностью*» [3, с. 308], «мир божий представлялся ему *тайной*» [3, с. 94]. Данная группа сравнений отождествляется с метафорой, поскольку мы не наблюдаем открытого компаративного элемента, а можем видеть лишь намек на него.

2. С использованием союза «как»: «воспоминания эти не сходились с её теперешним мирозерцанием и потому были совершенно вычеркнуты из её памяти или скорее где-то хранились в её памяти нетронутыми, но были так заперты, замазаны, *как пчелы замазывают гнёзда клочней*, которые могут погубить всю пчелиную работу...» [3, с. 149]; «эти же не могут пожалеть: они застрахованы от жалости, *как эти камни от растительности*» [3, с. 386]; «она только подняла на него глаза, оглянулась на всех, *как затравленный зверь*, и тотчас же опустила их и заплакала, громко всхлипывая» [3, с. 78]; «...вспомнив о зрителе, он вспомнил о Масловой... у неё так же, *как кваканье лягушек*, дрожали губы в тот миг» [3, с. 248]; «Нехлюдову было ясно, что оба были богатые натуры и были только запущены и изуродованы, *как бывают запущены и изуродованы заброшенные растения*» [3, с. 343]; «Всякие попытки его изменить эту жизнь разбивались, *как о каменную стену*» [3, с. 297]; «когда же он, больной и испорченный от нездоровой работы, пьянства, разврата, одурелый и шальной, как во сне» [3, с. 147]; «Катюша, сияя улыбкой и чёрными, *как мокрая смородина*, глазами, летела ему навстречу» [3,

с. 57]; «она смеялась над ним и ласкала его, как своё приручённое животное» [3, с. 196]; «как присмолилась ко мне, что как одна душа» [3, с. 384].

3. С использованием слов «подобный» и «похожий»: «он испытывал теперь чувство, подобное тому, которое испытывал на охоте, когда приходилось добывать раненую птицу: и гадко, и жалко, и досадно» [3, с. 81]; «нравственное чувство тошноты, похожее на качку на корабле, овладело им» [3, с. 292]; «испытывал чувство, подобное соболезнованию о том, что опять она чем-то дурным заразилась от этого чуждого им всем человека» [3, с. 228].

У Л. Н. Толстого сравнения могут носить как отрицательное, так и положительное значение. Положительная коннотация прослеживается в сравнительных моделях «человек-растение» («Катюша, сияя улыбкой и чёрными, как мокрая смородина, глазами, летела ему навстречу» [3, с. 57].), «человек-природа» («то как репей хороший был, а теперь что! Тоже забота, видно» [3, с. 241]), «человек-ребенок» («глядя на Нехлюдова с такой детской нежностью» [3, с. 308]), «человек-чувства» («сказал Нехлюдов, тронутый этой переливающейся материнской любовью» [3, с. 535]), «человек-насекомое» («расплылся в улыбку, изгибая свои, как червячки, тоненькие ножки» [3, с. 234]); «человек-человек» («она испортилась и была развращенная натура, такая же, как и мать» [3, с. 132]).

подавляющая часть сравнений в тексте носит негативную и неодобрительную окраску, нередко с элементами осуждения. К таким сопоставлениям относятся лингвистические модели «человек-объект» («Всякие попытки его изменить эту жизнь разбивались, как о каменную стену» [3, с. 297]; «хороша-хороша, а то и заскрипит, как телега намазаная. Мавра, сейчас» [3, с. 358]), «человек-животное» и «человек-насекомое» («она только подняла на него глаза, оглянулась на всех, как затравленный зверь, и тотчас же опустила их и заплакала, громко всхлипывая» [3, с. 78]; «воспоминания эти не сходились с её теперешним мирозерцанием и потому были совершенно вычеркнуты из её памяти или скорее где-то хранились в её памяти нетронутыми, но были так заперты, замазаны, как пчёлы замазывают гнёзда клочней, которые могут погубить всю пчелиную работу...»); «так как же они безжалостно оторвали меня от всего, что дорого, и заперли, как дикого зверя?»

[3, с. 321]; «расплылся в улыбку, изгибая свои, как червячки, тоненькие ножки» [3, с. 238]. Сравнение с червями имеет отрицательный оттенок значения, поскольку автор показывает тяжелое положение крестьян. «Человек-вещество» («Люди, как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то тёплая» [3, с. 204]). «Человек-чувства» («он испытывал теперь чувство, подобное тому, которое испытывал на охоте, когда приходилось добивать раненую птицу: и гадко, и жалко, и досадно» [3, с. 81]; «нравственное чувство тошноты, похожее на качку на корабле, овладело им» [3, с. 292]).

Таким образом, элементы, входящие в состав сравнения, должны существенно отличаться друг от друга, находиться в разных семантических пространствах, для того чтобы сопоставление отличалось экспрессией и могло передать эмоции и чувства героев. Помимо выражения переживаний героев сравнение обладает оценочной функцией - выражением положительного или отрицательного отношения к ситуации, человеку или его поступку» [5, с. 292]. В романе «Воскресение» мы наблюдаем сращение сравнений и метафор, которые вместе образуют цельные компаративные объединения.

Таким образом, в романе Л.Н. Толстого большое количество образных оборотов речи, метафоры и сравнения являются базовыми в произведении. Они помогают полностью раскрыть замысел автора через призму чувственного восприятия.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О языке Толстого: в книге Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М.: Наука, 2003. 394 с.
2. Иванюк Б.П. Метафора и литературное произведение (структурно-типологич., историко-типологич. и прагматический аспекты исследования). Черновцы: Рута, 1999.
3. Толстой Л.Н. Воскресение. Тула, 1980. 800 с.
4. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2002. 334 с.
5. Эйхенбаум Б.М. Работы о Льве Толстом. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2009. 954 с.

Федорова Ю.В.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ
Научный руководитель – **Печенкина О.Ю.**
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
«ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.И. ТЮТЧЕВА**

Аннотация. В статье представлен анализ тематической группы слов со значением «природные явления». Особое внимание уделяется морфологическим средствам выражения природных явлений в поэзии Ф.И. Тютчева.

Ключевые слова: лексика, природа, природные явления, морфологические средства выражения, Ф.И. Тютчев.

Fedorova Yu.V.

Bryansk State University named after
academician I.G. Petrvovsky, Bryansk, Russia
Scientific supervisor – **Pechenkina O.Yu.**
Bryansk State University named after
academician I.G. Petrvovsky, Bryansk, Russia

**MORPHOLOGICAL MEANS OF EXPRESSING "NATURAL" PHENOMENA" IN THE WORKS
OF F.I. TYUTCHEV**

Abstract. The article presents an analysis of a thematic group of words with the meaning "natural phenomena". Particular attention is paid to the morphological means of expressing natural phenomena in the poetry of F.I. Tyutchev.

Keywords: vocabulary, nature, natural phenomena, morphological means of expression, F.I. Tyutchev.

Фёдор Иванович Тютчев – один из великих поэтов России, который уже многие поколения своими поэтическими строками волнует сердца читателей. Тютчева знают все. А это и есть слава. Это и есть бессмертие. И прав был Иван Тургенев, говоря, что речам Тютчева не суждено умереть.

Певец русской природы – такое гордое звание закрепилось за великим русским поэтом, нашим земляком Фёдором Ивановичем Тютчевым по праву. Природа в стихотворениях Ф. И. Тютчева не бездушна, не мертва. Она предстает перед читателями и исследователями как «живой организм, чувствующий, ощущающий, действующий, имеющий свои пристрастия, подобно тому, как это бывает с людьми и животными» [10, с. 180]. «Поэтизация» природы в лирических произведениях Ф.И. Тютчева достигает высшей точки своего выражения. Поэт чётко улавливает и передает тонкие движения «природной души».

Целью исследования является выявление и описание морфологических средств выражения «природных явлений» в произведениях Ф.И. Тютчева, а также определение их функционального значения в тексте.

Чаще всего природа у Ф.И. Тютчева запечатлена в динамике, в движении. Это не только механическое перемещение объектов, но и «взаимосвязь, взаимопереход явлений, переход одного качества в другое. Поэт улавливал диалектику движения в природе» [4, с. 20]. Поэтому наиболее часто изображаемые времена года в стихотворениях – осень и весна, пора увядающая и пора возрождающая. Тютчевские «пейзажи в стихах» проникнуты напряжением и отражают устремленность мысли поэта к постижению таинственных движений человеческой души, к тайнам мироздания. Человек зачастую сравнивается с природой. Вечно обновляющийся мир природы («Бессмертьем взор ее сияет, / И ни морщины на челе...» [9, с. 73]) противопоставлен «злаку земному» - человеку, передавая ощущение скоротечности человеческого бытия.

Поздняя лирика Ф.И. Тютчева характеризуется приближением природы к человеку. Поэт отражает самые непосредственные впечатления, самые конкретные проявления окружающего мира: «паутины тонкий волос блестит на праздной борозде» [9, с. 112], первый жёлтый лист слетает на дорогу, солнце золотит дождевые

нити. Конкретно-зрительные образы внешнего мира, их конкретизация помогают создать яркую, живописную картину.

Образы природы часто помогают выразить сложный мир человеческой души. Ярким примером является стихотворение «Когда в кругу убийственных забот...» [9, с. 80], в котором поэт сравнивает свои повседневные дела и убийственные заботы с грудой камней, превращающейся в непосильную ношу.

В образную систему природной лирики Ф.И. Тютчева входят не только зрительно-конкретные приметы внешнего мира, но и субъективные впечатления самого поэта от созерцания природного богатства. Весеннее пробуждение описывается с помощью описания красоты первого еще полупрозрачного листочка, лето ассоциируется у поэта с медовым запахом гречихи.

Языковая составляющая, подразумевающая под собой изобразительно-выразительные средства языка, является главной характеристикой образа.

Одним из средств этой характеристики являются средства морфологии – грамматические формы, способствующие передаче авторского смысла текста за счет создания определенных образов и задуманного эмоционального настроения. Любая часть речи, употребленная для описания конкретной пейзажной зарисовки, обладает выразительным потенциалом и служит созданию образной, смысловой и эмоциональной составляющей художественного текста.

Морфологически «природные явления» могут выражаться именами существительными, именами прилагательными, глаголами и глагольными формами, наречиями, числительными, междометиями и другими частями речи.

Выразительные средства морфологии при выражении природных явлений используются для создания богатой и яркой пейзажной картины, для усиления изобразительности текста, организации его статического или динамического характера, приближения текста к читателю или, наоборот, отдаления поэтических образов от него, для выражения авторских оценок и переживаний, чувств.

Первоосновой природы в стихотворениях великого поэта выступает мир стихий (огонь, вода, земля, воздух) – веществ и элементов, из которых, по учению античной и средневековой

натурфилософии, и был построен наш мир. Исследователи творчества Ф.И. Тютчева отмечают особый интерес поэта к водной стихии: «В особенности поэта влечет к себе водяная стихия» [4, с. 20]. В «Письмах о Ф.И. Тютчеве» Б.М. Козырева говорится о том, что образы водной стихии появляются более чем в трети оригинальных стихотворений поэта: «Кажется, нет в природе такой форм существования влаги, которая не была бы отмечена поэтом» [5, с. 99].

Водная стихия в исследуемых нами стихотворениях представлена в различных состояниях: жидком (ручьи, ключи, реки, озера, моря, океаны, дождь, роса), твёрдом (лёд, снег, иней) и газообразном (туман, пар). Образ воды может быть выражен менее эксплицитно, например, через название лексем, входящих в ядро лексико-семантической группы «Мелкие частицы воды» (подробнее о данной лексико-семантической группе можно прочитать в статье М.С. Банниковой [1, с. 76-84]). Сюда относятся такие слова и словосочетания как «капли», «росистая пыль», «перлы дождевые».

Природные явления в области водной стихии широко распространены в лирике Ф.И. Тютчева. В поэтических текстах мы встречаем снег, метель, вьюгу, туман, дождь, росу, радугу и др.

Группа слов, обозначающих атмосферные осадки в виде капель или струй воды, представлена следующими именами существительными: *дождь* (3 словоупотребления), *дождик* (1 словоупотребление), *ливень* (1 словоупотребление: «*Не поздний вихрь, не бурный ливень летний Тебя сорвал с родимого сучка*» [9, с. 50]), *капля* (2 словоупотребления). Использование различных имён существительных для наименования одного вида атмосферных осадков позволяет создать более образную картину природного явления в конкретном тексте и в поэзии Ф.И. Тютчева в целом.

В строчке «*Чаще капли дождевые, / Вихрем пыль летит с полей*» [9, с. 79] дан образ дождевых капель, целиком принадлежащих миру природы, миру вне человека. Однако в другом стихотворении подобный образ расширяется, метафоризируется, создавая пересечение мира человека и мира природы, взаимно дополняющих друг друга: «*Сквозь ресницы шелковые / Проступили две слезы... / Иль то капли дождевые Зачинающей грозы*» [9, с. 55]. Человеческие слёзы здесь сравниваются с дождевыми капля-

ми. Такая погода подчеркивает внутреннее состояние опечаленной девы, выражает её чувства.

Помимо имён существительных встречаются и другие части речи, служащие созданию образа атмосферных осадков в виде капель или струй воды. Например, прилагательное *дождевой* (5 словоупотреблений: *перлы дождевые*).

Природное явление, отражающее результат появления на поверхности водяных капель, возникающих из влажного воздуха, - роса – также часто встречается в поэтических текстах Ф.И. Тютчева. Оно передается следующими частями речи:

- имя существительное: **роса** (5 употреблений), **росе** (1), **росой** (1), **росы** (1);

- имя прилагательное: **росистая** в значении 'напоминающая обильную росу' (1): «*И пыль росистая фонтана Главы его не осенит...*» [9, с. 87];

- наречие: **росисто** в значении 'покрытый росой' (1): «*И между гор росисто вьётся Долина светлой полосой*». Использование данного наречия в сочетании с употреблением глагола *вьётся* для характеристики пространственного положения долины позволяет создать метафорический образ долины, похожей на реку (изгибается и наполнена водой).

Роса, как и другие малые водные объекты в лирике Ф.И. Тютчева, может быть связана с другими, более крупными, например, с фонтаном: «... *фонтан неутомимый кропит росой незримой Очарованную мглу*» [9, 218]. Здесь роса уже не атмосферные осадки, а мелкие капли, водные брызги. Однако происходит метафорический перенос по размеру и составу. В данном контексте образ росы усиливается благодаря использованию эпитета «незримой», отсылающего к восприятию водяных брызг фонтана органами чувств.

Еще одно природное явление, представляющее собой скопление мельчайших капель воды в нижних слоях атмосферы, – это **туман**. В поэзии Ф.И. Тютчева образ тумана достаточно частотен. Для создания этого природного явления используются такие части речи как:

- имена существительные: **туман** – 15 употреблений, например: *туманы покрывают скат гор*,

- имена прилагательные: *туманный*, причем в качестве характеристики природного явления и состояния нам подходит первое значение по «Поэтическому словарю Ф.И. Тютчева» ('покрытый, окутанный туманом');

- наречия: *туманисто-бело*. Данная лексема не была обнаружена в известных толковых словарях, «Поэтический словарь Ф.И. Тютчева» предлагает следующую дефиницию: 'затемненно с просветами' («*Смотри, как днем туманисто-бело Чуть брезжит в небе месяц...*» [2, с. 828]).

Образ тумана в поэзии Тютчева – это не только природное явление, а еще показатель затрудненной видимости, таинственности, а также отражатель эмоционального состояния человека (*омрачаться, печалиться*), что еще раз иллюстрирует одну из ключевых особенной природной и пейзажно-философской лирики Ф.И. Тютчева – одушевленность природного мира.

Следующее природное явление, возникающее при преломлении и рассеивании в каплях воды света, – это **радуга**. Оно не отличается частотой употребления в поэтическом языке Ф.И. Тютчева, однако также представлено различными частями речи:

- именем существительным: *радуга* (1), *радуги* (1), *дуги* (1). Пример употребления: «*И радуга концом дуги своей / В зелёные вершины уперлася*» [9, с. 41];

- именем прилагательным: *радужный* в значении 'относящийся к радуге'. Чаще всего такое прилагательное употребляется для описания солнечного света, лучей солнца. Качественное прилагательное со значением цвета помогает создать яркий, отличающийся от повседневности (чаще всего солнечные лучи нам не видны) образ;

- наречием: *радужно* (1).

Большое количество выражений в лирике Ф.И. Тютчева находят и природные явления, связанные с воздушной стихией.

Одной из самых высокочастотных лексем, входящей в лексико-семантическое поле «Природные явления» и обозначающей «природное явление, сопровождаемое сильными осадками, обычно с громом, молниями, сильными порывами ветра» [2, с. 166], выступает имя существительное *гроза* – зафиксировано 21 употребление слова, включая такие словоформы, как *гроза* (8), *грозы* (3), *грозу* (1), *грозой* (4), *грозою* (4), *грозы* (1). Как мы ви-

дим, поэт использует различные падежные формы, стремясь показать образ грозы в различных грамматических отношениях и создать более объёмную картину.

Гроза в поэзии Ф.И. Тютчева наделяется характерными для человека чертами, расписывает в разные оттенки, описывая ее состояние и свое отношение к окружающей среде. Мы видим её в движении: активно вступающей на поле действия (*встает, крутит*), в самом расцвете разгула стихии (*ревет.*); набирающей силу (*растёт*) и утрачивающей её (*прошла; приутихла*). Названные и прочие глаголы, составляющие семантическое поле лексемы «гроза» в языке Тютчева, задают поэтическому тексту динамику, являются ярким примером приёма олицетворения.

Не только глаголы помогают создать яркий образ грозы. Этому служат и имена прилагательные, чаще всего качественные (*близкая, внезапная, живая, поздняя*), реже относительные (*ночная, весенняя*). И.Б. Голуб утверждала: «Качественные имена прилагательные – самая живописная часть речи» [3]. Качественные прилагательные создают яркий образ грозы, отражая неожиданность ее наступления, ее пространственную близость, живость.

В стихотворении «Весенняя гроза» поэт подмечает мельчайшие детали наступающей грозы, он точно описывает лесные звуки, летящую пыль, блестящие на солнце дождевые капли. Все вместе складывается в яркий и цельный образ грозы. Тютчев представляет явления природы в виде живых существ, конкретно-зримых и конкретно-слышимых: раскаты «молодые», гром гремит, поток проворный бежит с горы.

Благодаря богатому морфологическому разнообразию и обилию художественных приемов, гроза выходит за рамки природного явления. Она показана в зрительной и слуховой непосредственности. Но это не просто образ грозы. Это скорее образ молодости, весны жизни, взволнованности, обновления, бодрости творческого духа, мира озаренного, нового.

К природным явлениям в воздушном пространстве, часто встречающимся в лирических произведениях Ф. И. Тютчева, относится и **ветер** со всеми его разновидностями.

Рассмотрим первоначально само привычное нам 'движение воздуха в атмосфере и на земле'. Так лексема **ветер** в иссле-

дуемом нами материале имеет 5 вхождений: *ветер* (2), *ветра* (2), *ветры* (1). Стоит отметить, что у слова есть фонетический вариант *ветр* (5 вхождений), придающее поэтическому тексту возвышенный характер. Ветер, как и гроза, наделяется Ф.И. Тютчевым человеческими чертами: он *свистит, воет, свирепеет, играет* (одеждою). Яркую характеристику ветру придают многочисленные качественные прилагательные: *тёплый, холодный, сырой, ярый, порывистый*. Качественные прилагательные легко вступают в отношения антонимии, что мы видим по представленному выше материалу (тёплый – холодный). Это не только помогает вызвать у читателя конкретные ощущения, но и позволяет противопоставлять образы ветра, встречающиеся в различных стихотворениях.

Имя существительное *ветерок* имеет 7 вхождений и обозначает ‘легкий, ласкающий ветер’: *ветерок* (4), *ветерка* (2), *ветерком* (1). В стихотворении «Весеннее успокоение» ветерок также одушевлён:

Пускай *дыханье ветерка*
Шевелит травую,
Свирель поет издалика,
Светло и тихо облака

Плывут надо мною!.. [9, с. 50]

Здесь образы природных явлений (*ветерка, наряду с облаками и свирелью*), создающиеся благодаря использованию имён существительных, даруют человеку умиротворенность, душевный покой, а в данном стихотворении еще выступают атрибутами и вечного покоя («*заройте меня в траву густую...*»). Конкретно-зрительные образы внешнего мира, их конкретизация помогают создать яркую, живописную картину.

Для придания образу ветра динамичности используются глагол *веять* (7 вхождений), отглагольное существительное *веянье* (1 вхождение), причастие *обвеянный*.

Противопоставление статики и динамики на семантическом и морфологическом уровнях видим в стихотворении «Пламя рдеет, пламя пышет...»:

А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,

Страстный говор твой ловлю... [9, с. 107]

Образ *покоя* статичен, создается существительным и прилагательным, противопоставленный же ему образ *ветра и листьев* – динамичен, для его создания используются глагольные формы: *веют, шуршат, обвеян*.

Движение ветра, его динамические характеристики имеют градационные возможности. Если глагольные формы *веять, обвеянный, веянье* означают ‘обдувание чем-то нежным и приятным’, небыстрым, то глагол *бушевать* уже означает ‘проявление природного буйства с сильными ветрами и дождями’: «*Сентябрь холодный бушевал...*» [9, с. 123].

Таким образом, для создания образа природных явлений с помощью воздушной стихии чаще всего употребляются имена существительные (90 вхождений), имена прилагательные, четко указывающие на природные явления (15 вхождений), глаголы и глагольные формы (20 вхождений). Каждая из названных частей речи задает определенный характер и темп поэтическому тексту.

В результате проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы:

во-первых, языковая составляющая, подразумевающая под собой изобразительно-выразительные средства языка, является главной характеристикой образа;

во-вторых, одним из средств этой характеристики являются средства морфологии – грамматические формы, способствующие передаче авторского смысла текста за счет создания определенных образов и задуманного эмоционального настроя;

в-третьих, любая часть речи, употребленная для описания конкретной пейзажной зарисовки, обладает выразительным потенциалом и служит созданию образной, смысловой и эмоциональной составляющей художественного текста.

Морфологически «природные явления» могут выражаться именами существительными, именами прилагательными, глаголами и глагольными формами, наречиями, числительными, междометиями и другими частями речи.

Выразительные средства морфологии при выражении природных явлений используются для создания богатой и яркой пейзажной картины, для усиления изобразительности текста, организации его статического или динамического характера, приближения

текста к читателю или, наоборот, отдаления поэтических образов от него, для выражения авторских оценок и переживаний, чувств.

Наиболее частотной частью речи, служащей для выражения природных явлений, является имя существительное. Оно называет конкретные проявления окружающего мира. С помощью данных конкретно-зрительных образов внешнего мира, их конкретизации создается яркая, живописная картина. Эмоциональный отклик, а также большая образность и оценочность создается благодаря использованию имён прилагательных. Они стоят на втором месте по частоте употребления. Далее идут глаголы и глагольные формы, придающие образам природных явлений динамичность, живость, стремительность. Чаще всего используются глаголы действия.

Среди встреченных нами частей речи, выражающих природные явления, были также наречия и числительные.

Пейзажная лирика поэта благодаря умелому использованию различных языковых средств и различных частей речи создаёт перед читателем яркую, красочную и объемную картину природного мира, устраняет границы, визуализируя написанное, отражает непосредственные впечатления.

Таким образом, каждая из названных частей речи задает определенный характер и темп поэтическому тексту.

Список литературы

1. Банникова М.С. Лексико-семантическая группа «Мелкие частицы воды» в языке поэзии Ф.И. Тютчева / Тютчев - русская поэтическая и политическая языковая личность: Международная научная заочная конференция, посвященная 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата. Брянск: Курсив, 2013. 375 с.

2. Голованевский А. Л. Поэтический словарь Ф. И. Тютчева: свыше 6000 слов и фразеологических словосочетаний. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2009. 962 с.

3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика». М.: Айрис-Пресс: Рольф, 2001. 441 с.

4. Касаткина В.Н. Поэтическое мировоззрение Ф. И. Тютчева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1969. 254 с. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2044203.html> (дата обращения: 14.10.2022 г.).

5. Козырев Б.М. Письма о Тютчеве // Литературное наследство. Т. 97: Фёдор Иванович Тютчев: в 2 кн. М.: Наука, 1988. Кн. 1. С. 70-131. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/kritika-about/kozyrev-pisma-otyutcheve/index.htm> (дата обращения: 10.11.2022 г.).

6. Котович М. И. Языковые средства создания персонажа в художественном произведении // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов IX Междунар. Науч. Практ. Конф. 2015. С.64–68

7. Кухаренко В.А. Практикум по стилистике английского языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2013. 144 с.

8. Толстой А. Н. Собр. Соч.: В 10 т. М., 1961. Т. 10.

9. Тютчев Ф.И. Стихотворения. М.: Правда, 1986.

10. Усова Н.В. Семантика водных обозначений в поэзии Ф.И. Тютчева Тютчевский дебют - 2 : научные публикации студентов и аспирантов : коллективная научная монография / ред. А.В. Антюхов, А.Л. Голованевский. Брянск: Редакционно-издательский отдел Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского ((РИО БГУ), 2009. 227 с.

Электронные ресурсы:

1. Средства выразительности в тексте / Инфоурок. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://infourok.ru/sredstva-virazitelnosti-v-tekste-2813286.html> (дата обращения: 15.11.2023 г.).

2. Бунин И.А. Мелкопоместные [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bunin.velchel.ru/?cnt=21&story=ta_38&page=2 (дата обращения: 15.11.2023 г.).

3. Жмурина Е. Вся сила русского глагола / Образовательная сеть nsportal.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2013/04/24/vsya-sila-russkogo-glagola> (дата обращения: 15.11.2023 г.).

4. Горький М. Месть [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/mest.htm> (дата обращения: 15.11.2023 г.).

Чиглинцева Т.А.

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, РФ

Научный руководитель – **Карамова А.А.**
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, РФ

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ»
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
И БРИТАНСКИХ СМИ (ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ)**

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики восприятия богатства и денег в современных русской и британской лингвокультурах, по сравнению с традиционной интерпретацией этих концептов, закрепленной в поговорках. Материалом исследования являются британские и русские СМИ. Делается акцент на оценочном аспекте репрезентации концепта «деньги».

Ключевые слова: СМИ, лингвокультура, концепт «деньги», концепт «богатство».

Chiglintseva T.A.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
Scientific supervisor – **Karamova A.A.**
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT «MONEY»
IN MODERN RUSSIAN AND BRITISH MEDIA
(EVALUATION ASPECT)**

Abstract. The article analyses the dynamics of perception of wealth and money in modern Russian and British linguocultures as compared with the traditional interpretation of these concepts, enshrined in the proverbs. The material of the study is British and Russian mass media. Emphasis is placed on the evaluative aspect of the representation of the concept "money".

Keywords: Media, linguistic culture, the concept “money”, the concept “wealth”.

Цель данной статьи – проанализировать динамику восприятия богатства и денег в современных русской и британской лингвокультурах, по сравнению с традиционной интерпретацией этих концептов, закреплённой в поговорках. С этой целью проанализирована выборка, репрезентирующая имя концепта – лексему *деньги / money*, из российских (Парламентская газета, Ведомости, NEWSru.com) и британских (Sunday Times, The Sun, The Guardian) СМИ.

В результате проведенного нами ранее анализа британских и русских поговорок, репрезентирующих концепт «деньги» [1], были получены следующие данные. Для русской традиционной лингвокультуры в целом характерно оценочное (положительное или отрицательное) отношение к деньгам, нейтральные единицы составляют всего 7% от общего числа проанализированных (для сравнения, британских – 23%). При этом, значительное большинство как русских, так и британских поговорок выражают положительное отношение к деньгам (61% из числа оценочных поговорок в русском языке, 55% из числа оценочных поговорок в английском языке; соотношение с поговорками, имеющими отрицательную окраску, в обоих языках, - 2:1). Примечательно, что 50% нейтральных в целом британских поговорок осложнены семантикой осуждения денежных долгов.

Сопоставив русские и британские поговорки, мы пришли к выводу, что многие из них являются транскультурными, универсальными для обеих лингвокультур, в эту категорию попали поговорки, описывающие блага, которыми обладает владелец денег, и указывающие на приоритет нематериальных ценностей перед деньгами или же негативные последствия от обладания богатством. При этом мы отметили «характерные только для русской культуры идеи, связывающие владение деньгами с бессонницей, страхом их потерять, лишними заботами, и указывающими, что обладание богатством ведет к потере души/нравственных качеств» [1, с. 142]. Кроме того, мы выделили уникальные для британской лингвокультуры резко отрицательное отношение к долгам и критику денежных долгов как порочной практики.

Однако анализ выборок отрывков из статей в современных СМИ показывает, что в настоящее время в обеих лингвокультурах концепт «деньги/money» практически не имеет репрезентации в негативном ключе. В рассмотренных выборках слово «деньги/money» использовалось только положительном или нейтральном контекстах. Даже в отрывках, освещающих экономические преступления, осуждается неправомерное получение/использование денежных средств, но к самим деньгам отрицательное отношение не прослеживается: «...незаконное пересечение границ Евросоюза обходится мигрантам в 4000 евро, **деньги** за это получает белорусская сторона» (Ведомости); «...согласны с необходимостью внести ясность в до сих пор нерегулированные финансовые отношения государства и зарубежных интернет-компаний, зарабатывающих громадные **деньги** далеко за пределами своей юрисдикции» (Парламентская газета); «а экономические интересы держателей неправомерно обретенного национального добра превращают российские **деньги** в инвестиции за рубежом и помогают жиреть иностранным толстосумам» (Парламентская газета) [2]; «That money was part of the cost of committing the fraud/ Эти **деньги** стали частью расплаты за совершенное мошенничество» (Sunday Times) [3].

Таким образом, если мы обратимся к употреблению слова «деньги» и «богатство» в текстах современных российских СМИ, то заметим, что идея об их пагубном влиянии на душу, восприятие денег как источника бед или лишних проблем стали менее актуальны в наше время. Отголоски прежнего ярко выраженного отрицательного отношения к большому состоянию можно встретить лишь в отдельных, очень редких примерах: **виной всему опять деньги** (Ведомости); **Для них это — бизнес прежде всего и, к сожалению, деньги любой ценой** (Парламентская газета); **Садальский пожурил Боярского из-за богатства его сына** (Lenta.ru). Противопоставление стремления к деньгам и сохранения духовных ценностей сохраняется в современной риторике: ...**никогда не ставил деньги выше ценности человеческой жизни** (Ведомости) [2]. В выборке с отрывками из британских СМИ таких примеров не нашлось.

В то же время в британском обществе персональные долги по-прежнему воспринимаются как нечто недопустимое, как позорное пятно на репутации, а их наличие как серьезная проблема, требующая

незамедлительного решения. Вернуть долг во что бы то ни стало и в кратчайшие сроки – главная задача должника: *it is easy to lose focus on repaying your debt and then have to pay heavy penalties* /легко забыть о цели выплачивать долг, и тогда придется платить большие пени/; *lie awake thinking about how to repay your personal debts?* /не можете уснуть, думая, как расплатиться с личными долгами? /; *Or do you think letting them go into debt is a good idea?* /Думаете, позволить им залезть в долги – хорошая идея? /; *Debt isn't something you can talk about easily* /О долгах непросто говорить/; *Some simple budgeting can help you find spare cash to service debts* /простое планирование бюджета поможет найти средства обслуживать долги/; *At least my debt was not terrifically large* /мой дог, хотя бы не был огромным/; *This is a debt that will blight her life* /этот долг испортит ей жизнь/; *Those workers should also be directed towards debt advice charities* /таких рабочих нужно направить в благотворительные организации, дающие советы по погашению долгов/ [3].

Таким образом, можно прийти к выводам, что традиционное восприятие денег в русской и британской лингвокультурах, репрезентированное в пословицах, претерпело трансформацию. Максимально сократилось количество негативных контекстов, полюс оценки сместился к положительной либо нейтральной шкале. При этом, несмотря на сходное положительное или нейтральное отношение к деньгам в современной российской и британской культурах, каждая из них, все же, имеет свои уникальные национальные черты, которые проявляются, в том числе, и в отношении к денежным средствам.

Список литературы

1. Карамова А.А., Чиглинцева Т.А. репрезентация концепта «деньги/money»)» в русских и британских поговорках // Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе: Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Уфа, 2023. С. 138-142.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.11.2023).
3. Collins free online dictionary, thesaurus and reference materials URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 05.11.2023).

Ямбулатова О.В.

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, РФ

Научный руководитель – **Карамова А.А.**
Бирский филиал Уфимского университета
науки и технологий, г. Бирск, РФ

**ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОГО И МАРИЙСКОГО
ЯЗЫКОВ С ФЛОРИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ДЕРЕВО /
ПУШЕНГЕ», «КУСТ / ВОНДО» (СФЕРА-ЦЕЛЬ МЕТАФОРИЧЕ-
СКИХ МОДЕЛЕЙ)**

Аннотация. В статье представлен опыт систематизации и сопоставительного описания фразеологических единиц русского и марийского языков с флористическим компонентом «дерево/пушенге», «куст/вондо». Предложена систематизация фразеологии с точки зрения сферы-цели метафорических моделей, лежащих в основу концептуализации фразеологической картины мира двух народов. В результате анализа выявлены универсальные и специфические черты, характерные для русской и марийской лингвокультуры.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизмы с флористическим компонентом «дерево / пушенге», «куст / вондо», оценка, метафора, метафорическая модель, семантические группы.

Iambulatoва O.V.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.
Scientific supervisor – **Karamova A. A.**
Birsky Branch of Ufa University
of Science and Technology, Birsck, Russia

**FEATURES OF SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH
FLORAL COMPONENT «TREE / PUSHENGE», «BUSH / VONDO»**

Abstract. The article presents the experience of systematization and comparative description of phraseological units of the Russian and Mari languages with the floral component «tree/pushenge», «bush/vondo». The systematization of phraseology from the point of view of the sphere-purpose of metaphorical models that form the basis of the conceptualization of the phraseological picture of the world of the two peoples is proposed. The analysis revealed universal and specific features characteristic of the Russian and Mari linguistic cultures.

Keywords: phraseology, phraseological units with a floral component «tree/pushenge», «bush/vondo», evaluation, metaphor, metaphorical model, semantic groups.

Введение

Особенности русского и марийского языков формировались под влиянием различных исторических событий, таких как возникновение такого государства как Русь, смена язычества христианством, жизнь под монголо-татарским игом, создание монархического вида правления, установление Советской власти, распад СССР. Вместе с тем, русский и марийский народы – это представители разных культур, со своими традициями, со спецификой истории, со своим мировоззрением. Изучение фразеологии как способа познания культуры позволит выявить универсальное и специфическое в концептуализации картин мира двух народов, что даст возможность интерпретировать духовные потребности культур, будет способствовать эффективному межкультурному взаимодействию.

Фразеологические единицы, в состав которых входят флористические компоненты «дерево/пушенге», «куст/вондо» в русском и марийском языках достаточно распространены. Во фразеологической картине мира русского и марийского народов флористические компоненты «дерево/пушенге», «куст/вондо» чаще всего осложнены эмоционально-оценочным содержанием.

Основная часть

Как известно, семантика большинства фразеологических единиц не определяется значением компонентов, входящих в её состав. Компоненты, входящие в состав фразеологической единицы, чаще всего подвергается метафорическому переосмыслению. Рассмотрим фразеологию с флористическим компонентом

«дерево/пушенге», «куст/вондо» с точки зрения сферы-цели метафорических моделей, лежащих в основу концептуализации фразеологической картины мира двух народов.

1. Ментальные качества человека:

- русская фразеология: *еловая голова* – «О глупом, бестолковом человеке» [6, с. 310]; *дубовая голова* – «О глупом, бестолковом человеке» [7, с. 120]; *берёзовый пень* – «О глупом человеке» [7, с. 23]; *дубина стоеросовая* – «О глупом человеке» [7, с. 55]; *как в лесу* – «В полном неведении, не понимая, не разбираясь в чем-либо» [с.133];

- марийская фразеология: *шопке пундыш (омарта)* (букв. «осиновый пень») – «Глупый, бестолковый, несообразительный; олух» [1, с.443].

2. Морально-волевые качества человека:

- русская фразеология: *как осиновый лист* – «Бояться, переживать от страха, волнения» [4, с. 56]; *сбежать, прятаться в кусты* – «Стараться уклониться от ответственности, этого дела» [4, с.325]; *лавры спать не дают* – «выражение зависти к успехам другого человека»; *шишка на ровном месте* - «Человек, который высоко ценит себя» [6, с.240]; *почивать на лаврах* – «Получать удовольствие от достигнутых результатов» [6, с.125].

- марийские фразеологизмы: *шопке лышташла (лышташ гай) чытыраш* (букв. «бояться, дрожатьсловно осиновый лист») – «Очень сильно дрожать, трястись (обычно от волнения, страха и т.п.)» [1, с. 442]; *шопке лышташ* (букв. «осиновый лист») – «Очень робкий, трусливый» [3, с.254]; *Кожлаште укшеран, пасушто мардежан* (букв. «В ельнике веток много, в поле – ветренно») – «Так говорят человеку, который всем не доволен» [5, с.129]; *Кече куэ вуйыш кўзен шумеш малет гын, ўмбаланет покишым возеш* (букв. «Будешь спать до того, как солнце поднимется до берёзовой головы, - на тебе роса выпадет») [5, с. 122-123]; *Кож деч кож шочеш, тумо деч тумо шочеш* (букв. «От ели рождается ель, от дуба рождается дуб») – «Каковы родители – таковы и дети» [5, с.128]; *Куэ парча лумым ок кучо, осал ег мутшыым ок шукто* (букв. «Верхушки берёзы не удерживают снег, злой человек не держит слова») – «Тот, кто много говорит, мало делает. Такой человек всегда старается показать себя правым на глазах у людей, даже если не выполняет обещания» [5, с.152]; *Лыжга пушенгым изирак мардеж лы-*

дырта (букв. «Лёгкий ветер может прогнуть лёгкое дерево») [5, с. 65]; *Мардеж кугу пушенгым йӱрата (йӱрыкта)* (букв. «Ветер ломает и крепкие большие деревья») [5, с.168]; *Нӱллӱ гыч нийым огыт кушкед.* (букв. «Из ольхи лыко не вяжут») – «Нельзя требовать того, чего нет» [5, с.186]; *Нӱллым огыт тӱндӱ* (букв. «Ольха не гнётся») – «О людях своенравных, непослушных» [5, с. 186]; *Олману деч олмаже мӱндыркӱ (умбаке, торашке) ок воч* (букв. «Яблоко от яблони недалеко падает») – «Каковы родители – таковы и дети» [5, с. 195]; *Пушенге вожишо дене виян, калык- йӱлаж дене* (букв. «Дерево корнем крепко, а народ – обычаями») - «Дети от своих родителей не отличаются» [5, с. 226]; *Пушенге парчаж дене мотор, айдеме – чонжо дене* (букв. «Дерево красиво своими кронами, а человек – душой») [5, с. 226]; *Шопке иштат тумым шелеш. Вийдымат ӱчым шуктен кертеш.* (букв. «Осина дуб может поломать») - «И бессильный может хитростью обойти сильного» [5, с. 292]; *Шопке лышташ мардеждеак тарвана* (букв. «Осиновый лист и без ветра дрожит») - «Человек, который любит бушевать, и без причины поскандалит» [5, с. 292]; *Шопкеште олма ок шоч* (букв. «Яблоки на осине не растут») – «Не стоит ждать добра от злых людей».

3. Физические качества человека:

- русская фразеология: *Старое дерево скрипит, да живет* – «Старые люди всё терпят, но живут»;

- марийская фразеология: *Тумыжо шонго, да вожишо рвезе* (букв. «Дуб стар, да корни у него молоды») – «Речь идёт о здоровом пожилom человеке» [5, с. 253]; *Тумат пенгыде, да мардеж дене куклалтеш.* (букв. «Дуб крепок, но качается на ветру») – «Одного крепкого другой крепкий победит» [5, с.252]; *Шарлака пушенгын укшыжо тормакан* (букв. «У раскидистых деревьев ветви корявые») – «О невысоких крепких здоровых людях» [5, с. 282]; *Шонго пушенге кочыртата да шога* (букв. «Старое дерево шелестит да стоит») – «Старые люди всё терпят, но живут» [5, с. 291]; *Кочыртатыше пушенге кочыртата да шога* (букв. «Дерево, которое качается, стоит и будет качаться») – «Здоровье пожилых не сравнить со здоровьем молодых, но тем не менее пожилые люди продолжают жить». [5, с.139].

4. Действия, поступки человека:

- русская фразеология: *вбить осиноый кол* – «Окончательно избавиться от чего-нибудь, забыть» [7, с.112]; *берёзовая*

каша – «Наказание за проступок» [7, с.16]; *разделить под орех* – «Эмоционально критиковать, осуждать» [7, с. 28]; *палки в колёса* – «Умышленно мешать кому-нибудь что-то делать, создавать препятствия» [4 с. 75]; *за чечевичную похлёбку продавать, уступать, менять* – «Из мелкой корысти (изменить чему-либо)» [4, с. 117]; *из-под палки* – «По принуждению (что-либо делать)» [4, с. 139]; *перегибать (перегнуть) палку в чём-то* – «Впадать в излишнюю крайность в чем-либо» [4, с. 246]; *хвататься за соломинку* – «Ища спасения, прибегать к такому средству, которое явно не может помочь» [4, с. 363];

- марийская фразеология: *куэ пучымышым пукшаиш* (букв. «берёзовой кашей кормить (давать, дать хлебнуть; угощать, угостить)») – «Бить, хлестать, пороть розгами, ремнём, веткой и т.п.» [3, с. 122]; *чара пистышке тупынь кузаиш* (букв. «на голую липу спиной залезать, залезть») – «Обманывать, обмануть кого-л., представляя что-л. в выгодном, желательном для себя свете» [3, с. 231]; *шопке менгым (ыресым) шогалтаиш (керын шогалтаиш, ямдылаиш)* (букв. «осиновый кол (крест) ставить, поставить (втыкая ставить, поставить; готовить, приготовить)») – «Окончательно избавиться от кого- или чего-л.; расправляться, расправиться с кем-л. или чем-л.» [1, с. 443]; *коршанге гай (коршангыла) пижаиш* (букв. «прилипнуть как репей») – «Назойливо приставать к кому-л. с расспросами, придирками и т.п.» [3, с. 115].

5. Жизненные ситуации:

- русская фразеология: *тёмный лес* – «О чем-л. совершенно непонятном или совсем незнакомом для кого-либо» [6, с. 248]; *заблудиться в трёх соснах* – «Не разобраться в самом простом, элементарном, не найти выход в самой простой ситуации» [2, с. 71]; *кто в лес, кто по дрова* – «Кто куда, неопределённая ситуация» [7, с. 133]; *проще пареной репы* «Очень просто или очень простой» [6, с. 114]; *шумел камыш* – «О шумной, пьяной компании» [6, с. 409]; *бамбуковое положение* – «Неприятное, затруднительное положение» [7, с. 14]; *за деревьями леса не видеть* – «Проявляя внимание к мелочам, забывать о главном, основном» [7, с. 65]; *дешевле пареной репы* – «Очень дешево или очень дешёвый» [7, с.191]; *дать дуба* – «Умереть» [7, с.72]; *глядеть в лес* – «Тяготаясь местом работы или местом пребывания, намереваться его оставить, покинуть» [7, с. 133]; *пальмовая ветвь* – «Сим-

вол мира, мирных намерений» [с.190]; *без сучка (и) (без) задоринки* - «Легко и гладко, без каких-либо помех, осложнений» [4, с. 25]; *палка о двух концах* – «То, что может кончиться хорошо или плохо» [4, с.242]; *пальма первенства* – «Полное превосходство, явное преимущество в чем-либо» [7, с.82];

- марийская фразеология: *шем (нычкемыш) чодыра* – «Неясность, полное непонимание кем чего-л. Темный (дремучий) лес для кого, что» [3, с. 251]; *Вүд деч посна пушенге кошка* (букв. «Дерево засохнет без воды») – «За всем надо ухаживать, уделять внимание, трудиться во благо развития. Иначе всё разрушится также, как дерево засохнет без воды» [5, с. 41]; *Енлан тисте ишкым ит кыре* (букв. «Не забивай липовый кол на ком-нибудь») – «Не следует поступать плохо, чтобы другого человека обидеть или подставить» [5, с. 55]; *Кудыр куэ шелаиш йöсö* (букв. «Кривую берёзу рубить тяжело») – «Справиться с новым делом нелегко, как и любить непостоянных людей» [5, с. 145]; *Курык гынат- мланде, тулуй гынат - пушенге* (букв. «Гора – это тоже земля, головёшка – тоже дерево») – «Когда нет многого (большого), и малое сойдёт» [5, с. 149]; *Кушто кож да куэ, тушто шудо шуэ* (букв. «Где берёзы да ель, там трава редкая») – «Трава будет густой и высокой там, где есть условия для этого. Так и в жизни. Развитие будет там, где есть условия для этого, есть движение» [5, с. 152]; *Куэ кумыж тул деч посна куптырга* (букв. «Береста и без огня сморщится») – «Что должно делаться само по себе, сделается без посторонней помощи» [5, с. 152]; *Нöлтö пудам тумо онаиш огыт пудале.* (букв. «Деревянные гвозди на деревянную доску не забивают») – «То, что изменить нельзя, следует принять» [5, с. 186]; *Нöргö воштыр лывырге.* (букв. «Молодая ветка очень гибкая») – «Молодого человека научить чему-то легче, чем пожилого» [5, с.186]; *Олмапум шынде, но олмажым эн ондак кочкаш ит вашке* (букв. «Посади яблоню, но не спеши есть яблоки с этого дерева») – «Это выражение используется, когда советуют радоваться успехам другого человека» [5, с. 186]; *Тур пушенгеиш кайык иинчеш* (букв. «Птицы садятся на те деревья, что с краю растут») – «И хорошее, и плохое достаётся первым» [5, с. 254];

6. Эмоции:

- русская фразеология: *ёлки зелёные* «Выражение удивления, восхищения, негодования, раздражения или других сильных

эмоций» [6, с. 311]; *Вот так клюква!* «Выражение удивления при неприятной неожиданности» [4, с. 71].

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Сфера-цель флористических метафорических моделей, которые ложатся в основу фразеологизации в русском и марийском языках, в основном, носит универсальный характер. Это, главным образом, отрицательная оценка, характеризующая ментальные свойства человека (главным образом, глупость), морально-волевые качества человека (трусость, бесхарактерность, самодовольство, зависть, лень), физические качества человека (молодость, старость, внешность), действия, поступки человека, жизненные ситуации. Примечательно, что многие марийские фразеологизмы заимствованы из русского языка без семантических изменений. Например, *шем чодыра - тёмный лес, шопке лышташ гай чытыраш - дрожать как осиновый лист*. Специфичным для марийской лингвокультуры является риторика поучения, совета, наставления, касающаяся жизненных ситуаций. Для русской лингвокультуры специфично выражение эмоций посредством флористических фразеологизмов.

Думается, что дальнейшее изучение фразеологии с флористическим компонентом в плане детального исследования самого флористического компонента, его символики, значимой для русской и марийской лингвокультур, позволит конкретизировать представленные выводы.

Список литературы

1. Андрианова Е.М. Марийско-русский фразеологический словарь: в 2 томах / Е. М. Андрианова, Л. И. Барцева, Ф. Т. Грачёва и др.; науч. ред. Л. И. Барцева, Н. М. Краснова, Г. А. Эрцикова и др. Йошкар Ола: МарНИИЯЛИ, 2020.
2. Баско Н.В. Фразеологизмы в русской речи: Словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2002. 272 с.
3. Грачёва Ф.Т. Марий фразеологий мутер: тунемше-влаклан пособий. Йошкар-Ола, 1989. 326 с.
4. Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1989. 383 с.

5. Китиков А. Е. Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1991. 336 с.

6. Легостаев А. А. Фразеологический словарь русского языка / А.А. Легостаев, С.В.Логинов. Ростов н/Д: «Феникс», 2003. 448 с.

7. Тихонов А.Н., Фразеологический словарь русского языка. М.: Высшая школа, 2003. 336 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атаманова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: atamanova2001@list.ru

Бессарабов Олег Викторович – преподаватель МБОУ "Школа № 150 города Донецка"; e-mail: bessarabov93@gmail.com

Бессарабова Юлия Васильевна – преподаватель МБОУ «Школа № 126 города Донецка»

Василенко Анатолий Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: a.p.vasilenko@mail.ru

Бурлакова Карина Николаевна – студентка 4 курса факультета истории, коммуникации и туризма направления подготовки «Информация и коммуникация» УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»; e-mail: karina.burlakova.02@mail.ru

Говоров Николай Игоревич — магистрант 3 курса филологического факультета направления подготовки «Филология. Профиль: Русский язык в современном научном и образовательном пространстве» ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: zimina.tn1969@gmail.com

Головачева Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: golovachevaolga@mail.ru

Горбачева София Андреевна – студентка 5 курса филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Литература») ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: photo@sonykph.ru

Горина Елизавета Андреевна – курсант 1 курса 13 учебной группы рядового внутренней службы ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России; e-mail: nauka-perm@yandex.ru

Искандарова Алсу Ильдаровна – аспирант 1 курса факультета филологии и межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (Бирский филиал г. Бирск); e-mail: alsuiskandarova@yandex.ru

Карамова Айгуль Айратовна – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (Бирский филиал г. Бирск).

Карпенко Анна Валентиновна – аспирант 1 курса ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»; e-mail: anna.karpenko2505@yandex.ru

Карпова Ксения Андреевна – студентка 4 курса филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Ли-

тература») ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Клестов Егор Дмитриевич – курсант 3 курса 31 учебной группы рядового внутренней службы ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России; e-mail: nauka-perm@yandex.ru

Ковалева Анастасия Федоровна – студентка 5 курса факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: ekl1ier@yandex.ru

Ковалева Ирина Сергеевна – студентка 5 курса филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Литература») ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: eirene1305@mail.ru

Кононова Александра Алексеевна – студентка 3 курса ФГБОУ ВО «Балтийский Федеральный университет имени Иммануила Канта»; e-mail: alexandraargentum@gmail.com

Куприянова Алина Александровна – аспирант ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: kuperalin@yandex.ru

Левичева Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Логвинова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Москов-

ский государственный институт музыки им. А.Г.Шнитке»; e-mail: Lo-grina@yandex.ru

Малащенко Владимир Владимирович – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Балтийский Федеральный университет имени Иммануила Канта».

Матусевич Екатерина Николаевна – аспирант УО «Мозырский государственный педагогический университет»; e-mail: katarina.kovalchuk@gmail.com

Минкин Кирилл Сергеевич – студент 5 курса филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Литература») ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: Lirik1200@yandex.ru

Морарь Кристина Андреевна – курсант 2 курса 21 учебной группы рядового внутренней службы ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России; e-mail: nauka-perm@yandex.ru

Морозова Ирина Андреевна – студентка 5 курса филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Литература») ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: hilairemeyer@mail.ru

Нарскина София Михайловна – студентка 2 курса факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: narskina.sof@yandex.ru

Никитина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: kafedra338@mail.ru

Петрова Наталья Евгеньевна – Кандидат филологических наук, доцент УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»; e-mail: petrova@bsuir.by

Печенкина Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: Olya_Bryansk@mail.ru

Пивоварчик Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»; e-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

Резник Надежда Викторовна – студентка 3 курса ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна»; e-mail: Nad.rez.sam@gmail.com

Савичева Екатерина Сергеевна – магистрант 3 курса ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: katia.sawi4ewa@yandex.ru

Свиридович Карина Владимировна – студент 3 курса филологического факультета УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»; e-mail: svfbg@tut.by

Селифонова Елена Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: idiomal@yandex.ru

Семенова Софья Андреевна – студентка 5 курса филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Литература») ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Сенкевич Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»; e-mail: sienkiewicz@tut.by

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ФГБОУ ВО "Донецкий государственный университет"; e-mail: terkulov@rambler.ru

Умаева Элина Беслановна – студентка 5 курса филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Литература») ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Федорова Юлия Владимировна – студентка 5 курса филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Литература») ФГБОУ ВО «Брянский государ-

ственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Чиглинцева Татьяна Александровна – аспирант ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий" (Бирский филиал г. Бирск); e-mail: tessykat@mail.ru

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, заместитель директора института русской и романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; e-mail: ekl1ier@yandex.ru

Юнусова Александра Антоновна – курсант 3 курса 34 учебной группы рядового внутренней службы ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России; e-mail: nauka-perm@yandex.ru

Ямбулатова Ольга Владимировна – аспирант ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий" (Бирский филиал г. Бирск); e-mail: yambulatovaly@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Бессарабов О.В., Бессарабова Ю.В. ВАРВАРИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА РУССКОГО ЯЗЫКА.....	3
Бурлакова К. Н ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИКОДОВОЙ РЕКЛАМЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИХ РЕКЛАМНЫХ АГЕНТСТВ).....	8
Говоров Н.И. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ.....	15
Горбачева С.А. ОБРАЗ ДЕМОНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК ТИП МЯТЕЖНОГО ГЕРОЯ	19
Искандарова А.И. КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ» В ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЕ МИРА ШКОЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ (РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)	28
Карпенко А.В. КАРТОЧНАЯ ИГРА В XIX ВЕКЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН, ОТРАЖЁННЫЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ I-ОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	34
Карпова К.А. МЕТАФОРА И ЕЁ ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ПОЭЗИИ Н.С. ГУМИЛЁВА	44
Клестов Е.Д., Юнусова А.А. СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	52
Ковалева А.Ф. НЕМЕЦКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ВОЛОСЫ»	56
Ковалева А.Ф. НЕМЕЦКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ЖИВОТ»	61
Ковалева И.С. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРЕДМЕТЫ ПОСУДЫ, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. ШОЛОХОВА.....	66

Кононова А.А. ОБРАЗ ДОМА В РОМАНЕ МАРИАМ ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ»	72
Куприянова А.А. МОТИВ ОБРЕТЕНИЯ СЛОВА В МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГЕ «НА ГРАНИ ВЕКОВ»	
П.Л. ПРОСКУРИНА	80
Логвинова И.В. ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ НАСЛЕДИЯ УЧЕНЫХ XIX ВЕКА КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ И СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА (ОБ ИЗУЧЕНИИ НАУЧНОГО И ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М. П. ПОГОДИНА)	89
Матусевич Е.Н. ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	96
Минкин К.С. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ: ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	105
Морарь К.А., Горинова Е.А ГЛОБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК: ЯЗЫК ПРИМИРЕНИЯ ИЛИ ЯЗЫК ПОРАБОЩЕНИЯ?	113
Морозова И.А. ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ДВИЖЕНИЯ» В ПОЭМЕ В.В. МАЯКОВСКОГО «ОБЛАКО В ШТАНАХ».....	116
Нарскина С.М. ПАРЕМИЙНАЯ ОБРАЗНОСТЬ РУССКИХ И КАЗАХСКИХ ПОСЛОВИЦ О РОДИНЕ	122
Петрова Н.Е. ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ «РУБРИКАЦИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА» НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ВУЗЕ.....	130
Резник Н.В. ВЛИЯНИЕ СССР НА РУССКУЮ НАРОДНУЮ КУЛЬТУРУ	138
Савичева Е.С. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИИ	145
Свиридович К.В. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЛИЧНЫХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПРОЗЕ ГЕОРГИЯ МАРЧУКА.....	151

Семенова С.А. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕ- ПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА МОСКВЫ В РОМАНЕ М.А. БУЛГА- КОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА».....	161
Сенкевич В.И. КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ В АНТИНОМИИ ДИСКУРСА И ЛОГОСА.....	170
Умаева Э.Б. МЕТАФОРА И СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБЫ ВЫ- РАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ И ЧУВСТВ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»	179
Федорова Ю.В. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕ- НИЯ «ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.И. ТЮТЧЕВА	187
Чиглинцева Т.А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ СМИ (ОЦЕ- НОЧНЫЙ АСПЕКТ).....	198
Ямбулатова О.В. ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОГО И МАРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ С ФЛОРИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ДЕРЕВО / ПУШЕНГЕ», «КУСТ/ ВОНДО» (СФЕРА-ЦЕЛЬ МЕТАФОРИЧЕ- СКИХ МОДЕЛЕЙ).....	202
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	210

научное электронное издание сетевого распространения

**СОХРАНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Материалы Международной
научно-практической конференции
28-29 ноября 2023 г.

Подписано к использованию 23.11.2023 г.
Формат 60×84 1/16. Объем 1,64 Мб

«РИСО Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского»
Адрес: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20.